

ДМИТРИЙ ЗУРКОВ
ИГОРЬ ЧЕРЕПНЕВ

ТРИУМВИРАТ

Annotation

Место действия – Российская империя. Время – Первая мировая война.

Три человека, по прихоти Судьбы перенесённые из далёкого две тысячи первого, всё-таки встречаются. Для чего? Чтобы эта капризная дама поиграла с ними в кошки-мышки? Или чтобы исправить ошибку Истории и не дать стране сорваться в кровавый хаос? Ничего ещё не predetermined... Но триумвират попаданцев уже существует и действует. И пусть против них все: начиная от пресловутой мировой закулисы и банковских воротил, желающих урвать на халяву лакомые куски и превратить в нищую колонию огромную страну; армий, пытающихся вбить в пыль героев, осененных георгиевской лентой, и заканчивая революционерами всех мастей, жаждущими крови и разрушений... Хотя есть еще достаточно людей, для которых слово «Россия» – не пустой звук...

- [Дмитрий Зурков, Игорь Черепнев](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Дмитрий Зурков, Игорь Черепнев

Триумвират

© Дмитрий Зурков, 2018

© Игорь Черепнев, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Авторы искренне благодарят участников форумов «В Вихре Времен» и «Самиздат», кто помогал советами и замечаниями и без чьего участия книга не получилась бы такой, как она есть, и особенно:

Светлану, Екатерину и Илью Полозковых, Элеонору и Грету Черепневых, Ольгу Лащенко, Анатолия Спесивцева, Владимира Геллера, Игоря Мармонтова, Виктора Дурова, Виталия Сергеева, Александра Колесникова, Владимира Черменского, Андрея Метелёва и Валерия Дубницкого.

Глава 1

Хорошо жить в боярских хоромах! Особенно учитывая последние достижения науки и техники. Типа электричества, водоснабжения и всех остальных удобств. Вот уже больше недели я обитаю в гостях у академика Павлова вместе с Дашей и ее мамой, которая «подстраховывает» вторым номером мою медсестричку. А еще компанию мне составляет Семен. По моей просьбе Иван Петрович забрал сибиряка из госпиталя к себе на излечение. Левую руку полностью спасти ему не удалось, пришлось ампутировать посередине предплечья. Ходит мрачный, но вроде ему тут потихоньку начинает нравиться. Товарищ майор, который ныне академик, предложил ему остаться инструктором в Институте. Будет обучать будущих следопытов и метких стрелков. Тем более что ротмистр Воронцов, вовлеченный в нашу «очень тайную организацию» и отвечающий за безопасность Института, сначала выпытывал у него особенности подготовки, а вчера получил с моей стороны обещание прислать несколько человек из первого состава в командировку для обучения местной охраны. А Павлов собрался – в случае согласия сибиряка остаться – помочь с протезом и переездом его семьи сюда.

Ну, да ладно, на сегодняшний момент есть более насущные проблемы. Например, сегодняшний приезд моих родителей!.. За что, опять-таки, благодарить надо товарища майора-академика. Вот уж, действительно, широко развернулся под крылышком у принца Ольденбургского. Вызнал все о предстоящей свадьбе и принял свое гениальное командирское решение. А меня поставил в известность только после того, как получил телеграмму о том, что предки мои выехали. Все мои возмущенные вопли о неприкосновенности личной жизни не возымели на него никакого воздействия. Из-за одного-единственного железобетонного аргумента.

– Денис Анатольевич, я знаю, что ты, конечно, не ефрейтор Сашка, но по местным дамам там тоже побегал в свое удовольствие. Сейчас ситуация другая, потому и нельзя пускать все на самотек. Ты мне скажи, ты на мадемуазель Даше хочешь жениться?

– Конечно, хочу! Только какое это имеет отношение...

– Тогда о чем мы спорим? Я тебе наоборот помогаю. Ты сам-то когда смог бы получить родительское благословление, а? Поехал бы в Томск изображать возвращение блудного чада с просьбой разрешить стать взрослым? А тут – родители героя едут повидать своего сына. Причем за

казенный кошт. Ну, почти за казенный. И здесь о тебе будут хлопотать и знаменитый академик, и боевой генерал, и, если потребуется, сам принц Ольденбургский, который уже в курсе, что спаситель великой княжны проходит лечение в Институте. Думаешь, он не захочет замолвить словечко в знак благодарности и признательности?.. Вот так-то, старлей. Ты там, на фронте, может, и не видишь в полном объеме того бардака, что творится в стране, а я его уже досыта навидался. Ты в девяносто первом еще сопляком был, а я знаю, что такое – терять страну! И чем быстрее решим все личные вопросы, тем быстрее начнем... Ладно, об этом потом, когда граф Келлер вернется и тебя на ноги поставим...

А вот и моя ненаглядная прибежала. Во всем стерильно-чистом, как и подобает образцово-показательной сестре милосердия. С утра носилась как заведенная, наводя порядок в палате, после того, как горничная всё уже сделала, вытирала тряпочкой невидимую и, скорее всего, несуществующую пыль. Перед посещением императора такого не было!.. Хотя оно и понятно. Где император, а где будущие свекр со свекровью... Потом уговорами впихнула в меня за завтраком лишних полфунта сухофруктов, мотивируя тем, что они полезны для кроветворной системы. Вот лишних стописят красного сухого почему-то никто не предлагает! Хотя они тоже для этой системы очень полезительны... Что-то меня несет, тоже мандражирую слегка... Так, успокаиваемся и в очередной раз успокаиваем разнервничавшуюся медсестричку...

– Денис, а вдруг я им не понравлюсь?..

Тысячу раз слышал уже этот вопрос и видел эти огромные испуганные глазищи. Это какой-то изощренный самосадизм! Даже знаю, как по-медицински звучит диагноз – «Невестин синдром».

– Дашенька, не может быть такого! Ты им обязательно понравишься!..

– Нет, ну а вдруг?..

– Не будет никакого «вдруг»! Ты – самая лучшая, весь мир у твоих ног, в том числе и я, весь такой бедный и несчастный!.. Которого сегодня только два раза пожалели, вот!..

Насколько хватает артистических способностей, делаю обиженную мордочку. Моя милая не выдерживает и улыбается... И в этот момент распахивается дверь, и на пороге появляются мои – теперь уже мои – родители!.. Мама немного располнела, и на лице чуть прибавилось морщинок, отец все такой же сухопарый, пытается придать лицу невозмутимое выражение. Но вид у обоих ошалелый. Рядом, стараясь выглядеть серьезным, стоит Иван Петрович.

– Вот здесь и обитает ваш, точнее, наш герой! Как видите, мы

постарались создать наилучшие условия для его выздоровления!.. Ну-с, не будем мешать! Мы оставим вас ненадолго... Дашенька, голубушка, пойдёмте...

Незаметно подмигнув, академик, взяв под руку мою милую, быстро исчезает... Как там у классиков? Лучшая защита – это нападение? Попробуем взять инициативу в свои руки!..

– Папа, мам, здравствуйте, как я рад вас видеть! Мама, не волнуйся, со мной все в порядке! Несколько царапин и рука прострелена... Но уже все заживает!..

– Как прострелена?! Где?! Тебе не больно?! – с тревогой глядя на меня, спрашивает мама. – Как это случилось?!

– Да теперь уже все нормально, мам, в бою пулей прострелили. Вот и получилась у меня лишняя дырка... Сейчас уже почти зажило все!

– Наденька, ты же видишь, живой, здоровый!.. Почти... – папа пытается ее успокоить, затем протягивает мне руку. – Ну, здравствуй, сын!..

– Здравствуй, папа!.. Нет, правой не могу, она как раз и ранена...

Отец, досадливо поморщившись на свою несообразительность, машет рукой.

– Да вы садитесь рядышком, вот специально кушетку для этого притащили...

– Денис, ответь мне, пожалуйста, на один вопрос... – папа, как всегда, начинает официальным тоном, но потом чуть тушует. – Когда мы в газетах прочитали о покушении на великую княжну и о том, что ее спасли солдаты некоего штабс-капитана Гурова, немногие поверили, что это был ты. И я, честно говоря, – тоже. Ты еще полгода назад был всего лишь прапорщиком, да и вообще... с самого детства – избалованным любимчиком матери... Но когда меня вызвал к себе сам градоначальник и настоятельно рекомендовал срочно выехать в Москву... До этого мне и в голову не приходило, что мой сын... Как получилось, что...

– Папа, все дети рано или поздно взрослеют. Со мной это случилось после контузии... Ну, я об этом вам писал...

– Денис, а почему писал так редко?.. – отец срывается на привычную нотацию, но под маминым взглядом осекается. – Извини, я тебя перебил...

– Простите меня... Не всегда была возможность писать... Не могу вдаваться в подробности, но это из-за особенности службы. Хотел написать, когда совершу какой-нибудь подвиг, когда стану настоящим мужчиной, как ты и хотел, папа!.. Теперь я буду писать вам чаще...

– А про спасение Ольги Николаевны ты можешь нам рассказать?

Мама уже успокоилась и приготовилась слушать романтическую

историю в духе рыцарских романов. Не буду ее разочаровывать. Естественно, в меру дозволенного...

Мое животрепещущее повествование прерывается скрипом двери. На пороге стоит Даша с подносыком в руках. Смущается и покрывается румянцем. Потом все же справляется с собой.

– Прошу простить, Денису... Анатолевичу необходимо принять лекарство...

– Мама, папа, познакомьтесь, это Да... Кхрг... Дарья Александровна Филатова, сестра милосердия, мой ангел-хранитель, уже второй раз выхаживает меня после ранений...

Смущенный ангел-хранитель дает мне какие-то пилюльки, мензурку с травяным отваром и тихонько, как мышка, исчезает за дверью.

– Денис, а кто она?

– Как я уже сказал, – Дарья Александровна Филатова, дочь инженера-путейца Гомельских железнодорожных мастерских... И моя невеста!.. Мы помолвлены!..

– Сын! Как ты мог?!

– Анатоле!.. Наш мальчик уже сказал тебе, что стал взрослым... – Опаньки, такой тон я слышал за свою жизнь пару раз, не больше!.. Мама лукаво смотрит на меня и продолжает уже мягче: – Она тут одна?

– Нет, со своей мамой...

– И как ее зовут? Я имею в виду – маму...

– Полина Артемьевна...

– Хорошо, вы тут побеседуйте, а я хочу познакомиться с Дарьей Александровной и Полиной Артемьевной поближе...

Мы остаемся вдвоем, отец некоторое время озадаченно молчит, потом произносит:

– Да, Денис, ты действительно стал каким-то другим, взрослым... За неполных два года из восторженного юноши превратился в...

– Во взрослого мужчину, штабс-капитана Русской армии, кавалера трех орденов и прочая, и прочая... Извини за грубость, папа, но армия из зеленого дерьма делает стальные штыки...

– Кто это сказал?

– Какой-то великий философ...

А почему бы, собственно, простому сержанту и не быть великим философом?..

Глава 2

Через пару дней, закончив предварительное расследование, вернулся наш граф Келлер. Причем не один, а вместе с капитаном Бойко, прикомандированным к генералу «вплоть до особого распоряжения».

Воспользовавшись своими связями и возможностями и назначив непосредственным исполнителем доктора Голубева, академик организовал для моих «родных и близких» экскурсию в Первопрестольную почти на целый день. Так что мы смогли спокойно собраться на «конспиративной явке» в кабинете Ивана Петровича. Невзирая на возражения господ эскулапов, туда я добрался своим ходом, правда, с помощью пожилого санитаря, который сначала одел и обул меня в подобие спортивного костюма, так как самому нагибаться было еще больно, а потом, поддерживая под здоровый локоток, отбуксировал по месту назначения. Все уже собрались, так что с появлением бледной немочи в моем исполнении началось первое заседание клуба «Что, где, когда?». Потому, что сегодня мы должны были ответить хотя бы предварительно на эти вопросы. В смысле, что, где и когда мы будем делать, чтобы малость откорректировать поведение Госпожи Истории. Тем более что некий ефрейтор Александров, ныне обитающий в генерале Келлере, был яростным фанатом этой игры, капитаном факультетской команды в своем универе и являлся бездонным кладезем фактов по военной технике и истории. А во время службы даже бомбардировал Ворошилова своими письмами в тщетной надежде прославиться и услышать свой вопрос с голубого экрана.

В качестве вступления Федор Артурович поведал все, что удалось узнать в ходе расследования.

– Факты таковы, господа, что мы имеем дело с хорошо продуманной акцией. И самодеятельностью революционеров-террористов здесь и не пахнет. Подобранные в лесу раненые поляки очень быстро сдали телеграфиста Марчинского, который приютил их на брошенном хуторе, снабдил оружием и дал информацию о движении поезда. Взяли его и сообщника. Марчинский очень быстро раскололся и рассказал все, что знал, и все, о чем догадывался. Работал он на разведывательный отдел германского Генерального штаба, и вся катавасия, по его словам, была затеяна с целью похищения великой княжны, чтобы иметь хороший предлог и весомый аргумент для сепаратных переговоров о мире с

российским императором.

– Покорнейше прошу извинить, ваше превосходительство, но насколько ему можно верить? – выражает вполне обоснованное сомнение ротмистр Воронцов. – Мои коллеги участвовали в расследовании?

– Конечно, Петр Всеславович, Минское отделение всемерно нам помогало. В полном составе. А насчет искренности – казачьи нагайки всегда были хорошими стимулами говорить правду...

Вопросительно смотрю на Валерия Антоновича, тот, улыбаясь, утвердительно кивает головой... Значит, дело проходило у нас на базе... Кто там из мастеров был?.. Михалыч, Гриня, Митяй и мелкий Змей Горыныч, в смысле – Егорка. Типа игра в четыре руки?.. Нью-нью!.. Скорее всего, жертва действительно сказала все и даже немножко сверх этого. Особенно учитывая то, что спрашивавшие, помня об убитых и раненых в последней операции, имели свою кровную заинтересованность.

– ...сомнения вызывают только два факта. Во-первых, у убитой польки был найден пропуск через линию фронта на немецком языке и предписание всем должностным лицам германской армии оказывать всемерное содействие. Документ без имени, на предъявителя. Бумага отправлена на экспертизу, но ответа еще нет. И, во-вторых, когда беседовал с Ольгой Николаевной, она сказала, что там, на поляне, девица о чем-то говорила с умирающим главарем. Польский княжна не понимает, но слова «Ла-Манш» и «Лондон» ей запомнились. Так что не исключено, что тут замешаны и наши союзнички.

– Какой им смысл убивать члена императорской семьи и, кстати, дальнюю родственницу короля Георга? – Иван Петрович вопросительно смотрит на генерала.

– Смысл есть только если можно свалить исполнение на германцев. А учитывая очень своевременное появление этих вестфальских егерей...

– Прошу прощения, Федор Артурович! – спешу поделиться своими мыслями. – Гауптман, который всеми ими командовал – отнюдь не егерь. Я с ним немного знаком. Это – Генрих фон Штайнберг, командовал ранее авиаотрядом, потом он гонялся за нами вместе с «зелеными» возле Ловича... Кстати, тогда егеря были пешими. А Вестфальский полк?.. Кавалеристы?.. Тогда где их шпоры?..

– Ну, положим, шпоры они могли снять перед лесом, чтобы удобней было двигаться... В общем, с пленными еще работать и работать...

– И еще... Гауптман на поляне подошел к княжне, вытянулся и отдал честь. Не похоже, чтобы они собирались ее убить.

– Да, Денис Анатольевич, Ольга Николаевна сказала, что он

представился и доложил, что прибыл на помощь. Германцы, наоборот, должны были с нее пылинки сдуть и на руках носить...

– Федор Артурович, а давайте-ка их к нам! Петр Всеславович, мы в состоянии обеспечить их охрану?.. – У Павлова от какой-то идеи загорелись глаза. – Испытаем на них новую аппаратуру... Денис Анатольевич, не смотрите на меня, как на профессора-маньяка!.. Вопрос стоит только о проверке опытного экземпляра полиграфа, сиречь, детектора лжи.

– А он у вас с обратной связью?.. Типа, сказал неправду – и больно?..

– Нет, так кто из нас маньяк?.. – смеется Павлов.

– Наверное, все же господин штабс-капитан, – улыбаясь, поддерживает его Валерий Антонович. – В отряде случайно обронил одну из своих... хохмочек, мол, «больно – это наша работа», теперь на занятиях по рукопашному бою только это от бойцов и слышно.

– Так, теперь об отряде, точнее – о батальоне, – продолжает генерал Келлер. – На докладе у его величества был разговор и об этом. Так что, Денис Анатольевич, вместе с капитаном Бойко готовьте предложения по личному составу и вооружению, буду лоббировать их в Ставке. Насколько я знаю, предварительные наметки у вас есть. Кстати, я разговаривал с генералом Алексеевым, он обещал мне здесь, на Западном фронте, кавалерийский корпус. С приданной артиллерией, между прочим. Имейте это в виду. Так же, как и то, что я буду просить прикомандировать к нему ваш батальон... Да, и еще! Я взял на себя смелость назвать его батальоном специального назначения и ввиду его особого статуса попросил государя-императора назначить шефом батальона великую княжну Ольгу Николаевну!.. Думаю, это будет всяко лучше, чем кто-то из великих князей попытается подгрести вас под себя.

– Федор Артурович, спасибо! – Вот уж, действительно, хорошие новости. – Сегодня же с Валерием Антоновичем все распишем!

– И поторопитесь! По секрету – его величество через неделю собирается выехать на фронт. Я так думаю, что он непременно захочет заехать к вам. Поэтому, господин капитан, подготовьтесь как следует. Не надо никакой особой парадности и торжественности. Покажите государю все, что умеют ваши солдаты. Тактику, стрельбу, рукопашный бой, ну и все остальное. Хотя он же любит традиционные смотры... Успеете разучить новую строевую песню?.. Денис Анатольевич, вы же помните «Путь далек у нас с тобою», напишите слова, пожалуйста!.. Ну вот, вроде и все, что хотел сказать.

– Теперь моя очередь... Что-то у нас ерунда получается, вроде

отчетно-выборного собрания. Ну, ладно... – Павлов поудобней устраивается в кресле. – Федор Артурович, вы уже немного в курсе моих дел, но сейчас расскажу подробно и обо всем. Институт, в котором мы сейчас находимся, пока является в основном медицинским учреждением, где отрабатываются самые передовые на сегодня способы лечения. Кстати, Денис Анатольевич, вы не задавались вопросом, отчего так быстро пошли на поправку? При том, что в санитарном поезде вас буквально вытащили с того света. Я, конечно, не буду умалять роль мадемуазель Даши, но в обычном госпитале вы бы провалялись месяца три, ежедневно молясь о том, чтобы не начались осложнения. А пенициллинчика-то в аптеке нет-с! По причине его полного наличия отсутствия. А весь секрет, голубчик, в воздействии на вас информационными электромагнитными полями. Это те процедуры, которые вы ошибочно приняли за физиотерапию. А на самом деле – отличная методика для лечения широкого спектра заболеваний...

Так вот, Институт в этом качестве получил широкую известность, поэтому от толстосумов, желающих вылечить реальную или мнимую болячку, нет отбоя. Что, собственно, и позволяет во-первых, заниматься некоторой благотворительностью, а во-вторых, вести исследовательские работы, причем не только по медицинской линии. Если вкратце, то помимо медицинской линии ведутся работы в области связи и, вообще, электро- и радиотехники. Насколько это возможно сейчас. В данный момент работает лаборатория по усовершенствованию элементной базы – пока ламповой, но в перспективе выход на полупроводники. Что такое р-п-р-переходы, еще никто не забыл?.. Причем все, что можно запатентовать, немедленно оформляется. Например, отработан способ сублимирования... Простите, Валерий Антонович, дурная привычка все объяснять непонятными словами!.. Сублимирование – это обезвоживание особым способом. Сейчас есть опытные экземпляры продуктов, занимающие очень немного места и весящие всего ничего. Но поместив такой «брикетик» в котелок с горячей водой, солдат может получить, например... кусок хорошо прожаренного мяса. Представьте, что сухой паек будет весить в несколько раз меньше, чем до этого. Уже поданы бумаги на оформление привилегии. Сейчас вместе с доктором Боткиным занимаюсь вопросом обработки консервов и перевязочных средств ионами серебра.

– Иван Петрович, я понимаю, что это – задел на будущее. Но сейчас идет война...

– И вы, Денис Анатольевич, хотите узнать, что сделал академик Павлов, так сказать, для фронта, для победы? Пока немного. Разработка новых индпакетов, работа над антибиотиками, недавно перетащил к себе

удивительного самоучку, Якова Пономаренко, делающего протезы, да такие, что получали Гран-при на выставке в Париже! Вот как раз для вашего сибиряка он сейчас и трудится. В ближайшей перспективе – открыть под его руководством цех. Как раз для нужд фронта... Если хотите узнать про ядрен-батон – еще не изобрел. Но думаю об этом...

– Нет уж, свят-свят-свят! – Ага, с этого гения станется. Будущий Эйнштейн, блин, с Оппенгеймером пополам. Реальный Тесла, говорят, Тунгусский метеорит изобрел, а этот еще дальше пойти хочет. – Спасибо, Иван Петрович, конечно, за заботу, но как-нибудь в другой раз, попозже! А лучше – вообще никогда!.. Хотя вряд ли получится...

– Так вот и я о том же, Денис Анатольевич! – Павлов ехидно улыбается. – Не мы, так – нам!

– Ну, это – дело далекого будущего. А нам воевать надо сейчас. У вас на примете никакой слесарно-инструментальной мастерской нет?.. А жаль. Пока временно недееспособный, хотел поизобретать немного. Пистолет-пулемет, например, или какой-нибудь миномет-гранатомет. И разведчикам, и штурмовикам необходимо новое оружие. Пока желательно такое, чтобы можно было сварганить его с минимумом оборудования. Производственная база нужна...

– Вы, Денис Анатольевич, лучше подумайте не об этом, а вот о чем, – вступает в дискуссию молча слушавший до сих пор Федор Артурович. – Так и собираетесь остаться в обер-офицерских чинах, или, как сами когда-то говорили, «на рельсы встать» желаете? Погоны с двумя просветами хотите носить?.. Если да, то готовьтесь, пока есть время, сдавать экстерном экзамены за курс военного училища. Тогда будете приравнены к кадровым. Сможете дорасти со временем и до моих чинов. И в Офицерскую стрелковую школу, что в Ораниенбауме, тоже не мешало бы вам съездить. Там сейчас в основном готовят пулеметчиков, но помимо этого серьезно занимаются бронеавтомобилями. А вы, насколько я понимаю, хотите в личное пользование аж три БТРа соорудить. Вот и пообщаетесь с умными людьми. Что-то они подскажут, что-то вы им...

– Издеваться изволите, ваше превосходительство? Или это маленькая ефрейторская месть?.. По милой улыбке вижу, что – да... А кто будет заниматься первым в мире батальоном спецназа? Если разведку и диверсии мы в целом освоили, то штурмовики еще в самом зарождении.

– Кстати, поведайте нам о своих успехах. А то по штабам разные слухи ходят. В том числе и самые фантастические.

– Ну, если очень кратко... Начинал с четырех казаков-добровольцев, сейчас, как сами знаете, разворачиваемся в батальон. В активе – срыв

химической атаки возле Ловича и ликвидация Гинденбурга и Людендорфа. Это – не считая мелких шалостей... Ну, и спасение великой княжны Ольги Николаевны.

– Значит, слухи не такие уж фантастические. Браво!.. – Келлер довольно улыбается.

– А помимо этого практически полная остановка движения противника по рокадной железной дороге Скерневицы – Лович – Сохачев во время нашего отступления. И, как следствие, почти полное прекращение снабжения передовых частей противника, – Валерий Антонович решает разбавить мою лаконичность, – а также вскрытие германской шпионской сети в Минске и личное участие в операции по обезвреживанию главных фигурантов.

– Однако вы все это время не скучали, господин штабс-капитан! – Иван Петрович немного удивлен. – Прямо-таки Джеймс Бонд какой-то!

– Не-а, мистер Бонд уплыл по Висле на подводной лодке в свою любимую Англию. – Видя заинтересованность собеседников, объясняю: – Когда уходили от егерей, пришлось германский пароходик захватить. Вот капитану по ушам и поездил, мол, разрешите представиться, Бонд, Джеймс Бонд, офицер флота его величества короля Георга. Вот сейчас заберу пару секретных ящичков с вашего парохода, сяду в подлодку и уплышу домой. И даже спел ему пару строчек типа «We all live in Yellow Submarine».

– Ну, старлей, ну, молодец! – под дружный смех комментирует Павлов. – Надо же было додуматься!..

* * *

После перерыва на обед, доставленный прямо на место, разговор снова вернулся к самому серьезному вопросу – «что делать?». Окончательная цель, естественно, была понятна, но как это сделать, до конца не решили. И самую большую проблему составлял наш генерал со своим фанатизмом в отношении Николая II...

– Я, впрочем, как и вы, господа, присягал государю-императору Николаю Второму и нарушать клятву не намерен! – Келлер обводит нас грозным «орлиным» взором. – И уподобляться лейб-кампанцам Елизаветы Петровны не собираюсь!

– Федор Артурович, бога ради, успокойтесь! – Павлов примирительно поднимает руки. – Никто и не собирается устраивать подобные штуки! Мы же все знаем, что очень скоро наш самодержец отречется от трона в пользу

своего брата Михаила Александровича. И за себя, и за цесаревича Алексея... И я так думаю, что наша задача к тому времени – просветить великого князя о грядущих переменах и привлечь его в наши ряды. Тем более что, насколько я помню, после перестройки, в середине девяностых появилась и упорно гуляла версия о том, что Александр Третий взял с нынешнего императора слово, что тот передаст власть младшему брату. Не будем спорить об истинности этого тезиса, правду мы, скорее всего, никогда не узнаем. Просто нам нужно, чтобы Хозяин земли Русской согласился на те реформы и преобразования, которые мы предложим. И с этой точки зрения Михаил Александрович гораздо лучше.

– Невзирая даже на морганатический брак и явные англофильские взгляды? – Федор Артурович, успокоившись, с сомнением смотрит на собеседника. – Если бы не война, ему бы и в Россию не разрешили вернуться. Я не говорю уж о том, что половина высшего света его просто не воспримет, как царя... Денис Анатольевич, что вы так многозначительно улыбаетесь?

– Я жду, когда вы, господа, наспоритесь вдоволь, чтобы задать один, но очень важный вопрос.

Честно говоря, немного поднадоело слушать эту перепалку.

– Вам не кажется, что мы не с того начали? Что сначала нужно сообразить, как мы будем разгребать весь этот навоз, в смысле, какие реформы и как радикально проводить. А уж потом думать, кто из виртуальных венценосцев сможет это сделать... И сможет ли вообще. Что, по-вашему, необходимо сделать, чтобы потушить пожар, а не загонять его вглубь?.. Я, конечно, не гений-реформатор, но... На кого будет опираться будущая власть?.. На миллионы крестьян, которые сейчас вместо того, чтобы заниматься делом, сидят в окопах и кормят вшей?.. Или, как раньше, на дворянское сословие, которое в большинстве своем давно забыло слово «Родина», за что отдельное спасибо Екатерине нумер два с её дворянской вольностью?.. На пролетариат, который, по всем известному выражению, не имеет ничего, кроме своих цепей, и горбатится на фабриках и заводах по двенадцать – четырнадцать часов в сутки?.. А может, на купцов и промышленников, которые готовы удавиться за лишнюю копеечку? Которые создали замечательный бюджетно-доильно-распиловочный аппарат под названием «Земгор»?..

– Денис Анатольевич, вы прямо как настоящий революционер нас за Советскую власть агитируете! – Иван Петрович переключается с Келлера на мою скромную персону. – Что конкретно предлагаете?

– Пока только мысли вслух. Потому как конкретных деталей и

особенностей не знаю... Первое – земля должна быть в собственности у тех, кто на ней работает. И под этим соусом, мне кажется, проще придавить землевладельцев, а не крестьян. Поэтому первым делом – выкуп земли государством с отсрочкой лет на десять – пятнадцать...

– Ага, так они и согласились!..

– А куда они денутся с подводной лодки? И что они смогут сделать?.. Определяем минимальный кусок под поместье, остальное облагаем налогом на роскошь!.. Или национализация всей земли с последующей раздачей лично каждому крестьянину. И продумать правильное налогообложение!.. Далее, торговля хлебом должна быть монополией государства!.. Создать что-то наподобие Росрезерва... Затем... Рабочим – нормальный рабочий день и условия для работы. И самое главное – увеличивать количество квалифицированных специалистов. Чтобы поменьше было «подай, принеси, не мешай, пошел на...».

– Вот теперь мы и подобрались к самому важному вопросу! – Иван Петрович довольно улыбается. – То, что вы только что сказали, можно обозначить тремя словами: индустриализация, образование, наука!.. Но, если мы сейчас начнем с этим всем разбираться, залезем в совсем уж несусветные дебри. Пока что стоит вопрос о том, как не допустить развала страны! И закончить войну. Может быть, даже и без союзников... Подождите возмущаться! И подумайте, что, кроме подписанного договора и честного слова царя, опрометчиво данного союзникам, заставляет нас воевать?.. Про присягу я помню, Федор Артурович!.. Что может получить Россия в этой войне нужного и полезного?..

Первое заседание нашего триумvirата было длительным, сумбурным и иногда очень эмоциональным...

Глава 3

Утро за окном абсолютно не походило на то, что обычно творится в конце ноября. Никаких темно-серых тонов, голубое небо, правда, уже с тем самым особенным оттенком осени, редкие белые облачка, все еще яркое пригревающее солнышко. Если смотреть в окно, лежа на кровати, вообще кажется, что на дворе лето. Потому, что не видно ни разноцветной желто-багряной листвы, ни замерзших льдистых луж на земле. А смотрю я именно так. Но очень осторожно. Потому что рядом, прижавшись к моему плечу, тихо спит Даша. Рыжие кучеряшки рассыпаны по всей подушке, на щеках сонный румянец, губы совсем по-детски улыбаются во сне...

Две недели назад, как только стал в состоянии ходить и медицинский консилиум из одного академика и стайки докторов решил, что теперь моему драгоценному здоровью ничего не угрожает, мы поехали в Гомель. Мы – это помимо нас с Дашей ее мама и мои родители. Официально получил отпуск по ранению, который на импровизированном семейном совете по инициативе старшего поколения было решено превратить в медовый месяц. Типа, пользуясь тем, что все самые заинтересованные лица собрались в одном месте. Иван Петрович, официально приглашенный, обещался быть с доктором Голубевым, как только сообщим точную дату мероприятия. Валерий Антонович дал слово извиниться за заочное приглашение перед офицерами батальона, единодушно давшими разрешение на свадьбу, и привезти с собой как минимум половину командного состава. И в обязательном порядке – подхорунжего Митяева. Генерал Келлер, к сожалению, не смог присутствовать, поскольку отправился сдавать дела в свой корпус и перебираться поближе к нам. После того знаменательного разговора мы еще несколько раз умудрились собраться вместе, чтобы до конца определиться с планом действий. Пока что это получилось на большевистском уровне. Типа «землю – крестьянам, фабрики – рабочим, мужиков – бабам, водку – алкашам!». Потом пришлось расставаться, но, надеюсь, ненадолго...

Подготовка к знаменательному событию заняла неделю, но все дни проводились в режиме ошпаренной кошки. Сам отделался достаточно легко, пришлось приобрести новые сапоги, а также у рекомендованного портного купить и сразу же подогнать два комплекта формы. Один стал парадно-выходным, а другой заменил пришедшие в негодность после приключений в лесу гимнастерку и шаровары. На «парадке» теперь висело

четыре креста. Георгий, Владимир, «Виктория кросс» и французский «Croix de guerre», изобретение президента Пуанкаре полугодовой давности, бронзовый крест с мечами на зеленой ленте с пятью красными полосками. Его вручал еще в Институте срочно примчавшийся генерал Альбер Амад, представитель французской военной миссии. Перед награждением он произнес речь, развесив в воздухе целые гирлянды комплиментов, закрученных так лихо, как это умеют делать только потомки Лафонтена и Дюма. После этого настырно пытался сунуть свой длинный французский нос в дела Института, но был быстро нейтрализован хлебосольным русским гостеприимством и вскоре отправлен обратно в состоянии сильного алкогольного опьянения.

Английский крест тоже решил носить, несмотря на какую-то подсознательную неприязнь к колонелю Ноксу. В конце концов, у меня на груди будет висеть кусочек бронзы от тех пушек, которые перемешали с балаклавской землей знаменитую британскую Легкую бригаду кавалерии, состоявшую из представителей самых знатных родов Англии. Какой-то лорд Теннисон даже написал по этому поводу то ли поэму, то ли эпитафию. Тем более что к кресту прилагались ежегодные пятьдесят фунтов английских стервингов, которые после пересчета в более привычные деньги составили аж целных семьсот двадцать рублей и послужили материальной основой свадьбы.

Если добавить к крестовой галерее на груди новенькую «сбрую» с трофейным люгером имени гауптмана фон Штайнберга справа и казачью, несмотря на все запреты, шашку с золоченой рукоятью, надписью «За храбрость», красным эмалевым крестиком с короной на гарде и маленьким Георгием на навершии рукояти, слева, то вид получается – очень даже ничего. Анненско-георгиевское оружие вручил тогда же, в НИИ, Валерий Антонович от имени командующего фронтом.

В приготовлениях женской половины к празднику по совету отца и Александра Михайловича, а также по здравому размышлению решил не соваться. Наши дамы, увеличив компанию до четырех боевых единиц при помощи мадам Прозоровой, целыми днями носились маленьким ураганом по магазинам и ателье, что-то постоянно примеряя, покупая, обменивая и совершая множество непонятных для нас действий. Так что целыми днями я беседовал «за жизнь» с отцом, по-новому его узнавая. А когда господа путейцы возвращались вечером из мастерских, под домашнюю наливочку, кофе и папироску мы все вдумчиво разбирали мои каракули на бумаге. Правая рука уже почти не болела, но до полного восстановления моторики было далеко. Рисовать я пытался чертежи пистолета-пулемета, столь

необходимого моим орлам. Получалось два варианта. Что-то наподобие СТЭНа, но с магазином вниз для штурмовиков, и несколько измененная под существующие технологии Беретта М-12 для моих любимых диверсов. И то, и то запомнилось по книжке Жука и журналам из прошлой жизни. Работа была пока только на бумаге, но Александр Михайлович уже нашел кусок цельнотянутой трубы подходящего размера и отдал в работу затвор и остальные детали. Валерий Антонович обещал привезти пару винтовочных стволов, так что в железе все должно было быть доделано после свадьбы...

* * *

Свадьба... По неопытности думал, что поедем всей гурьбой, но на полчаса раньше был вежливо послан... в церковь. Типа жених невесту должен ждать только там, на ступеньках. Вместе со всеми своими... Вскоре подъехала разукрашенная цветами и ленточками пролетка, Сашка, важный от оказанного доверия, держит икону, обрамленную рушником, Анатоль, как шафер, от моего имени преподносит невесте букетик белоснежного мирта...

Дашенька, вся в белом и кружевном, красивейшая, сияющая и немного смущенная, стоит рядом со мной, в церкви пахнет воском и ладаном, зажженные свечи чуть колеблются в наших руках...

– ...еже низпослатися им любви совершенней, мирней, и помощи, Господу помолимся... – рокошет торжественный бас священника, который ведет нас к аналою, к лежащим на нем Евангелию и Кресту...

– ...Имеешь ли произволение благое и непринужденное, и крепкую мысль взять себе жену сию, ее же здесь пред тобою видишь?.. Да!.. Взять себе мужа сего... Венчается раб Божий *Дионисий*... Венчается раба Божия *Дария*... Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь...

На выходе из церкви нас ждет почетный караул. Анатоль, Сергей Дмитриевич, Михалыч, Валерий Антонович. Последний, увидев нас, негромко командует: «Господа!» Четыре шашки вылетают из ножен, и мы проходим под двойной аркой сверкающих клинков, которые опускаются за нашими спинами...

Наши родители вчетвером встречают нас на крыльце хлебом-солью... Фотомаэстро со своей ослепительной магниевой вспышкой... Наш первый семейный вальс... Я немного путаюсь в белоснежных Дашиных кружевах и растворяюсь в ее бездонном, искрящемся весельем взгляде...

Так, пора усилием воли прекращать приятные воспоминания, иначе

моя молодая жена рискует опоздать на дежурство в госпиталь. Тем более что уже проснулась, хитрюля, но притворяется спящей. Очень заметно по дыханию и дрожащим, но якобы еще спящим ресницам.

– Доброе утро, любимая... – тихонько целую ее в щеку. – Пора вставать, а то тебе опять придется краснеть перед доктором.

– М-м-м... Вредный мальчишка... С твоей стороны, это просто бестактность – напоминать о моем конфузе! Тем более что сам и не дал мне тогда выспаться!.. – Даша чмокает меня в ответ.

– Просыпайтесь, мадам!.. Пока я приготовлю все, чтобы ты сварила свой вкуснейший кофе... Я уже в пути!..

Потом, после завтрака, отвезу мое сокровище в госпиталь, а сам на обратном пути – в мастерские, к Александру Михайловичу. Сегодня очень важный день! Его лучшие слесари подготовили какие-то хитрые сверла и развертки под гильзу 7,63 Маузер. Остальное все готово, а сегодня будем сверлить, шлифовать, полировать и притирать стволы...

Глава 4

Вагонные колеса ритмично постукивают на стыках, вводя в своеобразный полусон-полугипноз. Этому же способствует просмотр до тошноты однообразного и унылого зимнего пейзажа за окном. Еду пока один, попросил проводника по возможности не подсаживать никого, естественно, соответствующим образом простимулировав человека. Очень не хочется терять время на пустопорожний вагонный треп с попутчиками. Голова занята более важными вещами. Потому как следую в командировку из Питера в Ораниенбаум, в Офицерскую стрелковую школу. И не с пустыми руками. В большом портфеле лежат разобранные пистолеты-пулеметы «Стенька» и «Бета», вроде как получившиеся рабочими и даже немного опробованные в Ченках. Еду и думаю, каким образом буду убеждать полковника Федорова, только что вернувшегося из Франции, в том, что такие «трещотки» под пистолетный патрон в летнюю кампанию будут очень востребованы. Хотя бы и моим батальоном.

Спасибо Федору Артуровичу, который уже перевелся к нам и принял под командование Уральскую казачью дивизию, усиленную потом 1-й Отдельной кавалерийской бригадой. А заодно и нашим батальоном специального назначения.

Получая назначение в Ставке, граф сумел протолкнуть Высочайшее разрешение на сдачу экзаменов экстерном для меня лично, и с его же подачи император, скорее всего, в ближайшее время подпишет указ, разрешающий то же самое прапорщикам, имеющим высшее техническое образование, и не просто проявившим личную храбрость, но и отмеченным боевыми орденами. Типа в интересах службы попробует заинтересовать таких людей карьерным ростом. Не знаю, как там другие будут шевелиться, а я, имея на руках бумаги, адресованные в Павловское училище, прибыв в Питер, заехал в вышеуказанное учебное заведение, чтобы оформить все формальности. И, отпустив извозчика, несколько минут стоял столбом, охреневая от увиденного...

А еще говорят, что два снаряда в одну воронку не падают... Падают, да еще как!.. Потому что здесь, в этом месте, я уже был. И прожил пять не самых плохих лет. Правда, тогда оно называлось не Павловское училище, стоящее на Большой Спасской улице, а моя родная Можайка, улица Красного Курсанта, дом двадцать один!.. А так, то же самое П-образное четырехэтажное здание из красного кирпича с пристроенными с боков

круглыми башенками, за что и получившее название «Бастилия».

Зайдя внутрь, пришлось еще несколько минут подождать, отвечая на отдавание чести дефилировавших в разные стороны юнкеров, с плохо скрываемым интересом разглядывавших «героя войны». Затем аж покрасневший от удовольствия дежурный унтер проводил меня до кабинета начальника училища. Генерал-лейтенант в противовес иностранной фамилии Вальберг имел типичное русское имя – Иван Иванович. Серьезный, представительный дяденька с усами и бородой «а-ля император» выслушал цель моего прибытия, углубился в поданные бумаги, затем оторвался от них и осмотрел меня с головы до ног.

– Штабс-капитан Гуров... Простите... тот самый?.. Э-э... который...

– Так точно, ваше превосходительство!.. – предоставим инициативу разговора ему, послушаем, что скажет.

– Ну, что ж, штабс-капитан, я весьма рад, что такой героический офицер стремится получить достойное образование. Мы будем рады видеть вашу фамилию в списках выпускников нашего прославленного Павловского училища... Но потрудиться придется изрядно, так как поблажек никаких не будет. Извольте быть готовым к весенним экзаменациям...

* * *

В Офицерскую школу я попал уже после обеда, промаялся бездельем часа полтора, прежде чем полковник Федоров нашел время для личной аудиенции. В принципе, его тоже можно понять. Своих дел выше крыши, а тут какой-то выскочка из окопов рвется в кабинет, желая похвастаться своими игрушками. И наверняка я далеко не первый желающий пообщаться с его высокоблагородием. Тем не менее, Владимир Григорьевич встретил меня достаточно вежливо, только на лице было выработанное предыдущими посетителями скептическое выражение.

– Вы испрашивали встречи, господин штабс-капитан? Я – к вашим услугам.

– Дело в том, господин полковник, что я хотел бы продемонстрировать вам два... ну, скажем так, автоматических карабина под пистолетный патрон. И получить заключение о возможности их производства и применения на фронте.

– Даже продемонстрировать? – Федоров, удивленно подняв брови, смотрит на меня. – Обычно подобные вам господа изобретатели привозят

только чертежи... Погодите, под пистолетный патрон?.. Вы же боевой офицер, должны понимать, что дальность стрельбы будет гораздо меньше. При атаке противник положит ваших солдат еще на дальних подступах. А они даже не смогут ничем ответить.

– Сейчас начинается позиционная война, от германских окопов до наших расстояние зачастую шагов сто – сто пятьдесят, а то и еще меньше. И в этих условиях важна будет не только дальность, но и скорострельность. Может быть, аналогия будет не совсем точной, но обращусь к роману англичанина Конан-Дойля «Белый отряд». Там идет соревнование между арбалетчиком и лучником. Первый стреляет дальше, его болт мощнее, но на перезарядку он тратит гораздо больше времени, чем лучник, успевающий за это время выпустить несколько стрел и поразить ими цели.

– Ах, оставьте эти литературные бредни, штабс-капитан! – Владимир Григорьевич пренебрежительно морщится. – Мы с вами говорим про настоящее оружие.

– Хорошо, тогда возьмем сражение при Ялу в 1894 году между японским и китайским флотами. Против крупнокалиберных, но редко стреляющих китайских орудий японцы противопоставили скорострельную артиллерию среднего калибра и выиграли. Решающим фактором стали скорострельность и плотность огня.

– Аналогия понятна, хоть и не совсем уместна.

– Хорошо, господин полковник, вы же согласитесь со мной, что винтовочный патрон излишне мощный, поэтому, кстати, и планируете использовать в своем автомате либо разработанный вами патрон, либо японский Арисака...

– А откуда вам, сударь, известно о моем автомате? – Федоров подозрительно смотрит на меня. – О нем, кажется, в газетах не писали!

– Наш батальонный командир – выпускник Академии Генштаба. – Блин, подвело послезнание, надо как-то выкручиваться. – Его любимая присказка – «Генштабисты должны знать все, и немного сверх этого». Вот он нам и рассказывал.

– Офицер-генштабист – и вдруг батальонным?.. Странно, никогда не слышал...

– Дело в том, что наш батальон создан для решения специальных задач. Прорыв обороны противника, разведка и диверсии в его тылу. И он только что сформирован...

– Так вот при прорыве обороны вам и придется идти на пулеметы, имея возможности отвечать на огонь противника!.. Погодите!.. Штабс-капитан Гуров?.. Как же я сразу не сообразил! – Федоров уже с искренним

интересом смотрит на меня. – Вы же...

– Так точно, господин полковник. Но это не имеет отношения к нашему разговору. А прорывать оборону мы будем по-другому, с помощью бронев автомобилей. Нам передали три авто, их сейчас блиндируют. Это – еще одна цель моей командировки. Насколько я знаю, у вас, в школе этим тоже занимаются.

– Давайте-ка обойдемся без ненужного официоза... Денис Анатольевич! Насчет бронемашин и тактики – это не ко мне. Обратитесь к генералу Филатову... Да, вы сказали, что привезли образцы карабинов. Можно взглянуть?

– Разрешите прямо здесь?.. – выкладываю из портфеля на стол холщовый сверток с кучей запчастей. Так, ствольная коробка со стволом, болванку затвора – внутрь, вкручиваем обычный болт в качестве рукоятки, вставляем направляющий стержень с возвратной пружиной, теперь задник, стержень другим концом крепим к нему гаечкой, далее – заглушка-крепление проволочного приклада, магазин – в горловину... Всё...

Кладу «Стеньку» на стол. Следующий мешочек. Кучка железяк через минуту превращается в «Бету». Владимир Григорьевич, внимательно следивший за моими манипуляциями, берет в руки первый образец, с любопытством осматривает его со всех сторон, взводит затвор, вхолостую щелкает... В общем, дорвался человек до любимого занятия. По памяти разбирает автомат, тщательно осматривает каждую детальку.

– Ага... Так-так-так... Интересно... А где его делали?..

– В железнодорожных мастерских.

– И что, хватило оснастки?

– Так точно. Тут самое сложное – затвор. Требуется точной фрезеровки. Вроде бы справились...

– Сколько из него отстреляли?

– Двести выстрелов. Пять магазинов по сорок патронов. Короткими очередями.

Владимир Григорьевич берется за «Бету», точно так же быстро разбирает ее и тщательно рассматривает запчасти.

– Так, а тут у вас очень интересное решение. Затвор больше чем наполовину наезжает на ствол, который служит еще одной направляющей в дополнение к стержню. Как определяли размер и массу затвора?

– Предварительные расчеты, потом – опытным путем. Спиливали сзади по чуть-чуть, пока не стал нормально работать.

– Жаль, что сегодня времени уже не хватит. Честно говоря, хочу увидеть их в деле. – Владимир Григорьевич воодушевился. – Давайте

сделаем так. Сейчас пойдем к начальнику школы, покажете ему свои «произведения». Я думаю, он даст разрешение завтра отстрелять их на ружейном полигоне. Патрон, насколько я понимаю, 7,63 Маузер? На складах, кажется, есть такие. Заодно расскажете ему о том, как собираетесь использовать бронев автомобили в наступлении.

Генерал Филатов, задумчиво пошевелив своей лопатообразной бородой, «добро» на пострелушки дал, видимо, всецело доверяя авторитету Федорова. Затем с интересом выслушал короткую лекцию о действиях мотострелкового взвода в наступлении.

– То есть вы хотите пустить в атаку три блиндированных автомобиля, чтобы сзади, прикрываясь ими, как щитами, узкой колонной двигалась пехота?

– Да, на броневиках установить пушки Гочкиса и пулеметы для подавления огневых точек противника. За несколько десятков шагов до окопов штурмовики рассыпаются цепью и, пользуясь автоматическим оружием, создают такую плотность огня, что германцы не смогут даже голову высунуть. Затем работают гранатометчики, и врываемся в окопы, растекаясь вправо-влево. Бронемашин тем временем преодолевают окопы и двигаются ко второй линии...

– Скажите, а вы не знакомы со штабс-капитаном Поплавко? – Генерал вопросительно смотрит на меня. – Он предлагал уже нечто подобное. Только собирался размещать часть солдат в бронированном кузове и вооружать холодным оружием, пистолетами Маузера и гранатами. По его задумке они должны были подъезжать к окопам противника и, захватив их, удерживать до подхода основной массы пехоты. Сейчас пробует осуществить задуманное на Юго-Западном фронте.

Оп-па, у меня уже единомышленники появились! Надо будет как-то найти коллегу да побеседовать всласть.

– А как броневики переберутся через окопы? – его превосходительство продолжает экзамен.

– Крыши машин делать съёмными, в виде железных полос с продольными ребрами жесткости. Использовать, как своеобразные мостки, перекидывая через ямы и окопы.

– Да-да, помнится, князь Накашидзе еще в тысяча девятьсот шестом предлагал такое на своем Шарроне... А что делать с вражеской артиллерией?

– Либо контрбатарейная борьба, либо диверсионные группы заранее, например за сутки, высланные в районы предполагаемого расположения пушек. В оговоренное время уничтожают их.

– Последнее сомнительно, штат батареи достаточно большой, а ваших диверсантов не может быть много в одном месте.

– Батарея на марше или в момент развертывания абсолютно не защищена. Не обязательно уничтожать всю прислугу. Выбиваем командиров и наводчиков, обезоруживаем остальных, снимаем прицелы и замки, подрываем боезапас и уходим, прежде чем подоспеет подкрепление...

– Красиво излагаете, штабс-капитан! Только от теории до практики иной раз очень далеко.

– Ваше превосходительство, данный сценарий мы проверили на практике еще летом. До сих пор работал безотказно...

* * *

На следующий день рано утром на ружейном полигоне собрались все желающие поучаствовать в испытаниях. Само собой, под руководством начальника школы, также пожелавшего оценить высоту полета творческой мысли. В двух словах объясняю особенности стрельбы. Типа на «двадцать два» отпускать спусковой крючок, держать не за магазин, а за горловину, она специально длинной сделана.

А дальше начинается веселье. Очередями по грудным мишеням на пятьдесят шагов и ростовым на сто. Хорошо, еще в Ченках пристрелял стволы. Да, собственно, здесь спускать курок умеют все, на то она и стрелковая школа. После того как все настрелялись досыта и оттянулись по полной, солдаты меняют разлохмаченные мишени на новые, а Федоров предлагает провести испытание непрерывным огнем. Честно говоря, немного опасался за автоматы, мало ли, может заклинить от перегрева, но все обошлось благополучно. Оба автомата выпустили по длинной очереди до опустошения магазина без остановки. Единственный минус – как ни держи его, ствол при стрельбе уводит вверх. Надо бы озадачиться придумыванием компенсатора... Или оставить это на долю Федорова? Ладно, поживем – увидим...

– Ну что ж, Денис Анатольевич, первое впечатление более чем хорошее. – Федоров довольно улыбается. – Если вы не против, оставьте эти образцы на доработку. Мы с ними еще немного повозимся, доведем до ума... Кстати, сами не желаете принять в этом участие? Судя по тому, что я увидел, у вас, несомненно, есть все задатки талантливого инженера-конструктора. Можем прикомандировать вас к школе, тем более что на

фронте уже повоевали и, судя по орденам, за спинами не прятались. В трусости никто не посмеет обвинить, а здесь принесете пользы не меньше... Ну что, согласны?

– Спасибо, Владимир Григорьевич, за лестное предложение, но – не могу. В будущем – с превеликим удовольствием, и если появятся новые идеи, вы тут же об этом узнаете. Но сейчас мое место там, в батальоне... А насчет доводки – буду всемерно благодарен, тем более что очень хотелось бы перевооружить хотя бы часть солдат до начала летней кампании... И еще одна убедительная просьба: ни в коем случае информация об автоматах не должна дойти до союзников! То, что мы воюем против общего врага, абсолютно не значит, что стали друзьями. Как там сказал мистер Палмерстон?.. У Англии нет постоянных друзей, зато есть постоянные интересы. И почему-то эти интересы постоянно противоречат нашим...

– Господа, давайте не будем лезть в политику! – генерал Филатов ставит жирную точку в теме разговора. – Если полковник Федоров берется за ваши... х-м... автоматы, я не возражаю. А насчет бронеавтомобилей поговорите с штабс-капитаном Мгебровым, он как раз позавчера вернулся с Ижорского завода, сейчас работает в гаражах...

Вместе с прапорщиком, гордо носившим на погонах помимо одинокой звездочки еще и «крылатые колеса», служившие эмблемой недавно созданных автомобильных войск, попадаю в автомастерские и в отдельной комнатке знакомлюсь с Владимиром Авельевичем Мгебровым. Худощавый темноволосый, с аккуратными небольшими усиками, штабс-капитан. Георгий четвертой степени на кителе, при ходьбе опирается на изящную тросточку. Заметив мой заинтересованный взгляд, он рассказывает с почти неувимым кавказским акцентом:

– Я занимаюсь не только автомобилями. Придумал вот ружейную гранату, в августе ездил на фронт испытывать образцы, да германцы внезапно контратаковали. Ротного убило, пришлось самому поднять солдат в атаку. Вот там и ранило. Сквозное в бедро, пуля чуть-чуть кость не задела. Повалялся по госпиталям, теперь вот здесь. А вы, Денис Анатольевич, как я посмотрю, тоже не в штабах все это время сидели... Что привело к нам? Вы же вчера с полковником Федоровым встречались.

– Видите ли, Владимир Авельевич, нам в батальон передали три грузовых «Рено», два из которых мы сейчас бронируем своими силами...

– Так-так-так!.. Расскажите, пожалуйста, поподробней! Что значит «своими силами»? – штабс-капитан заинтересованно оживает. – Чем вы их собрались бронировать? И какое вооружение будете ставить?

– Работы ведутся в железнодорожных мастерских, обшиваем

котельным железом под большими углами наклона. Одно авто несет 47-миллиметровую скорострелку Гочкиса, другая машина – пулеметы.

– Схему бронирования можете изобразить? – Мгебров кладет на стол несколько листов бумаги и остро заточенный карандаш. – Хотя бы примерно.

Набрасываю на листке эскиз пушечного бронника, затем на другом рисую БТР с пулеметом.

– Как видите, бронирование почти одинаковое. Листы ставятся под острыми углами к направлению движения. В этом случае пуля ударяется в броню не острием, а боком и уходит в рикошет. По бокам листы крепятся под углом к вертикали, получается этакая усеченная пирамида с откидными бортами. Сверху – съемные половинки крыши, служащие еще и мостками для преодоления рвов. В пушечном варианте посередине кузова на тумбе установлена пушка с откидным щитом. Боезапас находится между кабиной и орудием. Если позволит грузоподъемность, у заднего свеса кузова тоже установим лотки со снарядами. В пулеметном варианте над кабиной устанавливается пулемет, под ним – патронные ленты в укладке. И вдоль кузова посередине – скамьи для десанта. Да, в бортах прорезаны круглые амбразуры, закрывающиеся крышками. Так что солдаты смогут вести огонь даже на ходу.

– Чудеса, да и только! Рад встретить единомышленника! Вот, посмотрите! – Владимир Авельевич, широко улыбаясь, достает из папки чертежи и протягивает мне. – Вот, гляньте! Сейчас на Ижорском заводе переделывают дюжину «Рено ЕЕ-22», которые союзники стыдливо окрестили «автопулеметами». Броня никудышняя, в инструкции запрещается подходить к противнику ближе трехсот метров. Полковника Секретова, который их закупил, чуть под суд не отдали. Правда, потом выяснили, что остальное еще хуже. Вот я по зрелому рассуждению и предложил такой способ бронирования. Сравните чертежи с вашими эскизами!

Сравниваю, делаю вид, что ошеломлен, хотя на самом деле помню эту машинку еще со школы, когда «Моделист-Конструктор» был у нас немного популярней, чем Чейз, Гаррисон и Стругацкие. Нос-«зубило», моторный отсек переходит в крышу, оставляя водителю и сидящему рядом командиру небольшие наклонные окошечки, закрываемые бронепластинами. А вот сверху уже перебор. Громадная башня на два «максима». Интересно, как же ее поворачивать?..

– Да, почти близнецы. Но позвольте, Владимир Авельевич несколько вопросов... У вас передний лист наклонен градусов под сорок пять. За счет

чего это сделано?

– Дело в том, что на данной модели радиатор стоит позади двигателя, поэтому броню можно расположить таким образом.

– Да, у меня так не получится, поэтому впереди два листа образуют вертикальный угол. А дальше почти так же, как у вас... За исключением установки вооружения. Ну, с пушкой все понятно, а пулемет собираемся ставить в небольшой цилиндрической башенке...

Разговор закончился только с наступлением сумерек...

Глава 5

Наконец-то я окончательно вернулся в свой родной батальон, в котором за все время, пока выздоравливал и мотался по командировкам, произошли большие изменения. По Высочайше утвержденному штату, у нас теперь четыре роты. Моя разведывательно-диверсионная, конно-штурмовая, развернутая из полуэскадрона Дольского, пешие штурмовики под командованием Димитра Стефанова и рота огневой поддержки штабс-капитана Волгина, являющаяся также учебкой для вновь прибывающих.

«Молодые» диверсы, пройдя курс обучения, потихоньку выезжали на фронт, чтобы пройти ритуал посвящения. Под присмотром старших товарищей тихо и незаметно «сходить в гости», прирезать очередного неудачливого ганса, попавшегося под руку, и заполучить в личное пользование 98-й маузер. Немцы охреневали от такой наглости, пытались усиливать караулы, но место очередного веселья предугадать было невозможно. В конце концов они начали отгораживаться дополнительными рядами колючки, с помощью своей немецкой матери и еще кого-то там пытаясь забивать колья в промерзшую землю. Тогда в качестве ответной пакости Гордей, назначенный командиром отделения снайперов, стал вывозить свой молодняк «на охоту». Гансы попробовали прекратить сие безобразие с помощью артиллерии, но быстро поняли, что это – пустая трата снарядов.

Хуже было другое. Окопное население, которое и солдатами назвать можно было с большой натяжкой, ничему почти не обученное, кинутое на произвол судьбы и подчинявшееся только мату и зуботычинам унтеров, наслушалось расплодившихся, как тараканы, агитаторов и появление моих бойцов частенько встречало враждебно. Один раз их попытались даже побить, пользуясь численным преимуществом. Попытка, естественно, оказалась неудачной, несколько человек, как доложил Митяй, отправились вправлять вывихи различных конечностей, остальные расползлись по своим землянкам залечивать синяки и лелеять оскорбленное самолюбие.

Наши технари тоже не сидели без дела. Саперы добыли лебедку, «случайно потерявшуюся» с какой-то пристани, а пушкари во главе с Бергом приспособили одну из полученных и поставленных на самодельный лафет 37-миллиметровок в качестве гарпунной пушки. Заряжался ослабленный холостой заряд, в ствол на войлочных пыжах забивалась «кочерга», к которой был прикреплен трос с крючьями. Сей «снаряд»

выстреливался навесом в сторону проволочных заграждений, а затем другой конец троса заводился на барабан лебедки, и он возвращался, таща за собой оборванную колючку. Один раз даже потренировались у себя на базе. Пылкие эмоции, сдобренные ненормативной лексикой наших нестроевых тружеников, посланных восстанавливать полосу препятствий, послужили наивысшей оценкой изобретению.

В мое отсутствие Валерий Антонович внес в боевую подготовку некоторые новшества. Пользуясь старыми связями в штабе и используя в качестве жупела имя генерала Келлера, естественно, с согласия последнего, всеми правдами и неправдами забрал со всех складов около двухсот пар лыж. После случая, когда Федор Артурович пообещал некоему интенданту подарить пулю, если в течение суток его кавалеристы не получат положенного вещевого имущества, и даже кинул на стол патрон, чтобы болезный смог рассмотреть, с чем он рискует завтра встретиться, одно его имя заставляло чинуш бледнеть, столбенеть и пытаться успокоить нервную дрожь в руках. Его же превосходительство, видимо вспомнив свое ефрейторское будущее, поставил перед каждым солдатом задачу – до весны намотать на этом виде транспорта по двести верст. А по выходным еще устраивались соревнования между ротами по биатлону, он же в девичестве – «гонка патрулей». Фишка была в том, что участвовать должны были все, потому что высчитывался средний результат по роте.

Вот этот самый шутник в генеральских погонах, приехавший в очередной раз проинспектировать прикомандированный батальон, и приготовил мне сюрприз. Федор Артурович развил кипучую деятельность по подготовке своего соединения, поэтому каждую неделю у Анатоля в его конно-штурмовом эскадроне проходили обучение офицеры и унтера из отдельной бригады и Уральской казачьей дивизии. Уральцы поначалу заупрямились, но после показательного выступления Михалыча с «нашими» казаками взялись за ум. Так что семь дней в неделю «гости» учились правильно воевать без лошадок, а потом уезжали передавать знания своим подчиненным.

Вторая новость заключалась в том, что граф в очередной раз побывал в гостях у Павлова и встретился в Ставке с великим князем Михаилом Александровичем. В результате последний, заинтригованный Келлером, согласился наведаться в Институт. А ротмистр Воронцов, возглавляющий службу безопасности у академика, обещал присылать «в командировку» по несколько офицеров из своего отделения Новой Священной дружины. Цель визитов была вполне себе обыденной – наработка навыков штурмовых действий в городе и помещениях. Теперь помимо своих основных

обязанностей я должен был еще в течение месяца готовить офицерскую группу захвата с претензией на СОБР. А потом приедут следующие, и все начнется сначала.

Огорченный последней новостью, к сюрпризу я оказался просто не готов. Поэтому его превосходительство целую минуту довольно ржал, глядя на мою физиономию. Как оказалось, генералу на досуге пришла в голову гениальная мысль. О том, что батальон за тысячу человек и рота в двести пятьдесят рыл – немного разные категории. И если последней вполне хватало фельдшера и пары санитаров, то теперь их усилят один зауряд-врач и три сестры милосердия, причем почти всех я хорошо знаю, а с Зиночкой он познакомит нас чуть позже, когда заберет ее с Юго-Западного фронта.

На мой ехидный вопрос, знает ли он продолжение фразы «Седина в голову...», двухметровый усатый богатырь показал мне генеральский кулачище размером почти с армейский котелок и предупредил, что это я раньше одного ефрейтора по техзданию гонял, а теперь против такого аргумента мне никакой рукопашный бой не поможет.

Проверить истинность данного высказывания я не стал от греха подальше и из следующей командировки в Гомель привез не только два законченных в мастерских БТРа, но и Пашу, Машу, и мою ненаглядную Дашу. Причем, им уже было известно о грядущих переменах. Один только я узнаю обо всем последним!

Зато сразу по приезде на базу уже их ожидал сюрприз. В виде моих «племяшек» – Ганны и Леси с Данилкой. Малышня быстро обрела новых горячо любящих родственников в лице одного дяди и двух тётъ. А в отношении Ганны моя милая успокоилась только тогда, когда убедилась, что наш шеф-повар ни о ком, кроме Федора, и не мечтает. Но до этого я пару раз ловил подозрительно-ревнивые взгляды.

Вскоре, по идее наших дам, родилась традиция по вечерам, после всех дел собираться в постоянно пустующем лазарете на вечерние чаепития, на которых присутствовали все свободные господа офицеры и, как исключение, Михалыч и Георгиевский кавалер старший унтер-офицер Котяра. Последний, впрочем, долго не задерживался. Улучив удобный момент, вместе со своей Ганкой незаметно и беззвучно исчезал.

Бойцам появление новых персон принесло поначалу некоторые трудности, но очень быстро все поняли, что лучше сразу выполнить все пожелания «ентого хлюпика и евонных барышень», чем сначала отстрадать различными способами, а потом все равно сделать так, как он говорит. В первый же день возникла проблема с использованием некоторых

исторически сложившихся словосочетаний великого и могучего русского языка. К фельдшеру по какому-то делу пришло несколько наших «кентавров»-штурмовиков. И попытались объяснить проблему так, как они ее понимают, совсем не думая о том, что за дощатой перегородкой их слышат женские и детские уши. Наши медсестрички возмутились, а когда малышня попыталась их неудачно успокоить, мол, ничего страшного, мы давно привыкли, возмущение переросло в праведное негодование. В результате чего Данилка был послан вестовым ко мне с настоятельной просьбой появиться как можно быстрее. Узнав от мальчика суть произошедшего, перенаправил его к Дольскому и пошел посмотреть, чем же это трагикомедия закончится.

Анатолий прибыл туда чуть позже, с ходу врубился в ситуацию и очень творчески переиначил когда-то мной рассказанный обряд похорон окурков. Виновники на листке бумаги по очереди накарябали то, что недавно произнесли, затем по настоянию командира добавили туда же остальные знакомые с детства словосочетания. После этого весь эскадрон стоял по стойке «смирно» возле отхожих ровиков, пока красноречивые обалдуи долбили мерзлую землю в режиме перфоратора и торжественно хоронили шедевр словесности. Сильно подозреваю, что после этого их товарищи в казарме высказали все, что о них думали. И очень надеюсь, что без ненормативной лексики.

Следующий косяк сотворили мои диверсанты. Перед обедом в плановом порядке, причем с моей подачи, была проверка чистоты рук. И – о, ужас! У нескольких человек под ногтями обнаружилось постороннее содержимое. Инцидент мне удалось замять одним чисто риторическим вопросом. Типа что легче: один раз вычистить и помыть руки или десять раз после обеда пробежаться по полосе препятствий? Народ намек понял сразу, и теперь у меня есть небольшая уверенность, что в моей роте самые чистые конечности.

Несмотря на зимнее монотонное однообразие, жизнь бьет ключом, приходится вертеться как белка в колесе. Даже вечером не получается хоть немножко расслабиться. Пока медсестрички учат малышню с Ганной грамоте да арифметике, мы с Михалычем сидим над учебниками. Казак после настоятельных уговоров решил рискнуть и попробовать по моему примеру попасть в училище. Только вот поступать ему придется в Новочеркасское кавалерийское. Вот и сидим, зубрим каждый свое. Тактика, военная история, фортификация, военная топография, законоведение, военная администрация и еще куча предметов. И всё это нужно выучить как можно быстрее. Потому как очень скоро будет совсем некогда...

Глава 6

Приминаемый снег тихонько поскрипывает под ногами, февральские тучи закрывают все небо грязно-серым неряшливым одеялом. Погода вполне сносная и, даже можно сказать, благоприятствующая. Особенно сегодняшней ночью. Пока светло, нужно еще раз всё посмотреть и проверить. Поэтому и крадемся между обгорелыми развалинами, именуемыми раньше деревенькой Колодино. От окраины до гансов – всего ничего, каких-то шагов триста, и видно всё очень хорошо.

Позиции они себе соорудили замечательные. От болота вправо до самого озера Нарочь тянется пятикилометровая полоса обороны. Три линии окопов, прикрытые спереди проволочными заграждениями. Пятиметровая полоса, усиленная рогатками, – в ста шагах от первой траншеи – и вторая, поуже, – над самым бруствером. Траверсы через каждые десять – двенадцать шагов, за ними смутно угадываются ходы сообщения, скорее всего, к землянкам. На удалении ста метров вторая линия окопов, на этот раз без колючки, дальше – еще одна. Почти посередине высится не очень большой, высотой метров в девяносто, холм, прозванный с подачи кого-то из наших штабных «Фердинандовым шнобелем» за схожесть с носом болгарского царя. Но шутки шутками, а преграда серьезная. Пулемётные гнезда, орудийные капониры, скорее всего, под небольшой калибр. Четыре бетонных дота, два на флангах и два посередине. Это, пожалуй, самый главный козырь...

Все это было рассмотрено за последние двое суток с чудом не обвалившейся колокольни деревенской церковки и, в качестве контрольного просмотра, из корзины аэростата артиллерийских корректировщиков. Проверено и перепроверено, а затем сегодня доложено генералу Балуюеву, командующему южной группой, куда и входит сборный корпус нашего графа Келлера. Его превосходительство долго хмурил брови и делал серьезное выражение лица, хотя и так было понятно, что наступать будем старым способом. Кидать в лобовую атаку полк за полком, дивизию за дивизией, пока не подфартит. Хотя, сказать правду, генерал пытался найти какое-то более приемлемое решение. Помимо тяжелого артдивизиона из резерва фронта выбил с нашей подачи дополнительно пару десятков телефонных аппаратов и приказал выделить из состава батарей по грамотному офицеру, которые будут находиться чуть ли не в боевых порядках и в режиме он-лайн корректировать стрельбу своих коллег. Один

из них, невысокий полноватый прапорщик, сидит сейчас рядом со мной и любуется в бинокль на «Носик», делая изредка пометки у себя в блокноте, предварительно сверяясь с компасом. Поначалу он очень удивился, увидев нас, но быстро привык и теперь воспринимал как должное и телогрейку с ватными штанами, и белый маскхалат, и даже саморазогревающуюся тушенку, одно из полезных достижений Института.

Не знаю, кто был автором идеи, но Павлов считал батальон испытательным полигоном и заваливал нас креативными новшествами. Последнее достижение, сделанное его химическим отделом, очень нам пригодилось. Не знаю, дадут ли этим алхимикам Нобелевскую премию, но можно будет организовать прибытие в оргкомитет хотя бы одной моей роты, и парни со всей убедительностью, на которую способны, расскажут о том, как здорово, лежа неподвижно в снегу на морозе, греться «грелкой железно-коррозионного типа», надетой в виде жилета под одежду. Немного марганцовки, песка и чугунных опилок в прорезиненных плоских мешочках, скрепленных ремнями, при добавлении небольшого количества воды надежно греют в течение десяти – двенадцати часов. Я думаю, к моим бойцам прислушаются и возражений не будет...

– Ну что ж, Денис Анатольевич, я еще раз все перепроверил... – прапор отвлекает меня от ненужных фантазий. – Ваши вернутся, и можно будет уходить.

– Игорь Николаевич, давайте, пока есть время, еще раз обговорим наши действия, – уже пару раз беседовали, но напомнить не мешает, уж больно многое на кону стоит. – Первую линию окопов вы не трогаете. По сигналу, коим будет запуск последовательно белой и красной ракеты, одна батарея открывает огонь по второй линии, с запуском красной и белой переносит огонь на третью. Другая батарея с самого начала работает по холму, центру и правому флангу...

– По запуску двух красных ракет прекращаем огонь до особого распоряжения. Также целеуказание может быть продемонстрировано ракетами в направлении цели. Я все помню, господин штабс-капитан! – в голосе прапора слышится еле заметное недовольство.

– Игорь Николаевич, там будет не так уж и много моих солдат, поэтому мне очень не хотелось бы, чтобы они попали под свои же снаряды. Вы же сами понимаете, что такого никто еще никогда не делал.

– Да понимаю я, Денис Анатольевич, все понимаю! Сейчас вернемся, еще раз обговорим все действия... Тем более, что ваши разведчики уже идут...

Сзади слышен тихий шорох шагов, из-за полуразрушенной стены

появляются мои сибиряки. Посылал именно их из-за чуть ли не врожденного умения бегать в лесу на лыжах. Вот кому никакие грелки не нужны. Намотали километров шестнадцать в оба конца, да и согрелись. Можно было бы и меньше, но запускать их по большому кругу, чтобы гансы не заметили. Слева третий сибирский корпус, где мы обитаем, упирается в болото. Вот и отправил Гордея с парой человек проверить, можно ли, сделав крюк, выйти на лыжах к лесу, в который упирается фланг немецкой обороны, и насколько проходим сам лес. В смысле, сколько гансов в нем сидит, чем занимаются, о чем мечтают, ну и другие подробности интимно-окопной жизни неприятеля.

– Ну, рассказывайте, братцы, что разведали. Получится или нет?

– Так точно, вашбродь! Пройти можно. – Гордей на людях играет простецкого унтера-служаку. – Тут версты три до лесочка, што на болотце растёт, да от него до лесу германского с полверсты будет. По дороге пару мест хлипких есть, мы их обошли да вешки поставили. Нашли тропку запорошенную. Нынче по ней никто не ходит, так тама, где она в лес ныряет, аккурат германская колючка стоит, а за ней – германцы. Мы ешо левей взяли, обошли тихохонько сторонкой, там проволоку подрезамши, штоб незаметно было, да и пошли по лесу. Пулемет нашли и землянку. Колбасников человек десять, при пулемете двое дежурят, остальные хто чем занимаются. Костерок у них в ямке, мабуть, воду все время греют на всякий случай.

– Ваши следы не найдут?

– Никак нет, вашбродь, – Сибиряк отвечает чуть обиженно, продолжая спектакль. – Мы, как обратно шли, лапник еловый за собой тащили. Ежели не приглядываться, то и не найти.

– Ну, добро, уходим отсюда, а то, не ровен час, какой-нибудь глазастый германец нас засечет...

* * *

Уговорить генерала Балуюева нам с Федором Артуровичем стоило больших трудов. Но всё-таки получилось. Может быть, поверил, что мы сможем сделать то, что предлагаем, а может, решающую роль сыграло то, что более чем одним батальоном он не рискует. В конце концов, согласился и даже пообещал, если все пойдет по плану, двинуть 7-ю пехотную дивизию на Близники в качестве вспомогательного удара. Так что, еще раз проинструктировав и своих, и приданных саперов и артиллеристов и

сверив часы аж до секунды, как только обозначилось первое побледнение неба, увожу свою роту на лыжню... Сто шестнадцать человек, белые маскхалаты, обмотанные распущенными на полосы простынями карабины и дробовики, сбруя и кобуры, белые колпаки с прорезями для глаз, что-то среднее между балахоном ку-клукс-клана и балаклавой. Почти бесшумно скользим по лыжне, пробитой разведчиками, ориентируясь по выставленным Гордеем вешкам, двум рогулькам, на которых горизонтально лежит веточка, указывающая направление. Добравшись до поворота в густом ольшанике, объявляю пятиминутный перерыв и вместе с Оладьиным и сибиряком ползу смотреть на лес, где засели гансы. Рассвет потихоньку вступает в свои права, снежная целина тянется шагов на шестьсот и упирается в темную зловещую полосу леса. На миг возникает паническая мысль о том, что нас уже взяли на мушку и только ждут, когда подойдем на верный выстрел. Изо всех сил гоню её прочь, суеверно скрещивая пальцы, сплевывая три раза через левое плечо, и встречаю понимающий взгляд охотника.

– Вот туда, чуть левее, мы лыжню протропили, – подвинувшись ближе, шепчет Гордей, затем после короткой паузы еле слышно добавляет: – Командир, мы в тайге так же косолапого отваживаем, когда на промысел выходим... Тихо там все...

Дальше тянуть нельзя, время играет против нас, с каждой минутой становится все светлее... Вдох-выдох... Все, начинаем!.. Вперед уходят две пятерки, их задача – снять часовых и блокировать гансов в землянке, чтобы остальные тихо и незаметно проскочили к основным окопам... Белые фигуры, сливаясь с заснеженным болотом, быстро тают в утреннем полумраке. А мы лежим и ждем сигнала... Время остановилось, минуты, а затем секунды тянутся все медленнее и медленнее. Окружающий мир похож на застывшую фотографию. Даже дувший недавно ветерок утих, и всё вокруг поглощено абсолютной неподвижностью... Почти не отрываясь смотрю на тускло светящиеся цифирки, еле ползущую по циферблату секундную стрелку... Ну сколько можно ждать!.. Чего они там медлят?..

Наконец-то вся эта застывшая картина в одно мгновение рассыпается от двух вспышек фонарика впереди!.. Пауза, затем еще два лучика света!.. Есть сигнал!!! Путь свободен!!!!.. Поднимаю вверх сжатый кулак, в смысле «Внимание!», командиры дублируют команду. Не оглядываясь, спиной чувствую, как подобрались и приготовились к броску бойцы... Три, два, один!.. Вперед!.. Опускаю руку в направлении движения, и тут же с легким шелестом меня с двух сторон обтекают белые фигуры, мчащиеся в темноту и неизвестность. Оладьин с тридцатью бойцами уходит чуть левее, у него

своя, особая, задача. Я с Егоркой и Михалычем попадаю в центр колонны, и мы мчимся к темнеющей опушке леса...

Через опутанные колючей проволокой стволы деревьев смотрю туда, откуда только что мы появились. Даже если бы гансы и были живыми на тот момент, все равно ничего бы не увидели. Как не увидели моих разведчиков, отправивших их на свидание с предками. Два трупа лежат в пулеметном окопе, уткнувшись в мерзлую землю. Чуть поодаль, возле землянки, сидит засада. Два бойца с приготовленными гранатами возле дымовой трубы, пятеро по обе стороны траншеи у самого входа и пулеметчики чуть поодаль. Шепотом напоминаю командиру, что этих очень желательно убрать беззвучно, если вылезут раньше времени, или абсолютно без разницы каким способом, когда начнется заварушка. Пролетаем лесок насквозь, снимаем лыжи. Если выиграем, вернемся за ними, а если нет... Тьфу-тьфу-тьфу!.. То они нам больше не понадобятся... От слова «ва-аще»...

Неподвижно лежим возле первой линии, наблюдая за последними секундами жизни часового. Бедный озябший ганс ходит взад-вперед, почти не обращая внимания на некоторые изменения окружающей обстановки. Например, на то, что небольшие сугробчики все ближе и ближе подползают к траншее и замирают, когда он поворачивается к ним лицом. Очередной его рейс внезапно заканчивается аварийной остановкой. Сзади на спину немца прыгает один из сугробов, одной рукой захватив на удушение локтем и второй затыкая ему рот. Тут же появившаяся перед ним из ниоткуда белая фигура делает короткое движение рукой, и остро заточенная железка, пробив шинель и всё, что под ней надето, попадает в сердце. Ударная тройка спрыгивает вниз, двух маузеров и дробовика в окопе вполне достаточно. Сверху по тыльной стороне двигается расчет «мадсена». Поворот окопа, развилка, влево с тихим шуршанием снега под ногами уходит две пятерки для блокирования землянки с досматривающими последний сон немцами. Алгоритм действий прежний: двое с гранатами на крышу к трубе, остальные встретят выживших у входа. Огибаем траверс, бежим дальше, потом замираем, и вперед уходит пара бойцов снять очередного часового. Все повторяется сначала, и мы опять двигаемся вперед...

Двести метров окопа, шесть землянок, три пулеметных гнезда – все подготовлено к предстоящему веселью. Остался последний штришок... В темноту мигает фонарик, по этому сигналу Николенька Бер со своими саперами должен проделать проходы в колючке, не опасаясь немецких пулеметчиков, страдающих бессонницей. Хотя на всякий случай их

прикрывают бойцы из роты огневой поддержки с МГ-шниками, поставленными на самодельные салазки, и большим запасом патронов. Лишними они точно не будут, нам еще помогать тридцать седьмому сибирскому полку вторую и третью линию брать...

Проходит минут десять, из-за бруствера слышатся приглушенные шорохи, звяканье. Маячим еще раз, через пару минут в окоп сваливаются четыре фигуры в белом. Прапорщик Бер, давешний артиллерист и два бойца, которые тянут телефон и катушку с проводом.

– Денис Анатольевич, четыре прохода по десять метров готовы, – докладывает чуть дрожащим от нервного напряжения голосом Николай Палыч, уставший, но довольный. – На месте оставил бойцов с фонариками – направлять сибиряков. Здесь колючку тоже порезали, можно начинать...

– Игорь Николаевич, а вас каким... ветром сюда занесло?!

Вот только сюрпризов-нежданчиков мне здесь не хватает.

– Тут сейчас такое начнется! А мне нужен живой и невредимый корректировщик!

– Господин штабс-капитан, не надо считать меня маленьким ребенком! – пытается качать права прапор-артиллерист. – Мне отсюда будет удобней! Тем более что ваши солдаты снабдили меня теплыми вещами и маскировочной накидкой...

М-да, самое время спорить, кто храбрее!.. Придется снимать «мадсен» с правого фланга и ставить в охранение к этому инициативному юноше. Так, на всякий случай... Подзываю командира одной из групп:

– Так, Петро, своих парней с пулеметом сюда, и чтоб, как няньки, опекали господина прапорщика с его телефоном! Всё понял?..

Унтер моментально исчезает... Так, еще раз... Две сотни метров по фронту свободны, проходы сделаны, землянки блокированы... Справа на одном из траверсов выставлены три трофейных МГ и «мадсены»... один «мадсен». Отгонять гансов, если те полезут закрывать прорыв... Достая ракетницу, патрон из левого кармана... В воздух взлетает не отличимая от германских осветительных белая ракета, затем, через несколько секунд – красная!.. Все!!.. Началось!!.

Совсем негромко рвутся гранаты в землянках, артиллерист что-то бубнит в трубку телефона, секунды тишины сменяются далеким бабаханьем, рядом со второй линией взмывают фонтаны мерзлой земли, подсвеченные красным. Потом еще и еще... Корректировщик продолжает висеть на телефоне, и, видно, не зря. Очередной залп ложится почти полностью в траншею, вверх летят какие-то бревна, жерди и, по-моему, кто-то из гансов. Или мне показалось в сумерках?.. Следующие снаряды

прилетают правее. Прапор-артиллерист, как дирижер, руководит своим «оркестром». Уцепился по дальности за окопы и утюжит их вправо-влево... Немцы только сейчас очухались и пытаются начать контрбатарейную стрельбу.

И, похоже, генерал Балувев все-таки двинул 7-ю пехотную дивизию вдоль Нарочи. Расстояние в несколько километров, конечно, гасит звуки, но там что-то такое грандиозное слышно. Вот и ладненько! Будет отвлекающий удар, и сюда меньше колбасников ползет. Кажется, они еще ничего не поняли, движухи пока никакой!.. Теперь только сибиряков дожидаться, что-то они не торопятся... Хотя – нет, вру!.. Идут, идут, родимые!.. Сзади слышится топот, скрип снега, бряцанье, приглушенные матерки, и очень быстро в окопе становится тесно от родных серых шинелей и папах. Немногочисленные бородатые дядьки-ветераны, безусый молодняк, все пытаются отдышаться после бега по сугробам, кто-то набирает горсть снега и обтирает лицо, кто-то жует его, утоляя жажду... Те, кому не повезло, располагаются за бруствером. Ко мне пробивается знакомый уже ротный.

– Ну, господин поручик, добро пожаловать! Сейчас наши пушкари закончат, – и вперед! Вы – на вторую линию, а мы вас с фланга прикроем, – стараюсь перекричать грохот близких разрывов.

– Мы готовы!.. А германцы вроде не ждут нас так скоро!..

– Ничего, я думаю, они не обидятся – просто не успеют!.. Игорь Николаевич, командуйте своим огонь на третью траншею!

Снова в руках ракетница, в воздух взлетают красная и белая звездочки. Снаряды начинают рваться уже далеко впереди, мимо нас с диким ревом «У-у-р-р-а-а-а!» вытекают на свободное пространство и несутся к черной, исковерканной взрывами нитке окопов сибирские стрелки. Пропустив первую роту, поднимаю своих бойцов и двигаемся вторым эшелонем, забирая вправо... Откуда прилетает первая смерть! Оживает «Фердинандов шнобель», на холме видны вспышки орудийных выстрелов, пара взрывов накрывает сибирцев. Но на скорости это никак не сказывается. Одним словом – чалдоны, на подъем тугие, но если уж поднялись, никто и ничто их не остановит!.. Оставшийся в окопе прапор-артиллерист соображает быстро, через несколько секунд начинает работать вторая гаубичная батарея. Холм покрывается оспинами свежих разрывов, огонь немцев слабнет. Но зато проявляется дот слева у холма. Лупит, судя по разрывам, трехдюймовыми. И довольно точно... Сибиряки уже добежали до второй линии и схватились врукопашную с немцами, забираем правее, чтобы обогнуть их... И сыплемся вниз на спешащих по траншее гансов. В

качестве очень неприятной неожиданности. Потому что начинается «избиение младенцев». Немцы со своими длинными винтовками сразу проигрывают в тесноте окопа ударной группе, вооруженной «маузерами K96» и дробовиками. Так, перекинуть со спины заныканную от Федорова вторую «Бету», щелчок взводимого затвора, и вперед!.. Оставляем позади полвзвода немцев, превращенных в полуфабрикат для братской могилы, топаем по траншее. Справа и слева поверху нас страхуют расчеты «мадсенов»...

Откуда-то из бокового ответвления в пулеметчиков летит «колотушка», бойцы ныряют в снег, бахает взрыв... Живые, нет?!.. Вроде да!.. В окоп перед нами влетает еще одна граната. Впереди идущий на автопилоте, абсолютно не раздумывая, моментально отправляет ее обратно. Следом летит еще парочка в качестве ответной любезности... Короткий вопль, заглушенный грохотом... Не понравилось, однако!.. Второй номер контужен или ранен, его тут же подменяет кто-то из бойцов... За поворот окопа навесом летит очередная лимонка, взрыв, маузерист уходит вниз, на колено, давая идущему следом хороший сектор стрельбы для винчестера... Никого... Дальше, до следующего поворота...

Блин, где Оладьин со своими?! Дот у подножия холма не дает жизни сибирякам, долбит и долбит с фланга. До него осталось шагов четыреста. Бойцы лупят из карабинов, но все без толку...

– Котяру сюда! – Бойцы по цепочке передают мой приказ назад, вскоре появляется Федор со своим «ружжом» Гана, следом второй номер тащит уже разложенную треногу.

– Попробуй заткнуть амбразуры!

Кот кивает, устраивается позади бруствера, тут же бахает выстрел. Потом еще и еще... Орудие смолкает, но через минуту снова начинает стрельбу. Но чуть позади взлетает красный огонек ракеты, затем еще два!.. Оладьин!.. Дошел-таки Сергей Дмитрич!.. Тут же в доте что-то бумкает. Выпрыгиваем из траншеи, несемся вперед, не обращая внимания на редующий огонь с холма...

Обогнув безжизненную бетонную коробку, карабкаемся вверх, на вершину, догоняя своих... Пока пара МГ-шников не прижимает нас к земле!.. Хорошо устроились, сволочи! Нас на голом снегу, как куропаток сейчас перещелкают! И откуда только вылезли?! Патрон в ракетницу, светящийся шарик ложится между пулеметами... Через десять секунд с нашей стороны прилетает четыре подарка калибра сто двадцать два миллиметров, потом еще залп... Пользуясь случаем, подбираемся чуть поближе, недалеко от меня Федор снова устраивает свою игрушку на

треногу...

Бумс!..

Ай, молодца! Пулемет завалился набок, второй тоже не стреляет, видать, осколками попало!.. Даю отбой артиллерии... Вперед!!.. Рывком долетаем до укреплений, теперь вниз, и кто не спрятался, – я не виноват!..

Из-за поворота на нас выскакивает толпа гансов во главе с каким-то лейтенантом, который имеет наглость целиться в меня из люгера!.. Ухожу на колено, одновременно палец жмет на спусковой крючок, татакает короткая очередь. С пяти метров хорошо видно, как пули рвут шинель на груди, херр офицер заваливается назад, недоуменно глядя на меня... Ну-да, в таких спорах «Бета» – убийственный аргумент. В обоих смыслах... Над головой грохочут сразу два дробовика, картечь выкашивает первые ряды... Черт, так и оглохнуть можно!.. Добавляю к винчестерам несколько очередей, с бруствера скороговоркой подхватывают маузеры, один из бойцов протискивается мимо меня вперед и выдает из дробовика серию поковбойски, от бедра... Отстреляв все, падает за труп лейтенанта и начинает быстро перезаряжаться. Прикрываю его короткими очередями... Все, путь свободен, побежали...

Глава 7

Сижу на ступеньках дота и курю уже третью, наверное, папиросу. «Фердинандов шнобель» наш. Добрались до вершины, а там пошло легче. Гансы, зажатые в два огня, решили смотаться по-быстрому. Причем так спешили, что захватили только винтовки, так что мы еще немного постреляли им вслед из брошенных пулеметов. Девять МГ-08 вместе со всеми причиндалами, включая даже канистры с антифризом, стоят в ряд... А немного дальше на снегу также в ряд лежат мои бойцы. Одиннадцать человек... Погибшие при штурме этого долбаного «шнобеля»... Каждого из которых я знал... Плюс двадцать шесть раненых, из них четверо – тяжелые, которых могут и не довезти до госпиталя... Можно успокаивать себя тем, что при обычном штурме счет шел бы на сотни и тысячи, только... Ладно, не сейчас!.. Вечная память и земля пухом вам, братцы!.. Мы за вас отомстим. И очень скоро!..

Вон наконец-то начальство едет. В образе генерал-лейтенанта Келлера. Глядя на Федора Артуровича, вспоминаю байку из будущего: «Наш командир пешком на техзону? Никогда! Берет или УАЗик, или зама по вооружению». Его превосходительство, как и положено по чину, следует в сопровождении нескольких начальников и командиров от Уральской казачьей дивизии, а также кого-то из штабных, адъютанта, вестовых, и конвойного взвода. Рядом, делая вид, что никуда не торопятся, рысят конные штурмовики Анатоля Дольского, личный резерв командующего. Хотя сильно подозреваю, что была бы возможность, рванули бы за уральцами на Мокрицы и Железняки. Не терпится им, блин, под пули...

Встаю и иду навстречу генералу, чтобы доложить по всей форме, но Келлер, соскочив с лошади, машет рукой, мол, сам все знаю и все вижу, и, оставив свиту поодаль, подходит ко мне.

– Ну, Денис Анатольевич!.. Ну, молодцы!.. Признаюсь, были сомнения, что все получится...

– И все же согласились, Федор Артурович?

– Согласился! – Келлер заговорщицки подмигивает. – Как говорил один мой... Скажем так, знакомый: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского».

– Кстати, кажется, тот самый знакомый обещал вам подарок? – Достаяю из-за спины приготовленную кобурку с люгером. – Вот, чем богаты...

– Спасибо, Денис Анатольевич! – Граф, довольно улыбаясь, принимает

«гешефт». – Доставили удовольствие старику. Ну, да будет... Как мыслите себе дальнейшие действия?

– Дожидаюсь капитана Бойко и штабс-капитана Волгина. Передаю им трофеи, которые не понадобятся в наступлении, отправляю раненых и убитых, затем следую за вами. Штурмовая рота Стефанова, забрав все лыжи, ушла вперед сразу за сибирцами.

– Хорошо, грузитесь и догоняйте нас. Скоро прибудет ваш транспорт – российский вариант марнского такси...

Ну, это мы уже в курсе. Его превосходительство, заручившись согласием генерала Эверта, собрал все сани-розвальни, имевшиеся в гарнизоне, да еще и вместе с лошадьми. Получилось около тридцати упряжек. Мы забираем семна-дцать, по одной на пятерку и пару обозных, с провиантом и фуражом для лошадок. Остальные загрузим ранеными, убитыми и трофеями, пока до них не добрались цепкие ручки интендантов, и отправим на базу. Там сохраннее будет...

Действительность немного превзошла наши ожидания. После того, как погрузили раненых, закутав во все, что только можно было, включая трофейные шинели, с нами за компанию отправился подпоручик Берг со своими подчиненными и импровизированной батареей из двух револьверных 37-миллиметровок Гочкиса. Двое саней тянут пушки на салазках, еще двое – бое-запас. Накидав на дно саней сена (и лошадкам НЗ, и нам помягче будет), пускаемся вдогонку за прорвавшим импровизированную четвертую линию обороны 37-м сибирским полком и уральскими казаками. Долго скучать не приходится, едва выезжаем из полуразрушенных дымящихся Мокриц, из-за поворота показываются трое скачущих широким наметом казаков с парой заводных лошадей. Подлетев, старший из них, бородатый вахмистр громко осведомляется, где найти командира. Машу рукой, чтобы он заметил, и шагаю навстречу. Казак, соскочив с коня, козыряет и рапортует:

– Первой сотни четвертого Уральского казачьего полка вахмистр Гришутин, вашбродь! От их превосходительства до штабс-капитана Гурова!

– Здесь я, здесь! Говори, что приказано передать!

Казак, оглядывая меня с ног до головы, секунду мешкает в сомнении, затем лезет за пазуху, достает сложенный вчетверо листок бумаги и протягивает мне. Вот, блин, режим секретности при передаче боевых приказов!..

– Служивый, а ты точно уверен, что передал бумагу по адресу? А вдруг кому другому отдал, а?..

– Уверен, вашбродь! – вахмистр широко улыбается, показывая на «Бету», висящую у меня на боку. – Их превосходительство сказывали, што тока у вас одна вот такой пистоль с двумя ручками имеется.

– Добро, уговорил! – улыбаюсь в ответ. – На словах ничего не велено передать?

– Тока то, штоб поспешали, вашбродь...

В записке две строчки размашистым почерком: «Ускорить движение колонны, лично прибыть в штаб с вестовыми». Коротко, ясно, понятно.

– Сергей Дмитрич! – подзываю Оладьина, ехавшего на следующих санях. – Ускоренным маршем двигаться по дороге на Железняки. Бойцов спешить, пробегутся пару верст, заодно согреются. В санях остаются только возницы и вещмешки. Я – к генералу, похоже, что там что-то интересное начинается...

* * *

Федор Артурович обосновался на небольшом, относительно целом хуторке верстах в трех от деревеньки Карабаны, где засевшие гансы почему-то не хотели сдаваться в плен и пропускать нас дальше. Быстро протолкавшись через заполнивших маленький двор конвойных казаков, прохожу в дом. Генерал, пехотный полковник и два войсковых старшины от уральцев что-то обсуждают, обступив стол с разложенной на нем картой. Докладываю о прибытии и тут же окунаюсь в гущу событий.

– Мы в данный момент находимся здесь, – карандаш в руке Келлера утыкается в карту. – В пяти верстах отсюда в Карабанах германцы успели организовать оборону. Сибирские стрелки не смогли с ходу взять деревню, понесли потери. Положение усложняется тем, что к северу в двух верстах, за лесом находится местечко Бояры, возле которого стоит гаубичная батарея, очень сильно нам мешающая. Стоит тридцать седьмому полку подняться в атаку, тут же накрывают цепи беглым огнем, снарядов не жалеют. С фланга их не обойти – болото. У меня создалось впечатление, что выставлен хорошо организованный заслон, задача которого придержать нас до подхода резервов. Поэтому ваша задача, Денис Анатольевич, – обезвредить германские гаубицы. И чем скорее, тем лучше.

– Разрешите, ваше превосходительство? – Двигаю к себе карту, рассматривая подробней нанесенную обстановку. – С севера, вот здесь, у Пронек, есть наши части?

– Да, там меж лесочков мои казаки вместе с седьмой пехотной

дивизией отлавливают прячущихся колбасников, – объясняет один из казачьих полковых командиров, статный, крепко сбитый усач с Георгием на кителе. – Там, почитай, полдивизии их по сугробам прячется.

– Тогда, если разрешите, ваше превосходительство, моя рота уходит от Железняков на Проньки, затем поворачиваем влево и выходим на опушку леса рядом с Боярами. Там уже рассылаю разведку в поисках батареи. При обнаружении – атакуем с фланга или тыла. Как только захватим гаубицы, даю... ну, например, три красные ракеты. Очень было бы неплохо к этому времени выдвинуть штурмовиков подпоручика Стефанова влево от Карабанов. Да, там болото, но на лыжах пройти можно. Мы сегодня уже попробовали. По сигналу они могут ударить там, где их никто не ждет.

– Хорошо. В целом идея правильная. – Федор Артурович сосредоточенно смотрит на карту, прикидывая что-то в уме. – Давайте, господа, обговорим все детали, и – за дело. А то мне кажется, что времени у нас не так уж и много...

Мы отправились на «охоту» маленькой незаметной компанией в полсотни боевых единиц, часть людей я, с разрешения генерала, оставил в резерве. Три версты вместе с «охранявшими» нас казаками до деревушки пролетели незаметно. Потом распрощались с уральцами и повернули налево к лесу, который тоже очень скоро кончился. В километре от нас – долгожданные и таинственные Бояры, где-то здесь, в округе, прячутся нехорошие немецкие пушки со злыми и бессовестными расчетами, мешающими нашему наступлению.

Сани остаются в лесу, рассылаю веером три пары разведчиков на одолженных у штурмовиков лыжах. Белые балахоны на белом снегу под серым небом быстро исчезают из вида. Пока они бегают по округе, сижу и разглядываю в бинокль то, что осталось от населенного пункта. Многие дома разрушены, хотя кое-где видны следы спешного ремонта... А вот это уже точно новостройка! На перекрестке дорог, у самого въезда в деревню очень невысокий бревенчатый сруб типа «долговременная огневая точка». Скорее всего, на два пулемета. И, что характерно, построена прямо вот сейчас, гансы еще крышу достелить не успели, только над бойницами несколько бревнышек положили... И что это означает? А то, что у батареи есть прикрытие. Так, на всякий случай... Интересно, а с других сторон тоже?.. Ну, ладно, разведка вернется, узнаем...

Разведчики не заставили себя ждать и вернулись очень скоро. С остальных сторон в деревню можно было войти вполне свободно и незаметно. М-да, кажется, гансы оскорбительно низкого о нас мнения. Они что, думают, что русские варвары умеют только своим бараньим лбом в

закрытые ворота колотиться?.. Ну, может и так, только это вина тех тупых баранов, которые в генеральских погонах в штабах геморрой зарабатывают. За очень редким исключением... Ну, сие к делу пока не относится...

Искомые пушки находились в деревне, одна из групп засекла их на площади, вторая насчитала четыре зарядных ящика, только что подвезенных откуда-то с севера. Пора действовать!.. Оставляю с санями десять человек, остальные очень тщательно осматривают друг друга на предмет неположенных темных пятен, поправляют обмотанные белой холстиной карабины, ремни, все, что может выдать нас на фоне этого белого безмолвия. А потом двумя цепочками закладываем двухверстовую дугу, чтобы выйти там, где нас однозначно никто ждать и даже видеть не будет. Проклиная полуметровый слой снега, меняя через каждый сто шагов прокладывающих дорожку, пригибаясь к снежным перекатам-сугробам и очень надеясь на то, что в нашу сторону не смотрит в бинокль какой-нибудь любопытный ганс, которому просто нечем заняться...

Добираемся до околицы, буквально дыша через раз, обходим огородами артиллерийскую тягловую силу почти в тридцать лошадиных сил. Коняшки, привязанные к заборам, отдыхают от трудов праведных под присмотром четырех зольдатенов-коноводов, которые на мой взгляд довольно опрометчиво скучковались на крыльце ближайшего дома и делят что-то нажитое нелегким трудом. В смысле, мародерничают. И ведь давно уже деревня под немцем, я думал – всё, что можно было украсть, уже украдено до них, а вот, гляди-ка, нашли, чем поживиться. В воздухе уже летают традиционные свиноголовые собаки и интересные эротические характеристики жен и матушек участников дележки... Ну-ну, не ссорьтесь, девочки!..

Оставляю для присмотра, свершения правосудия и приведения приговора в исполнение одну пятерку, и пробираемся огородами дальше к деревенской площади, на которой расположились четыре германские гаубицы. Гансы дисциплинированно торчат возле орудий в готовности открыть огонь, только вот начальства выше унтера я там не вижу. Надо найти, где засел их батарейный командир... Ага, кажется, знаю. Петро, командир пятерки, трогает меня за рукав и показывает на еле заметную ниточку провода, лежащего на снегу, затем изображает пальцами ножницы. Отрицательно качаю головой, типа рано еще, и прослеживаю, в какой из домов тянется линия связи... Вот, большая хата-пятистенка перед взгорком, на котором находится центр местной цивилизации. И на крышу лезет немец с биноклем. Замечательно!..

Показываю двум командирам групп, что их вместе с личным составом

ждет прогулка на другой край деревеньки к немецким пулеметчикам, и, как только начнется пальба, эти гансы должны скоростно скончаться. Выбор способа, каким они отправятся в другой мир, – на усмотрение старших. Времени добраться – пять минут. Те кивают, мол, поняли, и десяток фигур быстро исчезает из виду. Теперь задание очередной группе: держать дом с телефоном, с началом веселья убрать наблюдателя с крыши и всех находящихся внутри. Пленные нам не нужны. Еще пять человек белыми ящерками уползают в заданном направлении...

Остаются четыре пятерки. По одной на каждую гаубицу. Короткая беседа на пальцах, и мы поползли занимать позиции... Вроде все на местах, можно начинать... Нет, нельзя! Из избы вылетает герр офицер и орет во всю глотку какие-то команды. Из знакомого слышно только «Ахтунг!» и «Шнеллер!». Немцы кидают все дела и шустро, как тараканы, начинают готовить батарею к бою.

Не понял!.. Мы так не договаривались!.. Это что, вы, гаденыши, сейчас будете стрелять по нашей пехоте почти что нашими снарядами из почти что наших пушек?! Ага, щаз-з!.. Поднимаю «Бету», до цели, толстого унтера, копающегося возле зарядного ящика с непонятной железякой в руке, шагов пятнадцать. Смешная дистанция... Короткая очередь гложет в чуть запоздавшем винтовочном залпе, отрывисто трещат «мадсены». Прислуга орудий моментально принимает горизонтальное положение, не ответив ни единым выстрелом. Ганс с биноклем слетает с крыши вниз головой. А вот не надо было думать, что ты – птичка, человек летать не умеет, тем более после пары выстрелов в упор. Бойцы моментально оказываются возле окон, звенят осколки стекла, внутрь лупят сразу три ствола... С обеих сторон деревни тоже слышны выстрелы. Которые, впрочем, тут же смолкают... Вроде все...

Идем смотреть трофеи. Пушки как пушки. Коротенькие стволы, калибр – сто с чем-то миллиметров. Зарядные ящики опустошены примерно на четверть. Личный состав батареи тих и неподвижен. После проведенного контроля. С нашей стороны потерь нет... Бойцы собирают трофеи, нам повезло. Мимо меня проходят бойцы, навьюченные связками карабинов, шествие замыкает командир «трофейщиков», надевший на шею ремень с десятком артиллерийских люгеров в кобурах. И это не считая самой батареи и двух МГ-08 с большим запасом патронов. Выпускаю в небо три светящихся красных шарика из ракетницы, мы свое дело сделали...

Глава 8

От приятных мыслей о захваченных «плюшках» меня отрывает зуммер телефона, хорошо слышимый через разбитое окно. Ну, пойдём, пообщаемся, заодно попрактикуемся в немецком. Что-то подсказывает, что на том конце провода других языков не знают... Ну, подожди, не зуди, я уже в снях!.. Ух, какой нетерпеливый!.. Хватаю трубку стоящего на столе чуда техники...

– Да!..

– Герр обер-лётант, это – фельдфебель Кнопф! Герр оберст приказал узнать, все ли у вас в порядке? Мы слышали выстрелы и кто-то пускал ракеты...

– Все хорошо. Из леса показался разъезд казаков, мы их отпугнули из пулеметов. Ракеты, скорее всего, пускали они. Так и передайте герру оберсту.

– Яволь, герр обер-лётант! Он еще приказал узнать, готова ли батарея к открытию огня?

– Черт подери, Кнопф! Чем меньше идиотских вопросов вы будете задавать, тем быстрее мы будем готовы!..

Кидаю трубку на место. Может, и прокатит в условиях цейтнота. Как я понимаю, сейчас начнется наша атака... Вот лопух!.. Нужно было с собой кого-нибудь из пушкарей прихватить, могли бы здорово облегчить задачу сибирякам! У меня же все бойцы о пушках знают на уровне «разобрать, сломать, подорвать». Хреново... За лесом, у Карабанов слышатся звуки разгорающегося боя. Телефон гундит снова, отвлекая от сеанса самобичевания. Не торопясь, достаю из портсигара папиросу, закурываю и с наслаждением выпускаю дым в потолок, глядя, как чудо техники в кожаном футляре чуть ли не подпрыгивает на столе от нетерпения. Как там в книжках писали?.. «Телефоны раскалились добела?..» Этот пока даже не нагрелся, значит, можно подождать еще маленько... Вот теперь достаточно. Беру трубку...

– Герр обер-лётант, нас атакуют! От...

– Идите в задницу, Кнопф!..

Трубка снова возвращается на место. Но долго лежать там не хочет. Десяти секунд не проходит, как телефон снова начинает бесноваться. Ну, подожди, не видишь – я занят. Дай покурить спокойно, без истерик... Две неторопливые затяжки, кидаю окурок в окно и снова беру трубку.

– Мюллер, это оберст Штольц!!! Какого дьявола молчат ваши гаубицы?! Немедленно открывайте огонь, русские уже почти на окраине деревни!..

– Герр оберст, как вам не стыдно? Вы оторвали меня от чашечки свежесваренного кофе! Не мешайте, я хочу побыть немного в тишине, а не слушать ваши истеричные вопли!..

Трубка довольно долго молчит, потом начинается вторая серия, причем таким голосом, что я всерьез опасаясь, что аппарат сейчас загорится или трубка начнет плавиться.

– Обер-лётант Мюллер!!! Я вам приказываю...

– Герр оберст, плюньте на всё, прикажите заварить вам кофе и получите максимум наслаждения! В русском плену это будет очень редким удовольствием...

Кидаю трубку на рычаг и выхожу на свежий воздух. Узнать, откуда вдруг конский топот возле дома... Оп-па!.. Вот это номер!.. Десяток казаков и подпоручик Берг собственной персоной... Уже спешил, кинул поводья одному из сопровождавших и, улыбаясь, идет навстречу.

– Прибыл в ваше распоряжение, Денис Анатольевич! Его превосходительство отправил принимать во владение трофейные орудия, – артиллерист понижает голос, чтобы посторонние уши ничего не услышали. – Он сказал: «Этот настырный штабс-капитан всё равно прикарманит пушки. Вот пусть сразу с ними и валандается».

– Рад вас видеть, Роман Викторович! Очень своевременно появились. Пойдемте, покажу наше приобретение. – Вместе с Бергом шагаем на батарею. – Как там сибиряки, справляются? Или поможем им из трофеев?

– Помогать поздно, они уже в Карабанах. Димитр со своими «янычарами» всё-таки прошел по болоту и ударил с фланга. – Подпоручик отвлекается, осматривая орудия, подходит к зарядным ящикам, затем выдает заключение: – Ну что ж, могу вас поздравить, да и себя тоже. Легкие полевые гаубицы FH 98/09. Калибр десять с половиной сантиметров по германскому счислению, дальность стрельбы – шесть километров. Снаряды – шрапнель и граната. Очень неплохое приобретение, Денис Анатольевич. У командира батареи должны быть где-то баллистические таблицы...

– Ну, сам-то он уже ничего не скажет. Пойдемте, посмотрим в доме. – Стоит только войти в хату, как снова начинает гудеть телефон. Интересно, кто на этот раз? Опять тот оберст?..

– Вас ист лос? – беру трубку, настраиваюсь еще немного пообщаться с немцем, но в ответ слышу совсем неожиданное:

– Але, але!.. Слышь, ты там еще не сдох, немчура проклятая?! Погоди немного, мы скоро до вас доберемся и тогда...

Далее следует обширная цитата из петровского загиба, произносимая с большим чувством, видно, оратор в уме во всех нюансах представляет то, что пытается описать словами. Отрываю трубку от уха и жестом приглашаю Берга присоединиться к прослушиванию шедевра изящной словесности. Надо же, как старается человек! И, судя по построению фраз, я даже знаю, кто бы это мог быть, несмотря на помехи и искажения на линии. Недавно одному товарищу давал сей шедевр под запись. В качестве поощрения. Дожидаюсь момента, когда у говорящего кончается воздух в легких...

– Это ты, что ли, Егорка? Всё сказал?

На том конце наступает мертвая тишина, пауза длится секунд десять, затем раздается удивленное:

– Эта кто?..

– Кто, кто? Конь в розовом пальто!

Трубка молчит еще немного, потом раздается осторожный вопрос:

– Так это вы, вашбродь?..

Смотрим с Бергом друг на друга и тупо ржем. Я ему этот уже анекдот рассказывал... Насмеявшись, продолжаю разговор:

– Змеюка, ты что там делаешь?

– Ну, дык, эта... Немца из деревни выбили, вот, трофеимся по окопам. Я телехвонку нашел, думаю, дай, попробую... Звиняй, командир, не признал...

* * *

От веселья нас отвлекает казак, забежавший в гости с новостью.

– Вашбродь, мы разездом по дороге проехавши малость, а там – германцы, кавалерия. Эскадрона три, скорой рысью идут. Версты с две отседова.

– Вас заметили?

Казак в ответ пожимает плечами. Да, собственно, не так это и важно. Гораздо интересней, успели мои санные тачанки из леса прибыть, или нет. Выскакиваю на улицу, и от сердца отлегает – вижу мой санный караван уже между домами. Так, значит, один МГ там, на опушке остался, пять пулеметов у нас здесь, плюс еще два из дота. Очень даже неплохо!..

– Денис Анатольевич, нашел! – Берг догоняет меня, держа в руках

какую-то книженцию. – Есть таблицы, теперь можем и пострелять.

– Стоит ли снаряды расходовать по пустякам? Может, просто пулеметами обойдемся?

– Три эскадрона, полтыщи человек? – Роман Викторович настроен скептически. – Они раздавят нас массой.

– Роман Викторович, вспомните, как Джеймсон воевал с африканцами ндебеле. Четыре пулемета против нескольких тысяч воинов. И три тысячи трупов после нескольких часов стрельбы.

– Господин штабс-капитан, вы меня удивляете!.. Хотя да, весенняя экзаменация на носу, как я мог забыть! Но германцы – отнюдь не дикари с копьями. И что такое «пулемет», знают очень хорошо.

– Согласен, но они не знают, что эти машинки здесь есть. И мы поможем им в этом убедиться. Но, на всякий случай, готовьте батарею к бою, формируйте из свободных бойцов оружейную прислугу, а я пойду расставлю МГ и расскажу казакам, что делать. Будет у них особая задача...

На все приготовления ушло не более пяти минут. Четыре пулемета спрятались на околице за плетнями и заборами. Два смотрят по обе стороны вдоль дороги, два стоят в крайних дворах слева и справа, и один замаскировался за трофейными коняшками в резерве. Гордей, отправленный на свободную охоту, обосновался на чердаке крайнего дома, казаки собрались вместе и ждут сигнала.

Свой КП организовываю за колодцем неподалеку, отсюда хороший обзор почти во все стороны. Вот и любуюсь в бинокль на окружающий пейзаж. Пока безрезультатно, но немчура по идее скоро должна появиться. Рядом со мной устраивается с трофейным биноклем прибежавший Берг. Ждем-с... Ага, вот и они! Наконец-то!..

В оптику хорошо видно, как из-за деревьев появляются гансы. Рысят тремя походными колоннами повзводно, затем останавливаются. От общей кучи отделяется два отряда где-то по взводу каждый, один направляется к лесочку, где мы недавно прятались, другой – по дороге движется к деревне. Роман Викторович отрывается от бинокля, что-то быстро черкает карандашом в блокноте, шевеля губами. Затем оборачивается ко мне.

– До основных сил – около версты. Денис Анатольевич, давайте так: вы берете на себя разведку, а я отстреляюсь по эскадронам.

– Хорошо. В худшем случае ускачут обратно.

– Далеко не все. – Берг плотоядно улыбается в предвкушении праздника. – Постараемся уложить их здесь побольше. Всё, я пошел, буду командовать вон с того чердака.

– Добро. Начинайте сразу после нас.

Проследив взглядом за удаляющимся подпоручиком, поворачиваюсь к ожидающим уральцам. Выжидаю еще немного, затем машу им рукой... Гансам с расстояния в полверсты, наверное, хорошо видно, как на околице с десяток казаков заполошенно вскакивает в седла, успев, однако, чуть-чуть передрасться из-за мешков с добычей. Сделав несколько выстрелов в сторону кавалеристов, они, изо всех сил нахлестывая лошадей, несутся по главной улице прочь от бравых вояк кайзера, которые моментально загораются желанием догнать и покарать врага. Тем более что вовсе не хочется, чтобы об их появлении прежде-временно узнали основные силы русских. Взвод начинает брать разгон, устремляясь в погоню.

Ага, давайте, давайте!.. С казаками захотели посоревноваться! Их только пуля догнать может, да и то далеко не каждая, а вы стрелять с ходу не умеете по определению, пехота... едущая! Так что ловите конский топот, майне херрен. Но недолго. Ваша линия жизни скоро прервется, метров примерно через сто...

Как только первые кайзер-кентавры заслоняют ориентир – чахлое деревцо метрах в семидесяти от первого забора, команду «Огонь!». Пулеметы у дороги, давно сопровождавшие цели, тут же выдают первые длинные очереди. Первые два ряда немцев летят кубарем на утоптаный снег вместе с лошадьми, создавая настоящую баррикаду для скачущих сзади. МГ лупят не переставая. По второму взводу отрабатывает пулемет из леса. Дистанция до них побольше, но помехой для штатного оптического прицела это не является. Посреди заснеженного поля появляются неподвижные черные точки, и их с каждой секундой становится все больше. «Наши» немцы пытаются уйти вправо-влево от дороги, но попадают под огонь других точек. Еще несколько секунд, и скакать будет некому...

Грохот пушек, стоящих сзади в нескольких десятках метров, заставляет вздрогнуть и инстинктивно вжаться в снег, но бинокль не опускаю. Два снаряда рвутся с недолетом, два – над скоплением гансов. Дымные черные облачка шрапнели хорошо видны в сером небе. Тут же звучит еще залп, и теперь все четыре снаряда накрывают противника. Кто-то остается неподвижно лежать на снегу, кто-то пытается в наступившей давке развернуться... Еще один точный залп окончательно убеждает немцев в том, что лучше сдернуть отсюда подальше. Там вдалеке еле слышно вякает труба, гансам все же удастся развернуться, и они быстро исчезают за деревьями. Выдаю ставшую уже традиционной команду «Осмотреться! Гансам – контроль! Собрать трофеи!». Подошедший Берг с улыбкой наблюдает, как я осматриваю три только что принесенных с

дороги люгера.

– Денис Анатольевич, как я погляжу, вы пылаете-таки прямо какой-то сумасшедшей страстью к этим пистолетам. Не подскажите, почему?

– Потому что, во-первых, мне этот пистолет очень нравится. Во-вторых, он является одним из самых лучших пистолетов в мире. И в-третьих, где еще я наберу достаточное количество пусть и коротковатых, но качественных стволов калибра девять миллиметров для будущих пистолетов-пулеметов наподобие вот этого, – с законной гордостью показываю Роману Викторовичу висящую на ремне «Бету»...

– Вашбродь, там к телефону зовут! – прерывает наш разговор подбежавший боец. – Сказали, щас сами Его превосходительство будут разговаривать!

Ну, не будем томить генерала Келлера, пойдем пообщаемся, заодно доложим обстановку и получим дальнейшие указания... Которые оказываются простыми до невозможности: дожидаться прибытия двух казачьих сотен, оставить им в пользование два трофейных пулемета и следовать в Карабаны для получения очередной задачи. Допустим, МГ-то я оставляю, конечно, но вот узелок на память насчет этого обязательно завяжу. У меня в роте явный некомплект Георгиевских крестов...

Глава 9

На этот раз на совещании у Федора Артуровича присутствовали все полковые командиры – даже как-то неудобно было находиться среди такого количества штаб-офицеров. Впрочем, и совещанием это назвать было трудно. Его превосходительство сразу ясно выразил свою мысль о том, что существует только два мнения: или его, или ошибочное. Поэтому наступление согласно директиве Ставки будет вестись следующим образом. В направлении Вильно наносит вспомогательный удар 10-я армия, а мы выдерживаем дирекцию на северо-запад к Вилькомиру. Поэтому курс как в том бородатом анекдоте – «норд-вест». Объявив далее порядок следования, генерал отпускает всех готовиться к выдвижению, а меня оставляет, слегка перефразируя группенфюрера Мюллера из «Семнадцати мгновений весны».

– А вас, штабс-капитан Гуров, я попрошу остаться...

Дождавшись, пока в комнате кроме нас никого не остается, продолжает.

– Денис Анатольевич, есть одна задумка, которую хочу обсудить. Против нас огрызается двадцать первый усиленный корпус генерала фон Гутьера. Его дивизии противостоят не только нам, но и группе генерала Сирелиуса. По показаниям пленных штаб корпуса находится в местечке Кобыльники, верстах в двадцати отсюда. Я хочу, чтобы ваши разведчики совместно с конными штурмовиками поручика Дольского выдвинулись вот в этом направлении и перерезали узкоколейку Кобыльники – Лынтупы. Кроме этой железной дороги, других путей отступления у германцев нет. Пехота, конечно, пройдет по заснеженным полям, а вот пушки, обозы – сомневаюсь. Следовательно, если удастся выставить заслон вот здесь, у Константиново, мы можем, не опасаясь за правый фланг, развивать наступление вдоль этой узкоколейки на Лынтупы. Туда же нацелен удар северной группы генерала Плешкова. Есть все шансы окружить и принудить к сдаче пару германских корпусов и подвинуть линию фронта.

– Двух рот не слишком мало для такого заслона? Все-таки, если они ломанутся мелкими группками по несколько тысяч человек, у нас просто патронов не хватит.

Не то чтобы я был против, но помню, читал, как немцы в Великую Отечественную организовано из окружений выходили. Или пока еще не додумаются до такого?..

– Как только возьмем Ясиневици, отправлю к вам три сотни уральцев. И не приbedняйтесь, Денис Анатольевич, с десятком пулеметов там можно остановить кого угодно. А то, что патронов бывает мало или очень мало, это я знаю. – Федор Артурович вдруг хитро улыбается. – Пока вы воевали в Боярах, ваши добры молодцы времени здесь даром не теряли, по всем окопам прошлись. Так что и в этом у вас недостатка не будет. Если вопросов нет – отправляйтесь...

* * *

Пятнадцать верст до нужного места пролетели незаметно. Останавливаемся в чухлом заснеженном перелеске, откуда прекрасно виден и сам населенный пункт и железная дорога с «вокзалом» в виде небольшого домика. Неподалеку перед сараями или складами стоит халупа побольше и, судя по всему, вполне обитаемая. Дым из печной трубы смешивается с дымом небольшого паровозика, коптящего рядом. К нему пристегнуты четыре малогабаритных вагончика типа товарных. А вокруг оживленно снуют немцы, хорошо видимые в бинокль. Интересно, что они там делают?.. Ладно, вернется разведка, расскажет. Пока что я не вижу особых вражеских полчищ. И в самом местечке – никого, существование жизни выдают только печные трубы, несколько зольдатов возле поезда и какие-то чиновники.

Вернувшиеся разведчики подтверждают немногочисленность немецкой милитаризованной диаспоры. Но последняя пара, обошедшая деревню и станцию по кругу, приносит интересные новости.

– Командир, там, за сараями – наши! – выдает старший группы с какой-то непонятной интонацией.

– Говори толком, какие наши? Откуда?

– Там... Короче, там барак с пленными, и возле него три столба с перекладинами... На них наши распяты...

– Что?! Еще раз! Наши солдаты, распяты на крестах?! – голос становится похожим на медвежий рык. – Ты точно все видел?!

Стоящие рядом бойцы подхватываются, стволы уже на изготовку. Сзади плечо сжимает чья-то сильная рука. Оборачиваюсь – Михалыч, смотрит прямо в глаза, и во взгляде – такое!..

– Всем тихо!.. Рассказывай, как там что расположено. – Вместо звериной ярости приходит расчетливо-ледяное бешенство. – Сколько гансов?

– Барак вот так стоит, рядом с путями. Перед ним – кресты, возле них часовой ходит, – старший чертит на снегу палочкой. – Пока смотрели, двое, суки германские, одного отвязали, бревном так в снег и кинули. А на его место из барака другого нашего выволокли и привязали. В одной гимнастерке...

Так, немцев там около двух десятков, чинуш вообще не считаем. Десять человек заходит, минуя деревню, слева, двигается к барaku с пленными. Еще два десятка идут напрямик по «железке», берут станцию и поезд. Кто желает попасть в группу захвата, даже спрашивать не нужно... Недовольный Анатолий Дольский со своими «драконами» и санями остается до поры до времени здесь, а мы выдвигаемся вперед по пробитой разведчиками лыжне...

Незаметно, чуть ли не ползком подбираемся поближе, ежесекундно ожидая сигнала от обходящей группы. Чуть поодаль в серое небо торжествующе взлетает волчий вой – они вышли на цель! Отвечаем такой же кровожадной звериной песней и несемся к вокзалу. Пара гансов на перроне скидывают винтовки с плеч, но прицелиться не успевают. Бахают несколько выстрелов, и тушки в серых шинелях падают на утоптаный снег, украшая белизну красным... Еще трое выскакивают на крыльцо и тут же ложатся рядом... Навсегда... Двадцать шагов... Из окон пытаются отстреливаться оставшиеся внутри, но прицельно бить у них не получается. Перекаты в тройках давно отработаны до автоматизма – один бежит, двое прикрывают... Десять... Пять... Мимо меня молнией проскакивает Егорка, кубарем катится к стене, и тут же с его рук в окна улетают две гранаты. Три, два, раз... Взрыв, еще один... Паровозная бригада и чиновники уже лежат мордочками в снег, с руками, очень неудобно связанными за спиной. Пара бойцов, прикрывая друг друга, ныряют внутрь здания, слышится несколько выстрелов и чирик «Все в порядке». Со стороны барakov все тихо... Бегом заворачиваю за угол большого сарая-пакгауза и вижу, как мои бойцы отвязывают от заиндевелых бревен неподвижные, негнувшиеся тела. Рядом несколько фигур в белом увлеченно месят сапогами лежащих зольдатенов. Не буду мешать людям, пусть отведут душу. Заскакиваю в сарай, в полумраке не сразу видно, сколько там народу. Несколько секунд, и глаза привыкают к скудному освещению, а в нос, несмотря на мороз, шибает тяжелый запах. На земляном полу слабо шевелятся, стараясь рассмотреть незваных гостей, человеческие тела, прикрытые кучей рваного тряпья. Затем с трудом поднимаются на ноги, помогая друг другу... Одиннадцать человек... Рваные гимнастерки, дырявые сапоги... Шинели, если это можно назвать

так, – только у четверых, остальные кутаются в рогожные мешки и какую-то рванину непонятного происхождения... Синие от холода руки, багровые пятна обморожения на скулах, лохматые нечесанные бороды, колтуны на головах...

– Вы кто, братцы?.. – хриплым голосом задает вопрос самый смелый, видно, вожак.

– Свои мы, свои, – чтобы окончательно прояснить обстановку, представляюсь: – Штабс-капитан Гуров.

Вожак пытается встать по стойке «смирно», но его ведет в сторону, подхватывая за рукав, чтобы не упал.

– ...Вашбродь... Унтер-офицер... Фесь... – непослушные дрожащие губы не дают ему говорить. – Феськин... Спаси вас Господь, люди...

– погоди, потом будем разговоры разговаривать! – оборачиваюсь к стоящим сзади бойцам. – Свистните наших! Всех отсюда – в тепло, к печке. Быстро!

Изба рядом с вокзалом оказалась чем-то вроде конторы. Большое, хорошо протопленное помещение, три стола завалены какими-то бумагами, чугунная буржуйка раскалилась чуть ли не докрасна. Возле стены стоит, высоко подняв руки, какой-то немецкий чинуша, рядом, сидя на стуле, держит его под прицелом боец-конвоир. Завидев меня, вскакивает, от его резкого движения ганс встает аж на цыпочки, стараясь достать своими грабками до потолка.

– Ты откуда его выкопал? – спрашиваю у бойца, пока народ помогает нашим пленным расположиться поближе к печке.

– В чулане прятался. Накрылся мешками да в угол забился. Я как туда зашел, шевелить все начал, он и дернулся. Я с испугу ему с ноги и врезал. – Парень, широко улыбаясь, излагает свою версию произошедшего. Ага, так я и знал, что моих орлов в темном чулане можно испугать до смерти. Этот ганс еще легко отделался, только под глазом фонарик светиться скоро будет...

Делаем ужасное выражение лица кровожадного русского варвара и начинаем разговор:

– Wer derart? Daß ihr da machen? Antworten!^[1]

– Intendanturrat Mogl!^[2] – Штафирка отклячивает филейную часть, пытаясь вытянуться во фронт с задранными лапками. Ага, интендант – это есть зер гут! Эта публика очень многое знает. Что, кому, куда и сколько. Но это – потом, а сейчас...

– Продукты, чтобы накормить пленных, сюда! Бегом!

Складской крысеньш моментально уносится в чулан, понимая, что его самочувствие напрямую зависит от проворности. Киваю бойцу, чтобы присмотрел за ним.

Появляется Михалыч с докладом, что прибыл Дольский с остальными, посты расставлены, инвентаризация идет полным ходом. Затем вопросительно смотрит на меня и еле заметно кивает на отогревающихся. Так, сейчас мы вам, ребята, небольшой допинг устроим. Достāju свою карманную емкость для антишокового, протягиваю унтеру-вожаку.

– Давай, служивый, прими немного для сугрева.

Митяев тоже пускает свою фляжку по кругу, освобожденные пленники начинают оттаивать в прямом и переносном смысле, жмутся поближе к буржуйке, растирают руки, кто-то еле слышно стонет. Прискакавший обратно немец вываливает на один из столов консервные банки и пачки галет, взгромождает на печку большой чайник и преданными глазами дворняжки смотрит на меня. Показываю ему жестом, мол, открывай свои деликатесы. С большой опаской глядя на конвоира, ганс берет в руки консервный нож, напоминающий помесь двузубой вилки и миниатюрного серпа на деревянной ручке, и начинает накрывать на стол. А я слушаю унтера Феськина, который заплетающимся от водки и отходняка языком рассказывает о том, как они здесь очутились.

– ...В плен попал под Вильной, германцы нас окружили, стали с пулеметов палить. Когда патроны у нас скончились, ротный и говорит, мол, сдавайтесь в плен, ребята, все одно лучше, чем за так погибать. А потом ушел за деревья и застрелился из револьверта... Кхе-хр... Гнали нас недалёко, тамочки же под Вильной, тока с другой стороны, лагерь был... Да, и какой там лагерь, – название одно. Столбы колючками своими обтянули, да часовые ихние ходить начали. Всучили одну железную миску на двоих и сказали, штоб мы ими землянки себе рыли. Жрать давали – совсем ничего. Две брюквины, чаще подгнивших, хлеб из опилок да мучной болтушки немного, как скоту какому, и все. Спали на земле, тока кады снег лег, бараки из жердей построили. А погода малость отобрали, значицца, самых сильных да здоровых и сюда загнали, дорогу ентую строить... Скока тут народу-то полегло, почитай, промеж пяти шпалов один расейский мужик лежит. Всё лопатами да носилками делали. Поднимали нас с самой зарею и до темна. Ежели норму за день не сделаешь, жрать не дадут, да ешо палками аль плетками отходят, да так, што назавтрева и не подняться... Кха... Хргм...

– Ладно, друг любезный, иди-ка подкрепись малость, потом поговорим, – прерываю зашедшегося в кашле унтера. – Вон, видишь,

официант уже все приготовил.

Пленные, заполучив по вскрытой банке, пальцами жадно выковыривают мясо и проглатывают его, почти не жуя. Э, так дело не пойдет!

– Вы, братцы, не торопитесь, никто не заберет. А то наглотаетесь сейчас, потом все обратно полезет. Кстати... – Поворачиваюсь к немцу. – Я не понял, где чашки и ложки с вилками?

М-да, почти мировой рекорд! Метнулся, аж теплый ветерок по комнате загулял. Двадцать секунд, и все на столе, а ганс снова застывает в положении «Чего изволите?». От лицезрения этой картины меня отвлекает Анатоль.

– Денис, я с бойцами по пакгаузам прошелся. Снарядов нашли три десятка ящиков, консервы для железного пайка, ну да нам, скорее всего, ни то, ни то не пригодится. А вот немного сена для наших лошадок и патроны приказал погрузить в сани.

– Добро, если надо будет, пешком пройдемся, чай, не бояре...

* * *

Разговор прерывает появление нового персонажа. В сопровождении одного из бойцов в конторе появляется старый седой еврей в драном, таком же старом, как и он, пальто и в чем-то отдаленно напоминающем треух. Мельком глянув на жующих, он сдергивает шапку с головы, одновременно низко кланяясь, и обращается сразу к нам обоим, не сумев выделить самого большого начальника.

– Здравствуйте, господа офицеры... Меня зовут Шмуль Нахамсон, и так я являюсь стагостой етого местечка.

– Здравствуйте, почтенный. Чем обязаны визиту? – Дольский, несмотря на некоторый комизм ситуации, полностью серьезен. – Что-то случилось?

– Господин офицер, слава Всевышнему, нет. Но мы очень опасаемся, что может случиться...

– Проходите сюда, садитесь, отдохните с дороги. – Оборачиваюсь к немцу. – Stuhl!^[3]

Тот со всей поспешностью, на какую способен, ставит поёрзанный венский стул перед удивленным до невозможности стариком. Несколько секунд на раздумье, потом осторожность старого еврея берет верх.

– Господин офицер, я очень благодаген, но лучше я постою... Таки я

только хотел попгосить господ офицегов, чтобы ваши смелые солдаты не забигали у нас последнее. Эта зима была очень суговой, и, несмотря на то, что некоторые люди умели на тяжелой габоте, еды осталось очень немного...

– Не понял, кто-то из наших пошел по домам?

– Нет, что вы, господин офицер! – Старик взволнованно выставляет перед собой морщинистые руки. – Я таки хотел пгосить, чтобы етого не случилось!

– Виноватый, вашбродь... – подает голос уже наевшийся Феськин. – Оне тож на узкоколейке работали. Да и германцы всех ихних баб снасильничали...

– Да, гегманские солдаты очень плохо обходились с нашими женщинами... – Староста печально качает головой. – Несколько даже убили за то, что они не хотели...

Ну, ни фига себе в сказку попали!.. Анатолий с полувзгляда понимает невысказанное и одобрительно кивает.

– Вот что, почтенный... Как представитель русского командования разрешаю забрать все продовольствие, оставшееся на складе. И сено для скота – тоже, если он остался. Мы сейчас загрузим несколько саней и отвезем консервы в деревню. Надеюсь, вы сможете справедливо распределить продукты среди людей?

Старик от услышанного превращается в соляной столб, затем пытается бухнуться на колени, чего мы ему, конечно, не позволяем, и в состоянии обалдения удаляется нести «благую весть» своим соплеменникам. А я, достав папиросу, пытаюсь задуматься о смысле бытия, но мое внимание снова привлекает унтер Феськин.

– Вашбродь, дозвольте обратиться!.. А чегой будет с германцами?.. Ну, которых ваши возле барака спутали?..

– Пока еще не решил... Курить хочешь? На, бери на всех, – протягиваю ему портсигар, заметив жадный взгляд и то, как он втягивает в себя воздух.

– Благодарствуем, вашбродь!.. – Бедолага бережно вытягивает четыре папиросины и продолжает: – Есть там фельдфебель, толстый кабан такой... Старшой у них... Отдайте эту сволочь нам, а, вашбродь? Христом Богом молим!..

– И что вы с ним делать будете?

– А то же, што и он с нами делал! Во, гляньте! – Феськин поворачивается ко мне спиной, задирая вверх остатки гимнастерки... Ох-х! Твою ж мать!.. На спине нет живого места, сплошные багрово-синие рубцы

с черными струпьями запекшейся крови. И давние, почти затянувшиеся, и новые, еще вчера, наверное, кровоточившие. Ну, с-суки!.. Михалыч, оторвавшись от окна, тоже смотрит на исполосованную кожу, затем подходит и очень тихо, чтобы никто больше не услышал, шепчет мне почти на ухо:

– Денис, не как командира, как брата прошу... Разреши... Не можно такое спускать...

Можно подумать, что я – против! Только добавим пару штрихов к общей картине.

– Вам не отдам. Вы его в два удара прибьете. Вот посмотреть – пожалуйста. Михалыч, выпиши этой сволоте тридцать горячих, только так, чтобы от первого до последнего удара он все прочувствовал. А вам, братцы надо еще прибарахлиться. Надеюсь, не обидитесь, если предложу переодеться в германское на время?..

Пленные зольдатены, если, конечно, после всех их подвигов к ним применимо это слово, стоят по стойке «смирно» возле столбов. С нарушением формы одежды, потому как сапоги и шинели нашли новых хозяев. И смотрят испуганными глазами на свое начальство, которое только что привязали к столбу спиной вперед. Митяев показывает мне найденную плетку.

– Со знанием дела соорудили, даже пуля вплетена. Не нагайка, конечно, но такой и с одного удара убить можно.

– Михалыч, мы же договорились – тридцать и не меньше.

Видно, ганс немного знает русский язык, потому что начинает что-то мычать сквозь кляп. Или просто почуял, чем всё должно закончиться. Феськин, стоящий рядом, буквально выплевывает ему в лицо:

– Што, гнида, мычишь?! А как над нами измывался, сволочь?.. Вашбродь, ну дозвольте хочь по разу!..

Егорка притаскивает ведро с водой, наверное, чтобы приводить в чувство фельдфебеля, и одним движением ножа распускает китель на спине на две половинки. По штанам немца расползается вниз мокрое пятно...

– Хорошо. Михалыч, дай им «инструмент».

После восьмого удара мычание затихает, и, пока тушку приводят в чувство, один из освобожденных бойцов вдруг выхватывает плетку из руки товарища и, подскочив к стоящим гансам, со всего маха крест-накрест хлещет одного из них по лицу. Немец с жалобным воплем рушится в снег, разбрызгивая красные капли, а мститель пытается затоптать лежащего с диким криком:

– Ты, сука подлая, не забыл, как дружка мово Кольку кончил?..

Бойцы, стоявшие поблизости, моментально оттаскивают его от жертвы. Солдат, пытаясь освободиться из их рук, бьется в припадке и с ненавистью кричит:

– Колька, он слабый был, еле ноги двигал... Не мог землю мерзлую копать, свалился... А ентот ему рот землей набил и на шею сапогом... Шоб той задохся... Да не сразу, нажмет, потым отпустит, потым снова...

– Так, эту сволочь – к столбу!.. И отдайте Феськину плетку!..

Остальных пленных загнали в тот же сарай, где они держали наших солдат, туда же отволокли выпоротого кабана-фельдфебеля и его дружка. Сделали все согласно третьему закону сэра Исаака Ньютона, который, как известно, гласит: «Действию всегда есть равное и противоположное противодействие». Или согласно древней заповеди: «Око за око, зуб за зуб». Или, как издревле говорят на Руси: «Как аукнется, так и откликнется». Кому как больше нравится...

* * *

Ожидая подхода обещанных генералом Келлером уральских казаков, мы с Дольским со скуки обсудили варианты дальнейших событий и решили воплотить в жизнь некоторые выводы, к которым пришли. Для чего вдумчиво и душевно поговорили с захваченными интендантами, которые, случайно увидев в руках у Михалыча еще не отмытую трофейную плетку, стали очень общительными и сговорчивыми. В результате у нас на руках оказался очень подробный, нарисованный от руки план Кобыльников, где в данный момент находился штаб XXI германского корпуса во главе с его командующим генералом Гутьером. Оставив в покое королей портянок и тушенки, мы с Анатолом посидели над этим планом и немножко подумали. Потом подумали еще и решили, что небольшая прогулка по окрестностям нам не повредит. Но тут, на самом интересном месте нас отвлекает боец, прибежавший с криком «Ероплан!». Это что-то новенькое, давно я этих птичек не видел.

Первые сомнения закрадываются, когда, выйдя на воздух, гляжу на небо. Пасмурно, и тучи висят низковато. Но мотор слышен и к тому же явственно приближается. И только потом до меня доходит, что звук идет не сверху, а по земле. Хватаю бинокль, Анатолий следует моему примеру, и в четыре глаза мы быстро находим еле заметную, но быстро движущуюся мимо нас конструкцию. Как я мог забыть?! Эта хреновина обзывается аэросанями и уже в зоне досягаемости пулемета! Быстренько несусь к

окраине, там у нас за сараем МГ с оптикой стоит. И расчет должен дежурить. Бойцы быстро соображают, что просто так командир не будет бегать и орать «К бою!» еще издали. Пока добежал, новая лента уже заряжена, патрон – в патроннике, машинка готова к стрельбе. Первый номер уступает место, хватаюсь за рукоятки, веду стволом по горизонту. Так, поле, поле, черная кромка леса... Ага, вот оно! В окуляр всплывает светло-серая угловатая конструкция, явственно виден намалеванный на боку германский крест, внутри – три человека, причем в форме кайзеровской армии. Значит, что?.. Точно – не наши, можно поиграть в гаишников, только вместо полосатой палки у нас будет пулемет. Орать «Прижмитесь к обочине» бесполезно, не услышат, стреляем сразу. Длинная очередь по кабине... Вот, резко вильнули, чуть не опрокинувшись, затормозили, и жужжания мотора больше не слышно.

Оставляю Михалыча за старшего и на двух санях с Анатолем и группой захвата едем смотреть добычу. Закладываем вираж, чтобы зайти на всякий случай с тыла, мало ли кто там живой остался. И оказываемся правы. Кто-то пытается по нам отстреляться. И у него это неплохо получается – две пули рыхлят снег прямо перед полозьями, еще несколько свистят над головой. Три карабина стреляют практически одновременно, пистолет выпадает из безвольно повисшей за борт руки.

Подходим, смотрим, нюхаем. Бензином не воняет, винт вроде целый. Возле движка пулевых пробоин нет, значит, есть все шансы покататься на досуге. Теперь – пассажиры. Ефрейтор-водитель, унтер-офицер и майор, лежащий вполборота в неудобной позе, который и отстреливался. Все трое отправились в Страну Удачной Охоты в качестве дичи. Поднимаю оброненный пистолет. Маузер 1910, детская игрушка калибра 6,35. И этой пукалкой он пытался нас положить? Нью-ню! Рядом же у унтера какая-то непонятная винтовка с большим барабанным магазином, похоже, что даже самозарядная. И написано на ней «FSK. Model 1915». Нет, не знаю такую, берем с собой, потом разберемся. Так, а вот это уже интересней, кожаный портфельчик на коленях у майора. И что тут у нас спрятано?.. Запечатанный сургучом пакет. Открываем, смотрим... Оп-па! Боевое донесение командующему 10-й армией генералу Эйхгорну! Потом почитаем... Только вот непонятно, если можно было просто передать его по телеграфу, зачем гонять транспорт? Ладно, все потом...

Добычу буксируем на станцию, бойцы достают мертвяков из кабины и обыскивают. И в кармане майорских штанов обнаруживается небольшой мешочек, который тут же передают мне. А тяжеленький! Развязываю тесемку, заглядываю внутрь... Ювелирка!.. Золотые империялы, колечки

простые и с камушками, вон часы с цепочкой... Охренеть!.. Это что, все нажито непосильным трудом штабного работника?.. Или мародерка, стыдливо именуемая контрибуцией?.. Боюсь, правды я уже не узнаю, но в наш секретный фонд это все отлично подойдет.

От алчных мыслей меня отвлекает подошедший Анатолий. Показываю ему содержимое, приятно видеть, как у человека брови задираются почти на макушку от удивления! На ясно читающийся в глазах вопрос шепотом отвечаю:

– В фонд батальона. Нам еще много чего покупать надо будет.

Дольский кивком соглашается и сообщает приятную новость:

– Там передовой разъезд от казаков прискакал, скоро остальные будут.

Так что пора готовиться в путь...

Глава 10

В Кобыльники выдвигаемся после обеда, сдав позицию уральцам и объяснив прибывшим, что местному населению дано слово офицера, что их не тронут. А то пойдут еще казачки по домам выяснять, кто и зачем Христа распял. Пусть лучше пообщаются с Феськиным и другими пленными да в сарай к немцам заглянут. Может, наставят их на путь истинный.

Идем двумя отрядами. Дольский со своим эскадром ушел вперед, прихватив четыре «тачанки». А мы плотно набиваемся в вагончики и пользуемся любезностью немецкой паровозной бригады, с энтузиазмом согласившейся подвезти нас в попутном направлении. На место сбора прибываем уже в легких сумерках. Еще раз проговариваем с Анатолом порядок действий, сверяем часы и расходимся. Штурмовики идут в обход, чтобы удобнее было добраться до базарной площади с романтическим названием «Meer platz», тот бишь «Морская площадка», где расположены все места скопления гансов – офицерское казино, «солдатский дом» и лазарет, устроенный в церкви святого Илии Пророка. Там же в прилегающих домах расположилась комендантская рота, охранявшая штаб и все остальные достижения германской цивилизации.

Ну, а мы движемся к усадьбе каких-то польских или литовских князей, в которой расположился штаб генерала Гутьера. Особняк окружен парком, отделяющим жилище благородных людей от местечкового колорита. И с тыльной стороны через эти заросли, опутанные колючей проволокой, сейчас пробирается разведка, продельвая для нас коридоры. Смотрю на часы, до времени «Ч» остается еще полчаса. Время тянется долго и нудно, как и всегда перед атакой. Оп!.. В сумерках мигает фонарик, один проход есть!.. Ждем второго сигнала... Ну, что они там, заснули? Ни мычат, ни телятся!.. Ага, сподобились! Есть сигнал! Па-ашли, родимые!..

Часовых с нашей стороны двое, гуляют вдоль дома, встречаясь на середине и снова расходясь по углам. И особо по сторонам не смотрят, надеясь, скорее всего, на проволочные заграждения. Ну, гуляйте, мальчики, гуляйте пока... На циферблате до начала акции остается пять минут, ждем... Особняк небольшой, одноэтажный. Предпоследние два окна слева со слов интендантов – личные покои генерала. Там сейчас темно, зато в остальных горят лампы, немного разгоняя наступающие сумерки возле стены. Ну, это и понятно, герры офицеры работают в поте лица... Осталось

две минуты... Гансы сходятся в очередной раз, останавливаются и начинают болтать о чем-то. Да вы что, забыли, что часовому запрещается есть, пить, курить, ну и так далее, в том числе разговаривать? А ну-ка, быстро на маршрут!.. Вот так, молодцы!.. Тридцать секунд!.. Немец с моей стороны доходит до поворота, дважды ухает сова, но часовой не успевает этому удивиться. Из-за дерева на него бросается белое привидение и валит с ног, зажимая руками рот, тут же второй призрак прыгает сверху, делая короткое движение рукой сверху вниз. В отсвете окон тускло мелькает клинок. Слева раздается условный чирик, значит, второй часовой тоже умер.

Крадемся вдоль торца здания, здесь – тоже часовые. Двое бродят так же, как и их неудачливые товарищи, вдоль стен, и еще один торчит в будке на въезде. «Наш» немец только начинает разворачиваться, как из-за угла вытягиваются две белые, невидимые в потемках руки и дергают его к себе. Шорох, тихий бряк, хрип, тишина... Два раза негромко чирикает какая-то пичуга, сообщающая о том, что охраны больше нет. Ну, теперь идем в гости!..

Возле парадного входа одна «пятерка» занимает позицию, контролируя въезд и разворотный круг, еще две уносятся к каменному флигелю, где обитают остальные караульные вместе с начкаром. А мы заходим внутрь. Боец, идущий впереди, открывает тихонько скрипнувшую дверь, затем приседает, а я прижимаю палец к губам, призывая к молчанию дежурящего на входе унтер-офицера. Немец от изумления и неожиданности выпучивает глаза, брошенный нож входит в горло, а его хозяин бросается вперед и помогает бывшему унтеру тихо опуститься на пол. По бокам его уже страхуют двое. Коридор пуст. Мои белые «призраки» растекаются по сторонам, блокируя все двери. Мне – налево. Там – большой зал-столовая, превращенный в место обитания оперативных работников и направленных. Рядом, в соседней комнате, находится узел связи.

Короткий свист, двери в комнаты распахиваются, чуть ли не слетая с петель от ударов сапогами и прикладами. Первая двойка расходится в стороны, держа ничего не понимающих штабных под прицелами люгеров, быстро заскакиваю следом. По всему этажу звучит громкое и приветливое «Хэнде хох!» и «Нихт бевеген!»^[4]. В зале восемь человек, но меня пока интересует только один, в генеральском мундире, холеный, статный, с высокомерным выражением на лице, которое уже меняется на гневно-недоуменное.

– Гутен таг, майне хэррен! – стараюсь вежливо разрядить обстановку. – Счастлив сообщить вам, что штаб захвачен подразделением Российской Императорской Армии, и с этого момента вы все считаетесь

военнопленными. Поэтому не советую совершать опрометчивые поступки, о которых впоследствии будете сожалеть. Мои солдаты очень злые и кровожадные. Еще раз прошу поднять руки и не шевелиться.

Обтекая меня с двух сторон, в комнату влетают еще четверо «привидений» и начинают собирать пистолеты. Генерал, сверля меня очень нехорошим взглядом, наконец справляется со своим онемением:

– Что это значит?! Кто вы такие?!

– Господин генерал, я уже объявил все, что вам нужно знать на данный момент. Вы вместе со своим штабом взяты в плен подразделением Российской Армии.

– Русские?! Но откуда?!..

– Вообще-то мы сейчас находимся на территории Российской империи, очень временно оккупированной, не скажу, что доблестными войсками кайзера. По идее вопрос «что вы здесь делаете?» должны задавать мы, а не вы...

Один из офицеров внезапно хватается за кобуру, мой головорез перехватывает его руку, короткое движение с разворотом по дуге вниз, дикий вопль, в воздухе мелькают начищенные немецкие сапоги, их хозяин, разнеся по пути стул на несколько запчастей, оказывается на полу с рукой на болевом удержании. К нему подскакивает еще один диверс, пинком разворачивает тушку и достает из кобуры пистолет. После чего бедолагу отпускают и дают возможность прийти в себя. Остальные предпочитают не сопротивляться.

– Майне хэррен, я же вас просил! Не заставляйте нас прибегать к связыванию и другим неприятным и болезненным процедурам, – подхожу к генералу, глядя прямо в глаза, протягиваю руку. Немец медленно достает из кобуры блестящий «генеральский» Маузер 1910. – Господа, прошу вас соблюдать спокойствие и порядок. А вас, господин генерал, прошу проследовать в личные покои для конфиденциального разговора.

В коридоре сразу же встречаю Митяева, обходящего по очереди все помещения.

– Михалыч, с караулкой всё?

Тот утвердительно кивает в ответ.

– Организуй охрану внутри и снаружи, а я пойду, пообщаюсь с человеком.

– Уже сделано, командир. Телефоны и телеграфы в целости, как ты и просил.

– Добро. От Дольского ничего не слышно?

– Была короткая стрельба, сейчас все тихо.

В генеральских апартаментах сажаю хозяина на кровать, сам беру стул и сажусь напротив.

– Я еще раз задаю вопрос!

М-дя, генерал, он и в Африке генерал, привык орать и командовать.

– Кто вы такие?! И что вам здесь нужно?!

– Ну, вы же тоже не представились. Хотя это – лишнее. Я и так знаю, что имею честь разговаривать с генералом Оскаром фон Гутьером, командующим двадцать первым корпусом.

– Да, я – Оскар фон Гутьер, и я ношу форму своей армии, а на вас неизвестно что. И вы до сих пор не назвались!

– Ваша армия тоже использует маскировочные накидки.

Расстегиваюсь, чтобы показать наличие погон.

– Что касается лично меня, – штабс-капитан Гуров, к вашим услугам!

– Лейтнант Гурофф?! – немец меняется в лице.

– По-вашему, уже гауптман. Но к делу это не относится.

– Вы – тот самый Гурофф, который со своими бандитами занимался диверсиями, грабежами и разбоями в тылу нашей армии летом прошлого года? – фон Гутьер никак не успокаивается. – За вашу голову назначена награда в сто тысяч марок.

– Спасибо за высокую оценку, но я бы на вашем месте не стал называть моих солдат бандитами. Некомбатантов мы не трогали. А что касается грабежей... Не подскажите, господин генерал, что за мешочек с драгоценностями вез майор Тольбах вместе с донесением в штаб армии? Нашли клад, или теперь это называется дипломатичным словом «контрибуция»?

Ой, а чтой-то ганс побледнел и замолчал? Не иначе, я прав оказался...

– Хорошо, что вы от меня хотите, гауптман Гурофф?

– Сущий пустяк... Отдайте корпусу приказ о капитуляции.

– Это невозможно!..

– Ну почему же? Нужно пройти к телефонам и сказать в трубку несколько слов.

– Я не буду этого делать! – фон Гутьер язвительно улыбается. – Тем более что помимо устного распоряжения я должен составить приказ и отправить его в дивизии!.. Нет!..

– Генерал, я пойду даже на то, чтобы разрешить вашим фельдъегерям отправиться с приказом по адресатам.

– Нет! Я этого не сделаю!.. Вы воюете не по правилам! Ваши действия противоречат конвенциям! Вы – просто горстка бандитов, которых скоро раздавят, как клопов!

– Вы надеетесь на подкрепления? Их перехватят наши по линии Константиново – Лынтупы.

Врать, конечно, нехорошо, но иногда не остается другого выхода.

– Но даже если они прорвутся, будет очень забавно посмотреть, как Баварская кавалерийская дивизия (спасибо интендантам за инфу!) попыбует атаковать Кобыльники по снежной целине под огнем станковых пулеметов. Утром здесь уже будет казачий полк. А мы пойдем дальше вдоль фронта, уничтожая ваши склады и базы снабжения. Когда ваши солдаты в окопах расстреляют все патроны и сгрызут последнюю галету, они сами сдадутся. А если нет, я заставлю их считать пойманную крысу самой большой удачей в жизни. Но многих после этого придется похоронить, умерших от ран, голода и мороза.

– Это бесчеловечно! Так поступать могут только подлые и гнусные бандиты!

Эх, как понесло немца! Пора притормаживать.

– Генерал!!! Вы уже несколько раз назвали меня бандитом! Я – дворянин! Надеюсь, вы – тоже благородного происхождения! Вам влечь пощечину, или так примете вызов на дуэль?!.. Возьмите любого своего офицера в секунданты, и – прямо здесь и сейчас! Выбор оружия – за мной!.. А может быть, мои, как вы говорите, «бандиты» сделают с вашими сестрами милосердия то же, что германские солдаты делают с НАШИМИ девушками?! Лазарет, насколько я знаю, находится в НАШЕЙ, православной церкви! Кроватей там хватит, а чтобы раненые не мешали, мы их выкинем на мороз! Так же, как поступают солдаты кайзера с НАШИМИ пленными!.. Хотите, я принесу плетку, которую мы отобрали у германского фельдфебеля, и покажу, как можно изуродовать человека с ее помощью?!.. Что ж вы молчите? Нечего ответить, а, господин генерал?!

Что-то неуловимо поменялось в собеседнике. Две минуты назад передо мной сидел генерал, а сейчас на его месте вижу пожилого, ссутулившегося человека в красивом мундире, уставившегося взглядом в пол.

– Подумайте, герр фон Гутьер... От вас зависит, останутся жить ваши солдаты или умрут. Бесполезно... Даю вам время до шести утра... Я выставлю здесь пост. – Глядя на недоумевающего генерала, объясняю: – Ну, не привязывать же вас к кровати. А когда я просил дать слово офицера, вы промолчали...

Выхожу покурить и проверить посты, и буквально тут же, отсвистав положенный сигнал, появляется Анатолий с десятком своих кентавров.

– У меня все в ажуре. Лазарет, казино и солдатский дом взяли легко,

никто и не дернулся. С комендантской ротой – хуже. В одном из домов гансы начали стрелять, пришлось покрошить их через окна из «мадсенов». Больше никто не сопротивлялся. У меня двое убитых и один раненый. На всех въездах выставил посты с МГ, пустил патрули. Хотя, я думаю, ночью германцы не сунутся.

– Пленных куда дел?

– Офицеров в костеле запер. – Дольский весело улыбается. – Хотел в синагогу сначала, но потом подумал, что местные обидятся. Солдаты – в пустом пакгаузе. Тесновато там, ну да как-нибудь переживут – в тесноте, да не в обиде. Лазарет – на месте, своих предупредил, чтобы фройлен не трогали... А у тебя что?

– А у меня, Анатолий Иванович, полный штаб пленных во главе с командиром корпуса, который думает до утра, отдать приказ о сдаче или нет.

– А если откажется?

– Посмотрим. Будет день – будет и пища.

– Кстати о пище. Не хочешь прокатиться в казино? Там неплохое по фронтовым меркам меню.

– Не-а, не хочу. Бойцы – на консервах, а мы – по ресторациям? Тем более, есть еще одно дело. Хочу попробовать с нашим генералом связаться. По радио. Он же с собой походную радиостанцию таскает...

Глава 11

Немецкого радиотелеграфиста нашли довольно быстро, в три секунды раскололи на предмет бесполезных уже шифров, которые, скорее всего, заменят, и, получив персонально от меня команду «Фас!», он быстренько запустил генератор, всё подключил и, вытянувшись, стал ждать дальнейших указаний.

Сажусь за ключ и задумываюсь. Я, конечно, радиоинженер по образованию, но не до такой степени, чтобы в радистку Кэт играть... Ладно, азбуку Морзе помню, недавно учил вместе со своими студентами. Шифра нет и в помине, придется так передавать...

– Всем! Всем! Всем! Всем, кто меня слышит! Вызываю на связь первую шашку России. Сообщите, что вызывает фанатик люгеров. Остаюсь на приеме...

Отбарабаниваю сообщение три раза. Затем под моим чутким присмотром радионемец переключается на прием. Слушаю вполуха наушники и думаю, работают ли радиостанции ночью. Пока не раздается писк морзянки. Хватаю карандаш и начинаю записывать, не тот еще у меня опыт, чтоб на слух принимать. Сообщение было кратким: «Я – Будслав. Телефонировал абоненту. Сейчас будет». Так, очен-но хорошо, в Будславе наш штаб стоит... О, вот и Федор Артурович прорезался, кажется. Записываем...

«Привет, ст. л-т. Что случилось?»

Быстренько отбиваю: «Смену встретил, заблудился к востоку на двадцать верст. Попал в гости. Встретили хорошо. Обещали до утра подумать о простынях».

На том конце заминка, скорее всего связанная с расшифровкой, кроме нас с Федором Артуровичем здесь некому вспоминать хронику Великой Отечественной и белые полотнища из окон немецких домов, а вот мы про это недавно мечтали. Через несколько минут следует новая депеша:

«В семь утра скажешь про белье. Молодец. На глаза не попадайся».

Вот и пойми после этого генералов. То ли похвалил, то ли кулаком перед носом помахал... Ладно. Надо пойти кемарнуть пару часиков, как-никак, вторые сутки пошли... Только вот пришлось до утра клевать носом на узле связи, подрываясь на каждый новый звук, заодно принимать какие-то депеши, отвечать на звонки, сообщавшие, что русские прекратили наступление из-за темноты, и не отдаст ли генерал Гутьер приказ их срочно

контратаковать. Пришлось выслушивать эту белиберду и честно отвечать, мол, генерал пока что такой приказ отдать не может, ждите рассвета.

Никогда еще с таким нетерпением не ждал, когда стукнет шесть ноль-ноль. Захожу к фон Гутьеру, без всякого издевательства желаю доброго утра. Ему ночь тоже далась нелегко. Набрякшие веки, покрасневшие глаза...

– Я хочу услышать ваш ответ, господин генерал.

– В свою очередь, герр гауптман, я могу просить перед тем, как ответить, ознакомиться с последней оперативной обстановкой?

– Конечно, идемте...

В оперативном зале фон Гутьер внимательно читает принесенные из соседней комнаты телеграфные ленты, что-то смотрит на карте, потом снова читает... Так продолжается минут пять, потом он поднимает на меня тяжелый взгляд и выдает свой вердикт:

– Гауптман Гурофф, я отдаю приказ о капитуляции корпуса. Но не думайте, что смогли меня напугать... Вы играете в шахматы?

– Очень плохо, господин генерал.

– Так вот, герр гауптман, ваше появление вчера... Это был даже не шах, а только опасность его... Но вот это... – фон Гутьер показывает на ворох бумажных лент, лежащих на карте. – Это – уже мат...

Снова выхожу в эфир, теперь уже можно шпарить открытым текстом:

«Вызываю первую шашку России. В восемь ноль-ноль подразделения XXI корпуса должны прекратить сопротивление. Соответствующий приказ отдан командиром корпуса. Германцы должны сложить оружие, вывесить белые флаги и выслать парламентариев».

Ответ приходит быстро:

«Дождаться смены, прибыть со всем личным составом в Ясиневици. Командиру – ко мне на доклад».

* * *

Расположившись на отведенном нам хуторе близ тех самых Ясиневичей и даже накормив бойцов горяченьким с помощью поджидавших нас кухонь, отправляюсь на доклад к генералу. Начальство нахожу в одном из домов, куда протянута паутина телефонных проводов и постоянно царит какое-то нездоровое оживление. Все куда-то спешат, куда-то бегут, ординарцы скачут, как на пожар, в общем, нормальная штабная жизнь. Натыкаюсь взглядом на генеральского денщика Прохора, который,

считая меня знакомой и более-менее достойной личностью, кивает головой в сторону двери, делая при этом страшные глаза. Что-то мне это не нравится! Прохожу мимо телефонистов на генеральскую половину, докладываю по всей форме, мол, штабс-капитан Гуров прибыл и все такое...

Келлер смотрит на меня взглядом Змея Горыныча перед огнеметным залпом. Затем отпускает всех своих оперативников на пять минут. Блин, кажется, сейчас огребу хорошую скипидарную клизму, вот только знать бы еще – за что! Наконец-то мы остаемся одни, и звучит суровый генеральский вопрос:

– Объяснитесь, штабс-капитан! Почему нарушили приказ?
– Виноват, ваше превосходительство, какой приказ я нарушил?
– Вы должны были перерезать узкоколейку Кобыльники – Лынтупы и дожидаться подкреплений.

– Я этот приказ выполнил! И дорогу перерезал, и казаков дождался! После чего счел необходимым проявить инициативу и захватить штаб германского корпуса, который нам противостоял. Тем более что оставил в качестве огневой поддержки половину пулеметов с расчетами.

– Вот только ваши пулеметы и помогли казакам отбиться! – генерал объясняет причину своей немилости. – Через полтора часа после вашего ухода, Денис Анатольевич, на станции появились германцы!.. Слава богу, что без артиллерии, а то бы и пулеметы не помогли. А так и пехоту положили прямо у поезда, и кавалерии на дали развернуться. А там и казаки с фланга ударили. Кстати, как старшего над пулеметчиками зовут?

– Андрейка-Зингер... Виноват, урядник Шепелев.

– Напишите представление на него, по словам есаула грамотно командовал... И впредь, Денис Анатольевич, хотя бы ставьте начальство в известность о своих планах. Война с точки зрения командира роты или батальона и с точки зрения командующего корпусом – разные вещи. Я сейчас уподобляюсь повару, у которого на плите десяток кастрюль и сковородок. И я должен быть уверен, что мои подчиненные находятся там, куда я их поставил, а не занимаются опасной самодеятельностью!

– Извините, Федор Артурович, об этом не подумал.

– Не подумал... Тоже мне, Суворов нашелся... Я на камушке сижу, на Очаков я гляжу... – ворчливо передразнивает Келлер с интонациями ефрейтора Александрова и продолжает уже вполне мирно. – Вот когда будете думать, тогда и вырастете до генерала, а пока ходите штабс-капитаном. Ладно, оставим это... Собирайте свой батальон, им – сутки на отдых, а вы оставляете кого-нибудь командовать вместо себя, берете

десяток человек и убываете в Минск.

– За что такая немилость, Федор Артурович? Только начали воевать!..

– Вы, Денис Анатольевич, генерала пленили, вот и возитесь. А если серьезно, со мной связался капитан Бойко и просил отправить вас на базу. Туда прибыл небезызвестный вам ротмистр Воронцов с группой прикомандированных офицеров и привез какую-то важную конфиденциальную информацию. Что же касается желания повоевать... Наступление заканчивается. – Келлер зло и язвительно усмехается. – Пока генералы Рагоза и Эверт думают да гадают, вводить войска второго эшелона или нет, германцы уже соорудили новую линию обороны, хорошо хоть, что задачи, поставленные Ставкой, мы почти выполнили... Эх, ведь могли бы прогуляться аж до Балтики. А у вас, Денис Анатольевич, были бы все шансы заскочить в Ковно и познакомиться с генералом Эйхгорном и его штабом...

Кажется, я понимаю истинную причину генеральского гнева...

* * *

Смотрю на проплывающий мимо пейзаж с элементами недавнего боя и терзаюсь не совсем удобным для меня вопросом. Почему на Руси во все времена высокое начальство относилось к врагам не в пример лучше, чем к своим подчиненным? Или это все же после Петра Алексеевича с его преклонением перед немцами и голландцами пошло? Как нам куда-то наступать или передислоцироваться, так пожалте, типа, на «ать-два-три». А как генерала, пусть даже и пленного, везти, так аж два авто нашлось. И даже с водителями, которые с радостью променяли перспективу невзначай попасть под шальной германский снаряд на неспешную транспортировку пленного в штаб. Причем судя по выражению их лиц, оба чувствовали себя героями дня без галстуков, типа, если бы не мы, чтобы вы без нас делали.

И что интересно, когда во Франции революция бабахнула, почти вся их аристократическая шелупонь в Россию подалась, и принимали их с благоговением, потом то же случилось с лягушатниками после разгрома мусью Бонапарта. Как ни француз – или куафер, или гувернер, или еще кто-нибудь. Причем, не только в провинции, но и в столицах их было, как блох на собаке, даже у самого Александра Сергеевича Пушкина таковой имелся... Что бы ни делать, лишь бы не работать! А когда в той, теперь уже другой, истории после Гражданской русские офицеры гарсонами в парижских кабаках служили, чтобы с голоду не подохнуть, а великие

князя в таксисты подались, так это бывшими союзниками считалось в порядке вещей.

Про бриттов вообще разговор особый. Когда-то в незапамятные времена приплыли на Остров brave ребята викинги и вовсю порезвились с местными девчонками. Из этой адской смеси хромосом и выросла британская нация. А чтобы не стыдно было вспоминать, от кого произошли, научились гнать самогонку, гордо обозвав ее «виски», и настолько проспиртовались, что стали нацией просвещенных мореплавателей. Этиловый спирт, он же легче воды. Я, конечно, могу еще одну субстанцию назвать, которая не тонет, но обидятся же союзнички. Хотя с такими друзьями и врагов не надо. Золото дайте сейчас, причем в полном объеме, а ленд-лиз получите годика через два, когда мы на ваши денежки у себя все проблемы решим и заводы построим. А вы пока воюйте тем, что есть, и не пищите...

Так, пора кончать эту философию, а то что-то я слишком раздухарился. Лучше генерала согрею крепкими спиртосодержащими жидкостями. А то он от тулупа отказался, теперь в своей шинельке на рыбьем меху сидит рядом на заднем сиденье в гордом одиночестве, типа, не замечая никого вокруг, и колотится крупной дрожью от холода. Хотя в личном саквояжике наличествует бутылка коньяка, при досмотре сам видел. Прошу шофера притормозить по технической надобности.

– Господин генерал, послушайте доброго совета, – открываю портфель, специально врученный Федором Артуровичем для такого случая, расстилаю салфетку между собой и попутчиком, достаю водочный штоф, стаканчики, закусь и наливаю всем, включая Гриню, сидящего впереди, и водителя, благо, скорость движения маленькая и ГАИ еще не придумали. – Выпейте пару рюмок и укутайтесь наконец в тулуп. А то я рискую привезти вас своему начальству в виде большого куска льда.

– Поверьте, гауптман, меньше всего на свете я хочу встретиться с вашими генералами, – фон Гутьер неохотно, но все же отвечает на реплику. – Мое имя навеки покрыто позором, и все, чего я могу желать – это смыть вину кровью.

– Лавры вашего коллеги генерала Фабариуса спокойно спать не дают? – Вот только суицидника не хватает на мою голову. – Я еще могу понять японских самураев, у них сеппуку – обычай и часть мировоззрения. Расстелить красную циновку, порезать себе кишки самым болезненным способом и умирать с улыбкой на губах, а может, еще и сочинить хокку. Вроде этого:

Ива склонилась и спит.
И, кажется мне, соловей на ветке —
Это ее душа...

А перехватить себе горло бритвой... Трусливое бегство в никуда. В вашей церкви, насколько я знаю, самоубийство тоже считается грехом, не так ли, герр генерал?

— Откуда вам известны японские обычаи? — Во взгляде немца просыпается интерес.

— Ну, просто любопытство — одно из моих достоинств... или недостатков, это уже кому как больше нравится... Но давайте всё же подумаем о здоровье, господин генерал. Прозит!

Фон Гутьер вицеживает рюмку, морщится и берет специально приготовленный для него бутербродик с хорошо наперченным шпигом. Я тем временем готовлю тару к повторному использованию.

— Господин генерал, водку нужно пить залпом, набрав перед этим воздух в легкие, а потом выдохнуть и закусить. И не делать больших перерывов.

— Гауптман, вы хотите меня напоить?

Вторую, однако, генерал выпивает согласно инструкции.

— Зачем вам это надо? Я все равно не буду ничего говорить!

«Ну, если надо будет, ты, герр Оскар, скажешь все. Еще и упрашивать будешь, чтобы тебя внимательно выслушали...»

— Я хочу, чтобы вы выпили сто грамм водки и накинули вот эту овчинную шубу поверх шинели, чтобы согреться. Мне вовсе не улыбается выслушивать потом упреки от начальства в том, что не смог доставить вас в целости и сохранности.

— Но сто грамм — это довольно большая порция! — Так, у генерала начался отходняк, это хорошо.

— Для нас, русских, — нет. Да и ваш великий канцлер Отто фон Бисмарк не боялся превысить эту норму, составляя на охоте компанию императору Александру Второму. Особенно не торопясь, под хорошую закуску и приятную беседу. Но в нашем случае водка — лекарство.

— Вас, русских, невозможно понять. Почему вы считаете водку лекарством?!

О, как немец заинтересовался, сейчас немного окосеет и в спор полезет.

— Очень просто. Во-первых, на водке можно настаивать целебные

травы. Или у вас, в Германии, все перешли уже только на таблетки?.. Вторых, если выпить водки, а потом укутаться, чтобы кровеносные сосуды не сузились, можно согреться. В-третьих, водкой можно дезинфицировать раны, если под рукой нет ничего другого. Ну, и, в-четвертых, если человек простудился и у него жар, его можно сбить, сделав больному обтирание той же самой водкой.

– Гауптман, откуда у вас такие познания? Вы учились на медика?

– Нет, просто у меня жена – сестра милосердия, вот и просвещает понемногу... Прошу простить, господин генерал. Мы уже скоро будем в Будславе. В штабе армии вы сможете немного погреться. А пока, как говорят у нас, будьте здоровы! Прозит!..

К концу дня черепашьими темпами мы все же добрались до Минска. Генерала, в обоих смыслах тепленького, то бишь незамерзшего и пьяненького, сдал с рук на руки штабным и спустя полчаса был уже на базе. Капитан Бойко слушает мой доклад обо всем произошедшем за последние двое суток, расхаживая по комнате, потом надолго застывает, глядя в окно. Когда замолкаю, выдает свое командирское решение:

– Молодцы! Впрочем, иного не ожидал. Завтра с утра жду к себе для детального разбора, потом вместе побеседуем с ротмистром Воронцовым и включайтесь в обучение прикомандированных. А сейчас приводите себя в порядок, отдыхайте. И срочно зайдите в лазарет! – Валерий Антонович улыбается. – Мне кажется, вас там ждут.

Выглядываю в окно и вижу на крыльце санчасти фигурку в накинутой на плечи шубке. Уже бегу...

Глава 12

Утром, написав пачку рапортов, захожу к Валерию Антоновичу и застаю там обещанного ротмистра Воронцова. Пока начальство читает бумаги, вкратце обмениваемся новостями. Я – о прорыве фронта, он – о том, что творится в мире и Институте. Наконец вся писанина исчезает в картонной папочке и начинается серьезный разговор.

– Итак, господа, надеюсь, не надо предупреждать о том, что все сказанное не должно выйти за пределы этой комнаты. – Петр Всеславович очень серьезно смотрит на нас. – Даже тем офицерам, которые состоят в вашем отделении дружины, не нужно знать абсолютно все о том, что вы услышите. Только в части касающейся.

Мы с Бойко почти синхронно киваем в ответ. Абсолютно правильный подход, по-другому и не должно быть. Ротмистр тем временем продолжает:

– Мы у себя стараемся развивать... ну, скажем так, не совсем официальные отношения с другими отделениями корпуса. Я связался с некоторыми своими однокашниками и хорошими знакомыми, которые служат в нашем ведомстве и кому могу доверять. Всей правды они, естественно, не знают, разговор шел о том, чтобы в случае необходимости без ведома начальства организовать взаимодействие и обмен определенной информацией. Меня поняли правильно, и теперь у нас есть связь с Петроградом, Киевом, Одессой и Минском. Кстати, с местными жандармами вы тоже наладили отношения. Мне рассказали, как вы принимали участие в поимке шпионки. Так вот, по просьбе академика Павлова мы проанализировали сведения о различных политических партиях и свели их в один документ. Копию его я вам оставляю, но очень прошу, Валерий Антонович, чтобы он не попался на глаза никому чужому, дабы не скомпрометировать наших товарищей...

– Помилуйте, Петр Всеславович, чай, не дети маленькие, все понимаем, – капитан Бойко изображает любезную улыбку. – Ничего лишнего ни одна душа не узнает.

– А если кто посторонний что-то такое сболтнет вдруг или начнет задавать лишние вопросы, то будет повод вдумчиво побеседовать с человеком, – включаюсь в разговор, поддерживая своё начальство, – невзирая на последствия для его здоровья.

– Ну зачем же так сразу-то, Денис Анатольевич? – Воронцов улыбается в ответ. – Обратитесь к Ивану Петровичу, он уже закончил свой

прибор, как его... а, полиграф. Интересы ради проверял на себе, – отлично работает, сам не ожидал такого эффекта... Дело в том, что мы стараемся иметь дело с молодыми офицерами, в чинах не выше моего, потому, как они непосредственно со своими агентами работают. Полковники и выше занимаются уже административной рутинной, да и могут быть замешаны в закулисных интригах.

Так вот, о партиях. Их можно разделить на три группы. Начну с самой, на мой взгляд, безопасной – консервативной. Это – монархисты, Союз русского народа и Русский народный союз имени Михаила Архангела, их еще называют черносотенцами. Объединяют в своих рядах от двухсот шестидесяти до трехсот тысяч членов, среди них много титулованной аристократии, высшего чиновничества, немного творческой интеллигенции, но основная масса – мелкие лавочники, мещане, купцы, помещики, монархически настроенные крестьяне. Основной лозунг – «Самодержавие, Православие, Народность», выступают против какой-либо конституционной монархии и парламента. Во многих крупных городах создали свои боевые дружины, почти все еврейские погромы на их совести.

– С этими все понятно, можно будет поработать и посотрудничать. Только настрою предупредить, чтобы евреев пока больше не трогали.

– Не совсем так, Денис Анатольевич. Господин Пуришкевич, лидер Союза Михаила Архангела, – тот еще орешек. В то время как его остальные товарищи по фракции стараются замолчать бардак в работе правительства, он не боится идти против них и повторять почти то же, что и оппоненты из либералов. С ним надо будет вести себя дипломатично...

Ну, насколько я помню, данному господину можно будет прижать хвост, когда он сотоварищи будет злодейски умерщвлять святого черта Григория Распутина...

– ...Так, следующая группа – вышеупомянутые либералы. Основная партия, претендующая на общенациональное руководство – конституционно-демократическая, в просторечии – кадеты. В ней состоят главным образом преподаватели высших учебных заведений, врачи, инженеры, адвокаты, писатели, деятели искусства, либерально настроенные помещики и промышленники, есть немного ремесленников, рабочих и крестьян. Членами этой партии являются видные ученые – Вернадский, Муромцев, Котляревский, экономисты и публицисты – Струве, Изгоев. Лидер – видный историк, блестящий оратор и публицист Милюков.

Главной своей целью провозглашают введение демократической конституции, отсюда и название партии. Неограниченная монархия по их программе должна была быть заменена парламентарным демократическим

строим. Выступают за всеобщее избирательное право, свободу слова, печати, собраний, союзов, за строгое соблюдение «гражданских политических прав личности». Декларируют введение восьмичасового рабочего дня, право рабочих на стачки, на социальное страхование и охрану труда. В решении аграрного вопроса предполагают частичное отчуждение помещичьей земли в пользу крестьян, но по «справедливым» рыночным ценам. Цель действий – развитие России по западному буржуазному образцу. Единства в партии нет, существуют три направления: «левые», «правые» и «центр».

Следующая партия – так называемые «октябристы», «Союз 17 октября». Насчитывает в своих рядах около тридцати тысяч человек, в основном – элита торгово-промышленной буржуазии и помещиков. Возглавляет партию крупный московский промышленник Гучков. Как записано в их программе, цель – «оказать содействие правительству, идущему по пути спасительных реформ». Тоже выступают за конституционную монархию, разнятся с кадетами только по форме парламента...

Этот урод потом у императора манифест об отречении выцарапывать будет в семнадцатом! Такое вот содействие реформам! Обязательно прибить надо будет гаденыша!..

– Что вы так кровожадно усмехаетесь, Денис Анатольевич? – Воронцов прерывается и заинтересованно смотрит на меня. – Глядя на вас, начинаю опасаться за здоровье сего господина.

– Да не буду я его трогать!.. Зайдет к себе в кабинет, а там на него мешок с кулаками свалится, всего-то делов!..

– Давайте продолжим. В аграрном вопросе октябристы предусматривают передачу крестьянам пустующих казенных, удельных и кабинетских земель, содействие покупке земли ими с помощью Крестьянского банка. Выступают за сильную монархическую власть, но при условии проведения реформ, обеспечивавших свободу буржуазному предпринимательству. В двух словах: свобода промышленности, торговли, приобретения собственности и охрана ее законом – их главные требования. И последняя либеральная партия – так называемые прогрессисты. Учредителями являются крупные московские фабриканты Коновалов, Третьяков, братья Рябушинские. Костяк партии составляют воротилы московского капитала, выступают они опять-таки за конституционно-монархический строй, проведение основных свобод, двухпалатный парламент для депутатов только с большим имущественным цензом.

То есть слияние капитала и власти. Знаем, один раз уже проходили

такое в бандитских девяностых, больше не надо! На мой взгляд, депутат, как и художник, должен быть вечно голодным. Тогда от него будет польза... Ладно, хватит мечтать! Петр Всеславович переходит к самому интересному.

– Теперь – партии, делающие упор на вооруженную борьбу с властью. Начнем с социалистов-революционеров, сокращенно – «эсеры». В партии состоит порядка пятидесяти тысяч человек. Программой предусматривается свержение самодержавия и установление демократической республики, всеобщее избирательное право, бесплатное образование, отделение церкви от государства, свобода вероисповедания, слова, печати, собраний, стачек, неприкосновенность личности и жилища, введение восьмичасового рабочего дня и прогрессивного налога на доходы предпринимателей. Но самым основным для них является аграрный вопрос. Предлагается изъять землю из частной собственности и передать ее в общенародное достояние, мол, землей должны распоряжаться крестьянские общины как основа для создания социалистических отношений в деревне.

– Тут, в принципе, все логично, только «общенародное» звучит как-то расплывчато, – подает голос Валерий Антонович, выкручивая пальцами в воздухе что-то неопределенное.

– Ага, общее – значит, ничьё. При нашем расейском мышлении по-другому не будет, – замечаю я, а в качестве примера почему-то вспоминается рассказ старого майора-ракетчика с Байконура о том, что на полигоне возле каждого дерева торчит табличка «Ответственный за полив – такой-то».

– Тактика эсеров предусматривает агитацию, организацию стачек и акций вплоть до вооруженного восстания и применения индивидуального политического террора, – невозмутимо продолжает наш «лектор». – Раньше им занималась боевая группа, которая насчитывала человек тридцать. Руководили ею Евно Азеф и Борис Савинков. На счету группы убийства ряда крупных государственных деятелей – министра народного просвещения Боголепова, министров внутренних дел Сипягина и Плеве, генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича, покушения на премьер-министра Столыпина. С тысяча девятьсот одиннадцатого года считается распущенной. Азеф удачно скрылся от своих товарищей, Савинков сейчас во Франции военным корреспондентом. Но вместо неё существуют так называемые летучие отряды.

И напоследок – Российская социал-демократическая рабочая партия. Официально – одна, но на деле давно расколовшаяся на большевиков во

главе с господином Ульяновым и меньшевиков с лидером в лице Цедербаума, он же Мартов. И тех, и других не так много, что-то около тридцати тысяч человек. Программа, кстати, единая для обеих фракций, состоит из двух частей. «Минимум» включает в себя свержение самодержавия, введение демократической республики, по аграрному вопросу – требование полной конфискации всех помещичьих, государственных, удельных, церковных и монастырских земель. «Максимум» – пролетарская революция и социалистическое переустройство страны. Вот вкратце и всё, есть еще националистические партии типа армянской Дашнакцутюн, азербайджанской Мусават или еврейского Бунда, но они малочисленны и не очень популярны в России. Да, существуют еще анархисты. Основными идеологами являются Бакунин и Кропоткин. Но четкой партийной структуры не имеют. Есть мелкие группы, от трех до тридцати человек, объединяющиеся время от времени в более крупные «федерации». Основная идея – немедленная анархия, которая понимается, естественно, как возможность безнаказанно грабить... По лицам вижу, господа, что от моей речи у вас в головах некоторый сумбур. Извините. Но там действительно все очень запутано. Впрочем, у меня в Институте есть подробная схема, где указаны взаимоотношения членов вышеупомянутых партий между собой, кто с кем и как связан. По приезде ознакомитесь. Учитывая её размер и секретность, дальше моего кабинета она не уходит.

– Петр Всеславович, простите за щекотливый вопрос, но... Имеет ли ваше ведомство агентуру в этих партиях? – Валерий Антонович переходит к деталям и нюансам. – Если не хотите, можете не отвечать.

– Ну что вы, какие уж тут тайны!.. Либеральные партии мы до сих пор не трогали, считая, что они весь упор делают на сотрясание воздуха в Думе. А так... В партии эсеров мы имеем достаточно своих агентов. У социал-демократов – гораздо меньше, начальство считает их неопасными. Но в свете того, что вы, Денис Анатольевич, вместе с академиком рассказывали, я связался с петроградскими коллегами, и они уже активно действуют в этом направлении. К сожалению, после дезавуирования Романа Малиновского, как секретного агента, работать будет не в пример труднее, – видя нашу заинтересованность, Воронцов поясняет более подробно: – Сей господин был членом ЦК РСДРП, депутатом Думы от большевиков и одновременно с большим успехом работал на Департамент полиции. При его содействии были арестованы большевики Бухарин, Орджоникидзе, Свердлов, Джугашвили...

Опаньки! Так вот кто Иосифа Виссарионовича в Туруханск

законопатил! Надо будет при встрече поябедничать... А то, что она состоится – ни капельки не сомневаюсь! Ладно, слушаем дальше...

– ...Но в позапрошлом году, насколько я осведомлен, по указанию командующего корпусом генерала Джунковского был разоблачен и теперь скрывается где-то в Европе.

– Генералу нечего делать было? Сдать такого агента! – Чего-то я не понимаю в этой жизни. – Или он сдуру в революционеры подался?

– В деятельности генерала Джунковского много странностей. Закрыв охранные отделения во всех городах, кроме Москвы, Петрограда и Варшавы, запретил работать и вербовать агентов в воинских частях и учебных заведениях, в результате чего университеты стали рассадниками революционных идей, ну а с агитаторами в полках вы, наверное, уже сталкивались.

– Да, к несчастью для последних... А этот генерал не состоит в каком-нибудь обществе? Типа кружка вольных каменщиков по французскому или английскому обряду?

– Вы будто бы читаете мои мысли, Денис Анатольевич, – многозначительно улыбается господин ротмистр. – Явных доказательств тому нет, но находится в частой переписке с господином Гучковым, который в свою очередь очень близок с некоторыми известными нам масонами.

– Петр Всеславович, я понимаю, насколько это трудно, но по масонам информация даже важнее будет, чем по революционерам.

– Сложность в том, что для вербовки отпадает самый важный стимул – деньги. Остается ловить этих господ на каком-нибудь компромате. А это требует времени и большой осторожности. Но мы приложим все усилия. Если позволите, разговор продолжим в Институте, когда соберемся в полном составе.

– Несомненно. А сейчас, Петр Всеславович, пойдемте, представите меня своим подчиненным, и начнем занятия. Кстати, не хотите присоединиться?

– К сожалению, Денис Анатольевич, и рад бы, но не могу. Академик Павлов просил не задерживаться, послезавтра уезжаю. Но посмотрю охотно...

Глава 13

Для командированных прихватизировали две пустовавшие казармы, одну оборудовали всем необходимым для жилья и занятий, а вторая будет служить мини-полигоном при отработке штурма объекта группой захвата. Заодно и меньше любопытных глаз увидит все, что тут будет происходить. Пять минут назад ротмистр Воронцов представил меня группе из восьми офицеров, которые должны пройти сокращенный курс обучения. Теперь один корнет, пять поручиков и два штаб-ротмистра переоделись в тренировочную форму-подменку без знаков различия и, построившись в одну шеренгу на взлетке, с любопытством и некоторым недоумением смотрят то на меня, то на семерых бойцов из первого состава, то на Петра Всеславовича, стоящего в сторонке. Ну-с, начнем, пожалуй!..

– Итак, господа, прежде чем начать занятия, хочу ознакомить вас с некоторыми правилами. Если они покажутся странными – не беда, со временем все поймете. Если неприемлемыми – прошу сразу об этом сказать... У каждого из вас будет персональный инструктор, и хочу предупредить, что несмотря на то, что все они – нижние чины, их указания, касающиеся изучаемых дисциплин, обязательны к исполнению. Также прошу правильно отнестись к тому, что в процессе тренировок им придется оказывать некоторое физическое воздействие на вас. Возможно, появятся синяки, ссадины и другие прелести наших подвижных игр. Не стоит рассматривать подобные инциденты как оскорбление старшего по званию физическим действием...

Стоящий четвертым офицер, крепенький такой детина, вызывающе усмехается и громким шепотом, так, чтобы все слышали, выдает в эфир:

– Это мы еще посмотрим, кто кого...

– Вы что-то хотели сказать, господин поручик? Не стесняйтесь, тут все свои.

– Я хочу сказать, что мы тоже кое-что умеем! – детинушка вызывающе повышает голос, одновременно покрываясь предательским румянцем. – Не надо нас за каких-то гимназисток считать!

– Будьте любезны, два шага вперед. – Жду выполнения команды, затем продолжаем разговор: – Каким спортом занимались, сударь?

– Английским боксом! И был в своё время чемпионом полка! – поручик торжествующе улыбается. – Если есть перчатки, можем побоксировать пару раундов, на большее тут никого не хватит!

Ну, нахал!.. По ассоциации на ум тут же приходит фильм о Шерлоке Холмсе, где он боксирует с Ватсоном, и его знаменитое «А вы не пожалеете?». Хотя по правилам бокса у него есть шансы. Но мы – не в сказке. Придется учить бедолагу жизни. И прямо сейчас...

– Я соглашусь, что если мы встретимся на ринге, возможно, вы отправите меня в нокаут и раньше. Но в бою после нашего randevu через несколько секунд вы будете или трупом, или очень тяжело раненым... Не надо уподобляться англичанам. Это для них война – спорт. А у нас между этими понятиями огромная разница, что сейчас на вашем примере и докажу.

Достаю люгер из кобуры, выщелкиваю магазин, делаю контрольный спуск, показывая, что пистолет не заряжен.

– Вводная: у вас кончились патроны, а у меня в запасе еще пара выстрелов. Но вы должны меня обезоружить, арестовать и доставить... ну, допустим, к Петру Всеславовичу для допроса.

Приставляю ствол к груди поручика и наслаждаюсь растерянной оторопью собеседника. Думайте, ваше благородие, думайте!..

– Ну что, поможет вам бокс в данном случае? Чтобы нанести удар, вашей руке нужно пройти путь в пол-аршина как минимум, а мне нужно слегка двинуть пальцем, и никакой хирург уже ничего не сможет сделать... – видя пару ухмылок в строю, обращаюсь к остальным: – Господа, может быть, посоветуете что-нибудь своему товарищу, вместо того чтобы веселиться?..

Народ безмолвствует в растерянности, пора выводить их из ступора.

– Змей, иди сюда! – подзываю Егорку, растянувшего в улыбке рот до ушей, типа, когда еще удастся командира по полу повалить, но придется терпеть в воспитательных целях. – Смотрите, господа, все очень просто. Первое и самое главное – уйти с линии выстрела. Сделать это можно единственным способом – вращаясь вокруг пистолета по касательной...

Упираю ствол в грудь казаку. Немного подаюсь вперед, когда он проворачивается, захватывая руку и «накручивая» меня на свое правое плечо. Подсечка... Лечу, превращая падение в кувырок, встаю... Егорка уже целится в меня из моего же люгера.

– Вот как-то так... Не успели запомнить в подробностях? Егор, давай еще раз, только медленно, чтобы всем видно и понятно было.

Змеюка делает все так, как просили, придерживает меня при падении, потом подает руку, помогая встать, затем отходит на два шага.

– Теперь меня нужно отконвоировать к господину ротмистру. Делается это вот так. Егорка, давай!..

Уткнувшись носом почти в коленки, с завернутой за спину рукой и воткнутой в затылок пистолетом подхожу к Воронцову, затем казак меня отпускает и отдает люгер.

– Теперь, господа, прошу!.. Можете сами выбрать себе инструктора. На ближайшие два дня, потом будете меняться. Что значит – одного не хватает? А меня в расчет не берете?.. Что, поручик, все же хотите порадовать меня своим боксом? Экий вы настырный, право! Ну, идемте!.. Так, разбились по парам и учимся падать и кувыряться. Инструкторы, работаем, не стоим! Вперед, назад, вправо, влево, в развороте, в падении...

* * *

Старая русская пословица «То пусто, то густо», наверное, всё же имеет под собой реальные основания. Неделя тянулась неторопливо, занятия с «особо секретными курсантами» шли своим чередом, немного только запнулись на тактике боя внутри помещений. С моими орлами все было гораздо проще. Открыть дверь, бросить гранату, дожидаться взрыва, провести контроль. Все просто, как мычание. А вот когда обитателей комнаты нужно взять живыми, учитывая, что они могут сопротивляться и отстреливаться, тут надо было крепко подумать. Что мы с господами прикомандированными и делали по вечерам. Изрисовали гору бумаги, придумок было много, но после отработки их на практике, особенно учитывая, что в роли задерживаемых был первый состав, осталось три варианта, которые и шлифовались изо дня в день помимо изучения рукопашного боя и совершенствования навыков стрельбы, в том числе в падении и кувырке.

Однако в субботу размеренная монотонность нашего бытия была нарушена сразу несколькими событиями. Рано утром из штаба армии телефонировал Анатолий Дольский, остававшийся за командира, и сообщил, что часа в два пополудни батальон прибывает на базу и неплохо было бы обеспечить бойцам достойный прием, в смысле – хорошо протопленную баню и горячий вкусный обед. Нестроевая рота, подгоняемая своим командиром, бывшим в тот день к тому же еще и дежурным по батальону, моментально взялась за дело, хозблок стал напоминать разворошенный муравейник, но к указанному времени все было готово.

Герои дня не заставили себя долго ждать, в начале третьего в ворота КПП втягивается колонна. Дольский со своими кентаврами, санный поезд с моими диверсами и штурмовиками Стефанова и, под конец, батарея 105-

миллиметровых трофеев, сопровождаемая сияющим Бергом. Детский комитет по торжественной встрече в лице Алеси и Данилки с радостным визгом несется навстречу своим дядям Петям, Ваням, Прохорам. Двое драгун, свесившись с седел, на ходу подхватывают малышню и усаживают впереди себя к неописуемому восторгу последних.

Отправив личный состав под руководством унтеров в баню и воспользовавшись, чтобы не мешать им, душевой в санчасти, господа офицеры собрались в лазарете, за неимением пациентов превращенном в батальонное Собрание с табльдотом. После тушенки и прочих прелестей бытия в условиях боевой обстановки Ганнины вкусняшки пошли нарасхват, и трапеза прошла в приподнятом настроении, тем более что застольный разговор свелся к обсуждению того, кто чего и сколько напакостил гансам. Оказалось, больше всех отличился подпоручик Берг, рассказывавший сейчас свою историю в ожидании чашечки Дашиного кофе.

– По приказу генерала Келлера, прибываем в расположение двадцать пятой дивизии, иду доложить, а из дома, где штаб обосновался, крик стоит – чуть ли не на полверсты слышно, мол, «Не смей!», «Под суд отдам!» и все такое прочее. Оказывается, командиру девяносто девятого полка разведка доложила, что на его участке германцы готовят газобаллонную атаку с последующим наступлением, вот он и просит разрешения отвести полк с позиций. Предложил свою помощь дивизионному начальнику, генерал Филимонов отправил на передок и даже дал в помощь двух, как он выразился, «телефонных жидов». Добрались до полка, а там – тихая паника. У всех глаза очумелые и мелкая дрожь в коленках, как же, германец щас газы пускать будет! В окопах стоят ведра с... пардон, солдатской мочой, которая по идиотскому мнению каких-то «изобретателей» должна поглощать отраву. Я дурням объясняю, что ветер для атаки сейчас неподходящий, а им хоть кол на голове теши.

В общем, развернули батарею, приготовились, и пополз я с телефонистом на нейтралку, присмотрели там местечко, где обзор хороший. Нашел, где гансы баллоны устанавливают, дистанцию прикидываю, пока телефонист со связью возится, а сам сомневаюсь малость. Прислуга у гаубиц импровизированная, из ваших, Денис Анатольевич, разведчиков. Я наводчиков, правда, потренировал за эти дни, но все равно – тревожно. Еще раз с ветром сверился, он как раз от нас дует, даю прицел, команду «Огонь!». Пристрелочный с большим недолетом ложится, даю поправку – дальше шестьсот, а этот сын израилев орет в трубку: «Сеня, дороже на шесть рублей!» Я, господа, чуть не онемел от услышанного! Но следующие «подарки» прилетают правильно. Баллоны рваться начали, германцы в

разные стороны, как тараканы, порскнули и давай дёру! А им вслед облако ползет... А этот гешефтмахер мои поправки влет в деньги переводит: «Сеня, влево двугривенный и больше на полтину!» Вот так всю стрельбу он своими копейками и корректировал!

– И где сейчас это чудо природы? – отсмеявшись со всеми, спрашиваю у Романа Викторовича. – Что ж вы его с собой не забрали?

– Ну, почему же? Генерал поморщился, но разрешил с собой его взять, – довольно улыбается Берг. – Сейчас со всеми в бане моется. Но, чур, он у меня в батарее останется!

– Надо будет с ним побеседовать, присмотреться к человеку. Кстати, наших обычаев никто не отменял. – Валерий Антонович подводит итог: – Вот сходит с разведчиками «в гости», принесет винтовку, тогда – не возражаю, забирайте!

– А второй, который Сеня, что с ним? Может, тоже к нам истребовать? – Роман Викторович хитро смотрит на комбата. – Они хорошо работали в паре.

– Ну, коль настаиваете, господин подпоручик, попробуем. Но имейте в виду, случись что, спрошу непосредственно с вас.

Капитан Бойко поворачивается ко мне.

– Денис Анатольевич, сразу после обеда давайте побеседуем с новеньким. Остальному личному составу, господа командиры, привести себя в порядок и отдыхать. До утра...

* * *

Через неплотно прикрытую дверь в канцелярию сквозь многоголосый гомон и веселый смех только-только прибывших с обеда бойцов пробивается короткий свист. Смотрю на часы, засекая время, дневальному была дана команда сразу по прибытии роты прислать ефрейтора Хаймина пред ясны очи начальства, то есть к нам с Валерием Антоновичем. И свистнуть о выполнении поручения. Вот и посмотрим, как быстро наш распиаренный подпоручиком Бергом телефонист справится с задачей. Учитывая незнакомый коллектив и помещение... Ага, девятнадцать секунд, неплохо!

В дверь аккуратно стучат, затем раздается вежливое:

– Ваше благородие, разрешите войти?

На пороге появляется наш новичок, который тут же вытягивается в струнку и докладывает капитану Бойко:

– Ваше благородие, честь имею представиться, ефрейтор Хаймин, явился в ваше распоряжение для прохождения дальнейшей службы.

Во время доклада стараюсь повнимательней рассмотреть пополнение. Невысокий, худощавого телосложения, слегка оттопыренные уши, нос с небольшой горбинкой, традиционно грустные и немного настороженные еврейские глаза. Но самое главное, что сразу сбивает с толку и, как магнит, притягивает взгляд – Георгиевский крест на гимнастерке, только вместо святого Георгия изображен двуглавый орел. Так, а вот отсюда – поподробнее!..

– Вольно... Ефрейтор, тебя как по-человечески зовут? Ну, имя, отчество?

– Яков, сын Моисеев, ваше благородие.

– А покороче?.. Ну, как на прежнем месте звали? – Странно, вроде бы Георгиевский кавалер, а мнется, как гимназистка на первом свидании. – Что замолчал? Я ж не из простого любопытства спрашиваю. Вдруг надо будет тебя очень срочно позвать, и что?.. Орать «ефрейтор Хаймин» прикажешь? Только о первое слово язык сломать можно.

– ...Телефонными жидами звали, ваше благородие... Я – первый жид, Сеня – второй...

Нифигасе!.. Смотрю в нарочито пустые глаза, за которыми где-то очень глубоко спрятаны все эмоции. Кажется, надо менять тему...

– Ну, здесь тебя так звать вряд ли будут... За что крест получил?

– Там в бумагах все указано, ваше благородие, – Хаймин отвечает чуть охрипшим голосом, кивая на папку в руках Валерия Антоновича.

– Ефрейтор!.. Неужели ты думаешь, что я дослужился до штабс-капитана и не умею читать?! – подпускаю немного металла в голос. – Когда мне надо будет, прочитаю, а сейчас хочу от тебя услышать ответ! Понятно?

– Так точно, ваше благородие! – Хаймин снова вытягивается по стойке «смирно». – За то, что под сильным артиллерийским и ружейным огнем, будучи тяжело раненным в ногу, поддерживал связь командира артиллерийского дивизиона со штабом Четвертой Туркестанской бригады...

– Приказ войскам Кавказской армии от апреля второго числа тысяча девятьсот пятнадцатого года за номером... – зачитывает из папочки Валерий Антонович, – а тако же отрыл из землянки, разрушенной снарядом, двух телефонистов и неоднократно восстанавливал порванные неприятельским огнем провода.

– Ну, так ты вообще – герой!.. Речь грамотная, акцента почти не слышно. Гимназию окончил?

– Так точно, ваше благородие. Потом еще наборщиком в типографии работал.

– Надеюсь, не подпольной?.. Да не напрягайся ты так, шучу я... Последний вопрос. Про вероисповедание. Надеюсь, за гоев ты нас не считаешь и в субботу работать можешь.

Дождавшись утвердительного кивка, продолжаю общение:

– Короче, дела такие, Яков Моисеевич. Ты уже наверняка заметил, что у нас батальон не такой, как другие, и порядки в нем особые. Так вот, если ты не уверен, что сможешь сохранить в тайне от кого бы то ни было то, что узнаешь... Лучше скажи сразу, мы тебя обратно отправим или другое место найдем. Но если ты остаешься в батальоне, ты – наш до последнего вздоха. И если выяснится, что ты кому-то что-то о нас ляпнул, то... Ну, ты сам понимаешь... Минута – тебе подумать, время пошло. – Демонстративно достаю часы и смотрю на секундную стрелку.

– Ваше благородие, я согласен. – Ефрейтор честно смотрит на меня.

– Хорошо. Служить пока будешь в моей роте. На занятия – вместе со всеми. Может, еще и наставника к тебе приставлю. Через месяц вместе с разведчиками сходишь за линию фронта. Там тихонько прирежешь какого-нибудь германца, забереешь его винтовку, она будет твоим личным оружием. Сподобишься – станешь полноправным солдатом батальона. Вопросы есть?.. Нет? Замечательно... У меня к тебе последний вопрос: твой друг Сеня сможет у нас служить? Сразу отвечать не надо, через пару дней, когда прочувствуешь, что и как, подойдешь и скажешь. Договорились?.. Все, иди, найдешь фельдфебеля Остапца, он тебе койку определит...

* * *

Последнее и самое важное событие происходит после вечерних посиделок в абсолютно мужской компании. Маше срочно понадобилось что-то сделать в лаборатории, а моя ненаглядная сослалась на усталость и легкое недомогание и ушла к себе. Причем жалобы на плохое самочувствие я слышу со дня приезда уже не в первый раз... Так что мы быстренько почаяевничали, скорректировали планы на завтра и разошлись.

Не успеваю переступить порог, как меня встречают раздраженный Дашин взгляд и маленький монолог на повышенных тонах:

– Денис! Ты опять накурился своих противных папирос?.. Ф-фу! Будь любезен, сейчас же прополощи рот и почисти зубы!.. И, пожалуйста, оставь сапоги в коридоре, они ужасно сильно воняют ваксой! Просто невозможно

дышать!..

Открываю рот, чтобы возразить, но, подумав пару секунд, тут же его захлопываю и иду выполнять требуемое. В конце концов, может быть, действительно это всё неприятно пахнет. Хотя раньше моя красавица не придавала этому никакого значения. Интересно, что за вредность в ней проснулась?.. Возвращаюсь обратно, открываю дверь, Даша, пошатываясь и стараясь опереться обеими руками на краешек стола, смотрит на меня мутнеющим взглядом!.. Рывок вперед, секунда, и я подхватываю ее на руки.

– Дашенька, солнышко, что с тобой?! – Аккуратно опускаю ее на кровать и сажусь рядом на краешек. – Тебе плохо?.. Ты заболела?..

– Нет, все уже хорошо... Просто голова немного закружилась... – голосок слабый и неуверенный. – Мне уже лучше, сейчас встану...

– Нет, нет, лежи чуть-чуть, на тебе лица нет, вся бледная как полотно! Давай я тебе водички принесу! Или морсика!..

– Морса не надо, он противный... – Моя милая морщится, как будто я предложил ей сырую лягушку. – Дай мне воды... Только холодной!..

Хватаю чашку, вихрем несусь на кухню, набираю из кувшина воду... Когда прибегаю обратно, Даша уже сидит на кровати. Делает два глотка, снова морщится:

– Теплая... Ну, ладно, пусть будет...

– Ты не простудилась часом, маленькая? Может, доктора Пашу позвать?

– Не надо, здесь он не поможет... – Жена как-то по-особенному смотрит на меня. – Денис, сядь рядышком, обними меня...

С удовольствием и облегчением выполняю ее просьбу. Вроде отлегло, стало лучше...

– Доктор Паша мне не поможет... И не болезнь это... – Дашенька смотрит мне прямо в глаза, желая там увидеть что-то только ей понятное. – Денис... Я... Я – беременна...

Ё...!! А...!! Ну...!! Да это ж...!! Ну ё...!!

Все мысли и слова куда-то исчезают, в голове остаются только многоточия и некоторые гласные. Да, слов особенно и не надо, моя ненаглядная читает все на моей обалдело счастливой физиомордии, несмело улыбается и легонько чмокает меня в щеку.

– Даша!.. Солнышко мое!.. Любимая моя!.. Я... Мне... Это же такая замечательная новость!.. – Очень трудно разговаривать, когда путаются мысли и заплетается язык. – А это точно?.. А когда?.. А какой срок?..

– Около двух месяцев. А когда именно – не знаю... Между прочим, ты

мне редкую ночь давал поспать спокойно!..

– Экскюзе муа, мадам, но ведь всё происходило на обоюднo-добровольной основе.

В ответ получаю легкий подзатыльник и дежурное звание нахала.

Теперь, как будто, пазл сложился. Стали понятны и внезапные смены настроения, и вечерняя апатия с усталостью, и легкие недомогания, и вдруг возникшая любовь к бочковым огурцам на кухне, и ничем не объяснимое желание полакомиться свежими яблоками со сметаной в феврале...

Да к черту все!! У нас с Дашей будет ребенок!! Сын!..

– Денис, медведище неуклюжий!.. Пусти, раздавишь, мне больно!.. Ффу!.. И не лезь ко мне целоваться, у тебя усы колючие!.. И вообще, ты хоть помнишь, какой сегодня день?

– Конечно, помню – суббота! Только причем здесь это?

– Нет, я имела в виду – какая сегодня дата?.. Ты не помнишь?

В Дашиных глазах появляются слезы, видя мое недоумение, она обиженным тоном объясняет:

– Сегодня – наша первая годовщина! Год назад, в этот же день ты очнулся в госпитале, и мы познакомились!.. Я думала, что ты это запомнишь!.. А ты...

Рубашка на груди начинает постепенно намокать от слез. Надо срочно что-то делать!..

– Солнышко мое, конечно, я помню про сегодняшнюю годовщину, просто не понял вопроса... Ты сегодня очень устала, давай-ка ложись в кровать, а я расскажу тебе на сон грядущий сказку...

– Тогда отвернись и не подглядывай! – Еще пару раз по-детски шмыгнув носом, моя милая начинает шуршать одеждой и постелью. – Все, поворачивайся... А сказка будет интересной?

– Еще какой!.. Слушай... В некотором царстве, в некотором государстве жила-была царевна, и звали ее Даша. Красивая-красивая была, краше всех красавиц! Все парни, как только видели ее, сразу в обморок падали да сами в штабеля складывались...

Вот и хорошо, слезы кончились, улыбка появляется, сейчас совсем успокоимся, нам волноваться уже никак нельзя.

– Только не замечала царевна женихов, ходила, как ни в чём не бывало. Но однажды зашла она в больничку одну, узнать, а не надо ли какой помощи лекарям. И увидела там, на койке Дениску-дурака. Ростика небольшого, плюгавенький такой, грудка впалая, спинка горбиком, ручки кривые, ножки худые, голосок гугнявый, глазки бесстыжие. Шибко любопытный он был, захотел посмотреть, как парни с другой деревни

петарды взрывают, да и подошел совсем близко. А оно как рванёт, Дениска-дурак обо что-то головушкой своей неумной и приложился...

Так, мы уже сонно улыбаемся, веки опускаются, скоро совсем заснём. Замечательно, продолжаем в том же духе!

– И стало жалко царевне Даше придурка этого, и стала она его лечить, да не просто так, а зельями научными, «физиотерапией» называемыми. И случилось однажды диво дивное, превратился из-за зельев этих Дениска-дурак в Дениса-богатыря...

Всё, спит мое солнышко, успокоилось и спит. Тихонько встаем, чтобы не потревожить, на цыпочках к столу, лампу – на самый минимум. Где там эти проклятушие учебники?.. Вот, на сегодня у нас – фортификация и закон Божий. Как там говорится? Ученье – свет, а неученье – чуть свет и на службу...

Глава 14

Несколькими днями позже к нам в гости приехал генерал Келлер. Причем не один, а в компании давно обещанной Зиночки, которую всё же умыкнул с Юго-Западного фронта. Новенькую наши девчонки тут же утащили к себе в лазарет знакомиться по своему, по-женски, за чашкой чая. А мы с Федором Артуровичем и остальными командирами устроились в канцелярии обсудить текущие и животрепещущие вопросы.

– Я надеюсь, господа, вы уже написали рапорта о поощрении своих подчиненных? – Генерал обводит нас грозным орлиным взором. – Если – нет, поторопитесь. Завтра утром снова уезжаю в Ставку, так что к вечеру, Валерий Антонович, жду сводный рапорт. И не стесняйтесь в количестве. Я думаю, что сумею отстоять все награды. Теперь, что касается дальнейших действий. Сводный корпус, в который входит и ваш батальон, отведён в тыл. Новая линия фронта стабилизировалась и, скорее всего, останется таковой как минимум до окончания весенней распутицы. Поэтому приводите себя в порядок, учитесь, тренируйтесь, готовьтесь к лету. Роман Викторович, вас это касается более всех.

– Ваше превосходительство, я прекрасно понимаю всё, кроме одного. Где мне взять самих артиллеристов? – Берг недоуменно разводит руками. – Мои батареи, с которыми выходил из-под Ново-Георгиевска, закроют едва ли четверть вакансий. Из других рот я же не буду забирать людей?

Ага, так я и отдал кого-нибудь из своих диверсов. У меня все пятерки сыграны, притёрты друг к другу, понимают с полуслова и полумысли. Надо прикидывать что-то другое.

– Насчет пополнения подумаем, поищем выздоравливающих в госпиталях, на пересыльно-распределительных пунктах. Без пушкарей мы вас не оставим, – успокаивает Романа Викторовича Келлер. – Тем более что, по всей видимости, корпус выводится из подчинения Западного фронта и будет числиться в резерве Ставки. И все благодаря вашему батальону. Я был в Могилеве с докладом у государя, и, когда назвал цифру потерь, мне поначалу не поверили. Генерал Алексеев, начштаба Главковерха, срочно затребовал сводку о потерях во Второй армии и был чрезвычайно удивлен. Прорвать укрепленную оборону германцев, отбросить противника на несколько десятков километров и потерять при этом около трёх батальонов, а не десятки тысяч солдат, – такого в нашей истории ещё не было.

– Могли бы добиться и больших успехов, если бы штабы вовремя подтянули подкрепления, – невозмутимо замечает капитан Бойко.

– Да, Валерий Антонович, вы правы, – генерал саркастически ухмыляется, – но генералы от инфантерии Рагоза и Эверт мало того, что и пальцем не шевельнули, чтобы помочь, так ещё и попеняли за то, что мы не согласовали наше наступление со скоростью передвижения вторых эшелонов. Поэтому, мол, сами и виноваты, что остались без резервов.

– Но это же чистейшей воды ерунда! – начинает горячиться Дольский. – Нам что, нужно было стоять и ждать, пока они там телепаются?

– Не кипятитесь, поручик. Базарные склоки никто устраивать не будет. – Федор Артурович устало смотрит на Анатоля. – Вашему покорному слуге ясно дали понять, что если не поднимать шум, все рапорта о наградах и прочих благах будут поддержаны и армией, и фронтом. Так что пишите максимально подробно... Если вопросов ко мне нет, господа, больше не задерживаю. Кроме штабс-капитана Гурова.

Все расходятся по своим делам, а я остаюсь с генералом тет-а-тет. Федор Артурович, о чем-то задумавшись, несколько раз прогуливается по канцелярии взад-вперед, затем останавливается.

– Вот так вот, Денис Анатольевич. Были бы вовремя подведены резервы, укрепили бы фланги и – вперед. Имели все шансы отбить и Вильно, и Ковно, а при удачных обстоятельствах вышли бы по Неману на балтийское побережье. Отрезав при этом северную германскую группировку от снабжения. И Ригу, и Либаву бы взяли совместно с первой, пятой и двенадцатой армиями. Купались бы колбасники сейчас в февральской морской водичке. А если бы еще и Балтфлот подоспел... Слава богу, Иван Петрович адмирала фон Эссена вылечил, буквально с того света вернул.

– Это который вместе с Макаровым в Порт-Артуре воевал? Когда это было?

– Еще до того, как мы встретились, в начале июня прошлого года. Вы, господин штабс-капитан, в то время по немецким тылам гуляли со своими головорезами... В общем, одни ни здоровья, ни жизни не жалеют, а другие только и думают, как свою ж... особу бумажками о скорости маршевых подразделений прикрыть. Государь, когда Верховное командование принял, сто пятьдесят генералов на пенсию отправил. И ничего не изменилось! Одни дураки ушли, другие пришли... Ладно, оставим это. В ближайшее время нам с вами нужно быть в Институте. На следующей неделе туда приедет великий князь Михаил Александрович. А к его приезду нам ещё

надо окончательно решить все спорные вопросы и принять основополагающие, стратегические направления для наших действий. Если в двух словах, то какой должна быть Россия и что для этого нужно сделать... Штабс-капитан, в каких облаках витаете? О чем задумались?

– О том, Федор Артурович, как объять необъятное и совместить несовместимое. Хотел жену отправить домой, к маме, в смысле, к теще. А надо в Москву ехать.

– А что такое? Мадемуазель Даша... Тьфу, простите, бога ради, Денис Анатольевич, это я по привычке! Ваша супруга отнюдь не производит впечатления взбалмошной особы, чтобы сегодня хочу быть здесь, а завтра уже надоело.

– Федор Артурович, очень надеюсь, что скоро появится еще один маленький человечек, который будет носить фамилию Гуров-Томский.

Келлер несколько секунд стоит в оцепенении, потом широко и радостно улыбается, и моя совсем не маленькая ладонь утопает в генеральском рукопожатии.

– Ай, молодец, Денис Анатольевич! Очень рад за вас обоих! – Затем улыбка становится слегка издевательской, а Федор Артурович переходит на сдавленный полусшепот: – И хочешь жену к маме отправить! Одну! Без охраны!.. Тебе каким солнцем голову напекло, а, штабс-капитан? Насколько я понимаю, Дарья Александровна про тебя всё знает, значит, является... как вы там сами говорить изволили?.. Секретоносителем высшей категории! Не говоря уж о том, что немцы за твою голову обещали сто тысяч марок!.. А зная тебя... Ты же, невзирая ни на кого, помчишься ее спасать, ежели что!.. Тьфу-тьфу-тьфу, не приведи Господь!

Генеральский кулак стучит по столешнице... Блин, оказывается, токсикоз на ранней стадии беременности действует не только на женщин, у мужиков тоже крышу сносит. Хожу, блин, как придурок, в состоянии перманентной эйфории, сам додуматься до таких простых вещей не мог?..

– Простите, Денис Анатольевич, за фамильярность, – Келлер уже успокаивается.

– Ничего, ничего, Федор Артурович, это ефрейтору нельзя было старшим тыкать, а генералам – всегда пожалуйста.

– Ладно вам, не обижайтесь. Посоветуемся с нашим академиком, что-нибудь придумаем... Лучше бы, конечно, Дарью Александровну в Институт отправить. Под присмотр медицинский и не только.

– Даша хочет ехать к маме. А что такое желание женщины в её положении, вы, надеюсь, понимаете? Существуют два мнения. Одно – ее, второе – неправильное.

– Хорошо, уговорите ее подождать, пока вы не приедете из «командировки»... Теперь, в продолжение разговора о наградах. За прорыв я представил вас к Анне второй степени с мечами. И мое представление утвердили и в штабе армии, и в штабе фронта, так что вопрос можно считать решенным. А вот за самовольные действия по захвату генерала фон Гутьера со всем его штабом вас, как обер-офицера, по чину награждать особо уже нечем. – Келлер хитро смотрит на меня, желая увидеть реакцию на свои слова. – Вижу, что особо не расстроены.

– Не за награды воюем, Федор Артурович. И так уже три ордена, не считая союзных, плюс Георгиевское оружие.

– Вот поэтому я имел смелость просить императора пожаловать вам чин капитана сразу после сдачи экзаменов в училище. Его величество обещал подумать, но, скорее всего, согласится. Так что, молодой человек, вы уж не подведите меня, старика. Времени готовиться вам осталось до апреля.

– Как до апреля?! Весенняя экзаменация в училище в мае – июне!..

– Ну, вы же самовольничали при выполнении боевой задачи? – Келлер снова хитро улыбается. – Вот и я позволил себе связаться с генерал-лейтенантом Вальбергом и попросить назначить эту самую экзаменацию вам пораньше, мотивируя тем, что в конце весны начнутся активные боевые действия и вы, как командир батальона, мне нужны будете на фронте. Сославшись при этом на Высочайшее мнение. Иван Иванович счел за лучшее согласиться.

– Так когда я все успею?!

– Успеете, штабс-капитан. Приедем из Института, решите вопрос с Дарьей Александровной и напишите рапорт об отпуске для подготовки к сдаче экзаменов. А когда сдадите, в чем я не сомневаюсь, приедете и примете командование батальоном.

– Стоп, а как же Валерий Антонович? Его куда?

– А капитана Бойко я заберу к себе в штаб. Мне там умный и знающий генштабист очень пригодится. Вот так-то... Если вопросов ко мне нет, хотел бы совершить с мадемуазель Зиной небольшой вояж по губернскому граду Минску. И не надо так многозначительно ухмыляться, сударь. Генералы – тоже люди и иногда имеют право на увольнение из расположения полка...

Глава 15

Справа и слева от дороги стоят еще по-зимнему укутанные в снега деревья, но в воздухе уже почти явственно чувствуется наступление весны. Еле-еле уловимый влажно-теплый запах начинающих таять сугробов и оживающей от морозов хвои. Резиновые гусеницы бодро утрамбовывают в колее остатки недавнего снегопада, в салоне, несмотря на отсутствие печки, холод совсем не ощущается.

Ротмистра Воронцова заметил еще на перроне, а через несколько минут, слегка охреневший от увиденного и тут же чуть ли не общупанного, устроился на заднем сиденье полугусеничного авто. Оказывается, Павлов, пока мы воевали, времени даром не терял и вместе с лейб-медиком Боткиным после многочисленных анализов сделали цесаревичу Алексею переливание крови, после которого тому стало легче. Академик для этого специально ездил в Царское Село, где, по словам сопровождавшего его Воронцова, во-первых, познакомился с очень не понравившимся им обоим человеком, неким Распутиным Г. Е., а во-вторых, сумел с помощью присутствовавшего там же принца Ольденбургского заиметь один из «Руссо-Балтов» с двигателем Кегресса из царского гаража. За что, впрочем, пришлось уплатить полную стоимость авто. Зато теперь в Институте есть как минимум одна всепогодная единица техники с относительно повышенной проходимостью. Жаль, что для моих броников эта идея, к сожалению, не применима. Гусянка резиновая, и вращение от ведущего колеса-барабана передается исключительно за счет силы трения.

— Отличная, на мой взгляд, вещица. — Петр Всеславович, пытаюсь перекричать двигатель, затевает разговор и нахваливает автомобиль. — Мы теперь всех важных персон на нем встречаем. Не хотите такие в батальон, Денис Анатольевич?

— Скорее всего — нет. Осколки, колючая проволока, от резины моментально останутся лохмотья. Да и движок слабоват, броню не поставить, — пытаюсь добавить ложку дегтя в бочку меда. — Покататься по бездорожью, это — да, а в бой на нем сунуться — изощренная форма суицида.

— Ну, тогда, как приедем, поговорите с Иваном Петровичем насчет тракторов. Какой-то полковник купил на свои кровные трактор и взял его бронировать... А нам пока и этого красавца за глаза хватает. Оп-ля! — ротмистр смеется и старается удержать равновесие в наклонившемся при

наезде на большой сугроб пепелаце. – Как в детстве на санках с горки!..

– На дороге никто не шалит? – Ловлю себя на мысли, что непроизвольно пытаюсь отслеживать места, удобные для засад. – Места здесь глухие...

– Глухие, но спокойные. В доброй половине деревень живут староверы. Народ своеобразный, нелюдимый, но не безобразничают. Пытались наладить с ними контакт, тем более что наш купец-меценат тоже старовер, кое-какие успехи уже есть. А так один раз какие-то залётные попытались напасть с целью грабежа, но очень неудачно... Ну, сейчас последний поворот, и приехали. Остальные новости вам Иван Петрович расскажет...

Обещанный разговор не заставляет себя долго ждать. Сразу после обеда все собираются в кабинете Павлова.

– Прежде, чем я займу ваше внимание, господа, может быть, кто-нибудь хочет поделиться последними новостями? – Иван Петрович вопросительно смотрит на меня. – Как там у вас дела, Денис Анатольевич?

– Ну, про боевые действия Федор Артурович наверняка вам уже все рассказал.

Келлер при этих словах согласно кивает головой.

– А так... Занимаемся боевой подготовкой, тренируем «варягов», командированных Петром Всеславовичем. Готовимся к летней кампании, осваиваем трофейную артиллерию и броневики.

– Кстати о броневиках. Некий полковник Гулькевич купил в САСШ гусеничный трактор и сейчас бронирует и вооружает его на Путиловском. Может быть, и нам стоит подумать над этим вопросом? Стоят они недёшево, по пять тысяч долларов, но всё же два-три экземпляра мы можем себе позволить.

– И когда эти экземпляры придут? Через пару лет? – Что-то абсолютно не хочется мне утопизмом заниматься. – Какой в этом смысл?

– Я думаю, что быстрее. Компания называется, кажется, «Алис-Челмерс», раньше занималась выпуском сельскохозяйственного оборудования. Что, кстати, нам в будущем пригодится. Сейчас дела у них идут ни шатко, ни валко, ухватятся за любую возможность заработать. Составить жёсткий контракт, выписать инженеров и монтажников сюда. А в перспективе сборочное производство превратить в полномасштабный завод. В общем, посмотрите бумаги, что мне прислали, а там решим, стоит ли овчинка выделки, или нет, – Павлов перестаёт строить прожекты и меняет тему: – Но меня сейчас больше заботит другое... Денис Анатольевич, как у вас дела на личном фронте? Как здоровье вашей

дражайшей супруги?..

Ага, генерал уже успел настучать! Хотя и так было понятно, что шила в мешке не утаить. И что, теперь мне лекцию будете читать о правильном пользовании резиновыми изделиями? В конце концов, кому какое дело? Буду я ещё, как сопливый мальчишка, перед родителями оправдываться! Щас-с!..

– Я думаю, вы все, господа, знаете, что после того, как люди женятся, у них вскоре появляются дети. Вот и мы в семье ожидаем молодое пополнение призыва «осень 1916». Единственная проблема в том, что пока не придумал, как обеспечить жене безопасность в Гомеле, потому как она очень хочет домой, к маме. И, согласитесь, в данном случае причина очень уважительная.

– А не хотите ее в Институте поселить под постоянное наблюдение врачей? Мы бы всевозможные обследования провели, контролировали бы, так сказать, весь процесс. Все-таки два человека с разных времен... – Взгляд у академика становится мечтательно задумчивым. Не знаю, как сейчас, а раньше, когда у майора Теслы в глазах появлялось что-то похожее, надо было держаться от него подальше и ожидать сюрпризов, и по большей части – неприятных.

– Иван Петрович! Я вас очень прошу, не надо даже думать о том, что мои жена и ребенок станут объектами каких-нибудь исследований! Не в обиду Петру Всеславовичу, но если что... Мне не то что батальона, роты не понадобится! Я свой первый состав свистну, и мы ваше Берендеево царство по бревнышку раскатаем! Без единого выстрела!.. В качестве напоминания, что моё тело родилось и выросло в этом времени!..

– М-да... «Гарачы, гарачы, сафсэм бэлы!»... – Павлов, улыбаясь, цитирует Этуша из «Кавказской пленницы». – Хорошо, что у вас есть люди, которые, не раздумывая, пойдут за вами в огонь и воду. К этому вопросу мы еще вернемся... Никто и не собирался использовать ваших близких в качестве подопытных кроликов. А насчет «раскатать по бревнышку», то это будет не так просто, как кажется. Давайте прервемся на несколько минут, наш геройский штабс-капитан сходит на перекур с Петром Всеславовичем и успокоится, а я распоряжусь насчет чая...

– Зря вы так, Денис Анатольевич. – Выпустив облачко дыма, Воронцов укоризненно смотрит на меня. – Иван Петрович не тот человек, чтобы...

– Да знаю я, просто сорвался... Нервы... На боевых выходах не психую, а тут вот – сами понимаете...

– Да, понимаю... Кстати, если он предложит вам лично... некий эксперимент, попробуйте. Ничего опасного в том нет, но на своем опыте...

Впрочем, не буду ничего говорить, сами поймете.

– Заинтриговали, Петр Всеславович. Уже согласен. Куда идти и что делать?

– Это потом, после беседы. А что касается вашего вопроса, я могу организовать предписание Гомельскому жандармскому отделению, тем более, там служат несколько наших толковых офицеров. Но это будет оперативное прикрытие. В случае же активных действий... Тут надо подумать. Хотя одна идея у меня есть. Если не ошибаюсь, тот сибиряк, Семён, который остался без руки, достаточно близок с вами? Попробуйте поговорить с ним.

– Но у него же протез!

– Который не помешал, однако, в Рождество утереть нос нашим вохровцам, – улыбается Воронцов. – Мужики повеселиться захотели, устроили соревнования. Подвесили на веревке жестяную кружку и давай по ней стрелять. Призом кулек конфет от Ивана Петровича был, детишек дома порадовать. А тут как раз Семен с Матюшей на выстрелы подоспели, любопытствовать решили. Вот, слово за слово, сибиряк напросился поучаствовать. Да так, что все рты разинули. Кружку раскатали, а он с первого выстрела веревку перебил. Народ в крик, мол, случайность это, а он им предлагает повтор, но уже не на конфеты, а на полуштоф. И со второго раза снова тот же результат. Пришлось им на бутылку скидываться. Нет, у нас в империи, конечно, сухой закон, но в данном случае пришлось закрыть на это глаза для пользы дела.

Кажется, я знаю, откуда у этого сюжета ноги растут. Сам как-то снайперам своим рассказывал про Дерсу Узала, а они на стрельбище после этого тренировались. И небезуспешно.

– А что за Матюшу вы упомянули? Это кто?

– А это к нам по осени парнишка бездомный прибил. Ходил по деревням, христарадничал, да у староверов ведь много не выпросишь. Ну и взяли мы его истопником до весны. Я сам его проверял по своим каналам. Беженец, с родителями от германца уходили, отбились от колонны, напали то ли на бандитов, то ли на дезертиров-мародеров... Родителей убили, он добрался до Москвы. Семёну парень чем-то глянулся, он и пригласил его, сейчас вместе живут...

На этих словах разговор прерывается зычным гласом подошедшего к нам Ивана Петровича, которому мог бы позавидовать дьякон столичного собора:

– Ну, что, грешники, надышались своим табачищем? Прошу к столу, самовар готов!

На столе, рядом с сахарницей, вазочками с вареньем и сдобой, в небольшом туеске горкой высятся грецкие орехи. Иван Петрович радушно наполняет наши стаканы свежесваренным чаем и, окинув сервировку быстрым взглядом, недовольно бурчит:

– А щипцы подать позабыли?.. Денис Анатольевич, сделайте милость, помогите старику, расколите парочку орешков. Вас, Федор Артурович не прошу, вы своей богатырской дланью из камня воду выжмете. Пусть, вон, молодежь поупражняется.

Без всякой задней мысли беру пару орехов и, напрягая все силы, пытаюсь расколоть. Ага, не тут-то было. Получается индейская народная изба типа «фигвам». Закончив наблюдать с некоторой долей сарказма, прикрытого внешним сочувствием, за моими неудачными попытками, академик отбирает у меня орехи.

– Да-с, господин штабс-капитан, а щелкунчика из вас не выйдет, – с этими словами Иван Петрович сжимает кулак и после короткого хруста высыпает на блюдечко месиво из скорлупы и ядрышек. Затем издевательски назидательно произносит:

– Кисть, Денис Анатольевич, нужно укреплять. Да и насчет рукопашки, пожалуй, мне придется с вами немного позаниматься. В молодости, был грех, баловался я русским кулачным боем, покажу несколько ударов. В английском боксе такого не найдете...

Ню-ню, это мы еще будем посмотреть! А насчет фокуса с орехами – действительно надо потренироваться, а потом еще и перейти на разгибание подков и завязывание гвоздей узлом. И зарабатывать этим деньги на ярмарках... Ладно, возвращаемся к вежливому разговору:

– Иван Петрович, прошу великодушно меня простить за мою чрезмерную эмоциональность, но вы же сами понимаете...

– Понимаю, а посему не сержусь. Вот когда Дарья Александровна подарит вам «четыре сыночков и лапочку-дочку», как в известной детской песенке, тогда, к сожалению, будете более выдержаны... Но к делу, господа! Итак, завтра к нам приезжает великий князь Михаил Александрович. Пока, как он думает, с целью лечения язвенной болезни. Но это – наш единственный шанс открыть ему подлинное состояние дел. Поэтому сегодня мы должны определить наши цели, способы и методы преобразований. Мы должны решить, какой мы будем строить будущую Россию и что для этого нам необходимо сделать. Я надеюсь, никто не будет спорить, что империя должна стать великой и могущественной. Настолько, чтобы, как только император надумает чихнуть, тут же выстраивалась длинная очередь из послов, желающих сказать: «Будьте здоровы, ваше

величество!»...

В прошлый раз мы не договорили, теперь, зная, что вам было некогда, я взял на себя смелость подготовить кое-какие материалы. Начнем с сельского хозяйства... По поводу большевистского лозунга «земля – крестьянам». – Павлов открывает на заложенной странице книжку, скорее всего, статистический справочник, лежащий перед ним на столе. – Вот, на первое января тысяча девятьсот пятнадцатого года российские крестьяне имеют в собственности сто шестьдесят четыре миллиона десятин земли, из них половина – единоличники, говоря по-нашему – фермеры.

– Типа кулаки-мироеды? – мимоходом вспоминаю школьные уроки истории.

– Нет, далеко не все. Те, кто решил выйти из общины и получить свой личный надел земли. – Видя наше с Келлером легкое недоумение, Иван Петрович поясняет: – Вы, Денис Анатольевич, вполне могли и не знать об этом, да и Федор Артурович, как я понимаю, всегда думал о других материях, нежели устройство крестьянской жизни. Так что, извините, друзья, за сухой академический слог. Будет скучно, но прошу вас потерпеть. Даже после отмены крепостного права крестьяне продолжают жить общиной. Это что-то вроде наших колхозов, только в лучшем смысле этого слова. На деревенском сходе решаются абсолютно все вопросы. Кому какой кусок земли выделить, кого в рекруты отдать, кто сколько налогов платит, кто на заработки в город поедет, ну и так далее. С одной стороны, вещь полезная, но с другой – тормозит абсолютно все нововведения в агрокультуре. В основном из-за чересполосицы и постоянных переделов земли. Вот, нашел письмо-жалобу одного крестьянина: «Каждый не то делает с землей, что хочет, а то, что говорит мир. У нас заведен порядок: начинать всю работу вместе: пахать, навоз возить, косить, жать. Так что одному не дают какую-то работу сделать... Я посеял бы на своей ниве клевер и пользовался бы им три года, на паровом поле весной, до сеянья ржи, посеял бы вику, потом снял бы и посеял рожь. Исправил бы этим землю и пользовался бы кормом, но прочие не согласны... Крот портит луга, я исправил бы их, а остальные говорят, что им некогда – ладно и так. На низких местах поля нужно прокопать канавы во избежание отмочек, а все говорят: „Наши отцы не копали, и мы не будем”».

Павлов кладет бумажку на стол, делает глоток чая, чтобы промочить горло, затем продолжает:

– Но все наши землепашцы убеждены в том, что у них мало земли. И хотят отобрать ее у других. Смотрим статистику дальше. Офицеры, чиновники, дворяне, короче, все помещики имеют в собственности около

сорока миллионов десятин, купцы – еще одиннадцать миллионов, причем и у первых, и у вторых работы на земле ведутся гораздо лучшим способом. Так, дальше, монастыри – треть миллиона, мещане – четыре миллиона десятин, это их огороды. Даже если отобрать у помещиков и купчин всю землю, прибавка будет очень небольшой, около пятнадцати процентов на одного крестьянина. И при архаичных способах земледелия никакой выгоды не даст. Наоборот, урожаи снизятся, плюс к этому получим огромную напряженность в обществе, а там и до гражданской войны недалеко. Но!.. Остается еще один источник – казенные и кабинетские земли царской фамилии.

– Иван Петрович, вы хотите лишить императора его собственности?! – Келлер аж привстает со своего места, чайная ложечка в руке принимает вид буквы «Зю». – Сразу говорю: я – против! Категорически!..

– Федор Артурович, успокойтесь, ради бога! Никто не собирается грабить государя и его семью, – академик старается успокоить разбуянившегося генерала. – Во-первых, часть этих земель уже была передана Крестьянскому поземельному банку для переселенцев во время столыпинской реформы, а во-вторых, доходами с этих земель пользуются, на мой взгляд, совершенно безосновательно вся дворцовая камарилья великих князей, а это свыше двадцати дармоедов. За очень редким исключением. И которые к тому же состоят в явной или тайной оппозиции к династии, но, тем не менее, получают от казны огромное содержание. В будущем надо будет провести ревизию всех этих земель, и те, что пригодны для сельского хозяйства, передать в Крестьянский банк. Туда же отнести все конфискованные, заложенные и убыточные дворянские поместья. Иными словами, я предлагаю продолжить реформы Столыпина, но на других, гораздо более щадящих крестьянина условиях, сделать ставку именно на простого землепашца. Но вот как убедить их в необходимости выхода из общины, пока не знаю.

– Иван Петрович, у меня даже не предложение, а так, мысли вслух, – в голову приходит тот самый первый разговор с ефрейтором Пашкиным в окопе. – После победоносного окончания войны волей самодержца все эти земли передаются в качестве награды солдатам, завоевавшим эту самую победу. Безвозмездно! Плюс к этому – бесплатный проезд к новому месту жительства и... Ну, не знаю, может быть, освобождение от налогов на пару-тройку лет, чтобы смогли встать на ноги. Причем уравниловки быть не должно. Простой солдат получает, к примеру, пять десятин, имеющий медаль «За храбрость» – семь, у кого на груди Георгиевский крест – десять, ну и так далее. И объявить это как можно быстрее, чтобы был стимул

воевать.

Собеседники несколько секунд переваривают услышанное, затем Келлер бросается в контратаку:

– Денис Анатольевич, а как быть с солдатами из рабочих, мещан, тех, кому не нужна земля? И как поступить с офицерами, которые тоже воевали? Платить денежную компенсацию? Где на всё это взять столько денег, не подскажете?

– В казне, Федор Артурович. Другого варианта я не вижу, – пытаюсь отбиться от генерала. – Понимаю прекрасно, что очень накладно будет, но цель в данном случае оправдывает средства. Решаем, пусть и не сразу, земельный вопрос, получаем поддержку среди крестьянства, имеем имидж «царя-заступника» среди простого народа...

– А если там денег не хватит? – Федор Артурович не унимается.

– Хватит, вполне должно хватить, – Павлов возвращается к разговору. – Тем более что на этот счет есть некоторые мысли. Но об этом – позже. Сейчас переходим к вопросу промышленности. Стратегически важные отрасли однозначно должны быть под контролем государства. Полностью все цепочки, начиная, к примеру, от добычи руды и металлургии вплоть до конечных продуктов в первую очередь в виде проката, рельсов, брони, кораблей, моторов, того же оружия. Химическую отрасль надо создавать практически с нуля, топливно-энергетический комплекс... да все сейчас находится в зачаточном состоянии! Добавлю к этому, что на нашей территории давно и вовсю резвятся иностранцы. Тот же самый Гужон, строивший линию электропередачи к Институту, очень много сил прилагает к организации ползучей экономической экспансии со стороны французского капитала, мне ротмистр Воронцов очень интересную информацию по этому вопросу представил. Братья Нобели, давшие самому самодержцу слово, что не поднимут цены на нефть во время войны, как пацана, обвели его вокруг пальца. Нефть действительно не подорожала, а вот транспортные расходы взлетели аж в четыре раза! Да и наши доморощенные буржуи тоже здорово «помогают» фронту. Путилов, именуемый «российским Круппом», в прошлом году, несмотря на оружейный голод в армии, дал команду на свои заводы работать вполсилы. Дело дошло даже до того, что специально созданная комиссия провела расследование и предложила изъять предприятия в казну...

– И как, что-то из этого получилось? – интересуюсь на всякий случай, вдруг придется встретиться с господином, объяснить ему смысл лозунга «Все для фронта, все для Победы!».

– В тот раз – нет, вмешался то ли Распутин, то ли друзья-масоны, но

конфискацию приостановили. Зато сейчас Путиловские заводы стоят, рабочие бастуют, и, говорят, Путилов сам собирается передать предприятия государству... В общем, говорить можно долго, кратенько подведу итоги. Передать землю крестьянам так, как мы обговорили, создавать ВПК и стратегические отрасли тяжелой промышленности, убрать оттуда и из банковской сферы засилье иностранного капитала. Интенсивно развивать науку с упором на практические достижения. За счет нашего послезнания мы можем сделать гигантский скачок и обогнать остальные страны. Навсегда!.. И ввести автаркию. – Павлов поочередно смотрит на наши непонимающие лица и поясняет: – Это не новое ругательство, Денис Анатольевич. Автаркией обозначают экономику, ориентированную на самоё себя, на развитие без связей с другими странами, либо делающую эти связи минимальными. Это, во-первых, позволит нам спокойно пережить Великую депрессию и прочие прелести в том же духе, а во-вторых, обрести экономическую независимость страны.

– Но все же какие-то внешние связи должны остаться. – Что-то нашего академика опять заносит в необъятные дали чистого разума. – В конце концов, те же станки, двигатели, всякое разное оборудование хотя бы поначалу придется закупать за границей.

– Если нам дадут это все закупить. Хотя, если постараться... – Федор Артурович прерывает свое молчание. – Короче говоря, в конкретику ударяться пока бессмысленно. Главные направления мы обсудили, и, насколько я понимаю, возражений нет. Тогда остается последний вопрос, лично к вам, Денис Анатольевич. Сами же сказали – цель оправдывает средства... Хотели с Иваном Петровичем об этом попозже, ну да ладно. И в сельском хозяйстве, и в промышленности нас ждет ожесточенное противодействие, очень многим перемены придутся не по вкусу. И вот тут у нас позиция слабая. Если действовать по ныне существующим законам, абсолютно ничего не добьемся. Переделывать эти законы – занятие долгое и неблагодарное. Любой закон должен быть одобрен Государственной думой, а кто там заседает – сами знаете. Я уж не вспоминаю про господ революционеров всех мастей, которым не живется спокойно, да и простых преступников-душегубов. Вспомните хотя бы оправдательный приговор Вере Засулич, стрелявшей в Трепова. Поэтому мы думаем, что нужен действенный рычаг воздействия на эту публику. Пусть и не совсем законный или совсем незаконный... Подумайте, прежде чем возражать. Иван Петрович предлагает создать то, что у нас там, в будущем, в России будет называться «Белой стрелой», а в Латинской Америке – эскадронами смерти...

Ну, в принципе, о чем-то подобном я уже думал. Особенно после очередного общения с теми же земгусарами или интендантами. И не скажу, что испытывал при этом какие-то муки совести. Пятая колонна существовать не должна по определению! И чем раньше, тем лучше. Но тут есть нюансы, о которых стоит заранее подумать.

– Что касается лично меня, то я – «за» всеми четырьмя лапами. Но!.. Люди, которые пойдут со мной на акции, должны быть на сто процентов уверены, что делают благое дело и что с ними не поступят, как с убийцами, грабителями, вымогателями и так далее согласно Уложению о наказаниях. Нужно хорошенько продумать юридический аспект. Сейчас не времена Ивана Грозного, чтобы новую опричнину официально устраивать.

– Когда вы пугали одного из полковников Ник Ника, об этом не думали? – Павлов хитро прищурившись, смотрит на меня. – Почему же сейчас такие душевные терзания?

– Потому что тогда взял бы всё на себя и никого бы не сдал. А сейчас им придется работать самостоятельно, одним. И каждый должен быть уверен в том, что его не сольют ни сейчас, ни потом. Вон, Петр Всеславович меня понимает. Это ведь одна из заповедей работы с осведомителями, не так ли?

Воронцов согласно кивает головой и подхватывает идею:

– У нас, если агент работает, как вы говорите «под прикрытием», то на его действия, пусть и противозаконные, внимание далеко не всегда обращают, если он дает результат. То есть уже существуют прецеденты неподсудности. Таким же образом надо поставить дело и с вашими боевыми группами. Жесткий режим секретности, об их существовании должен знать очень узкий круг лиц, пользующихся абсолютным доверием. Ну, а если кто-то попадет в руки полиции, способ связи уже отработан. Любому полицейскому начальнику сказать, чтобы связался с ближайшим отделением корпуса, и передать условную фразу. Хотя, посмотрев на тренировки ваших солдат, Денис Анатольевич, я глубоко сомневаюсь, что кто-то из них попадется.

– Ну, всякое бывает. Может случиться так, что исполнителю самому придется сдаться, чтобы выкрутиться из ситуации. Поэтому механизм должен быть отработан до мелочей... И еще, кто будет заниматься оперативной разработкой? И насколько тщательно? Очень не хотелось бы невинного, как потом выяснится, человека отправить на кладбище или еще куда-нибудь похуже.

– А что может быть хуже? – в голосе Воронцова неприкрыто звучит растерянность и удивление.

– Петр Всеславович, не обращайтесь внимания. Наш штабс-капитан любит иногда вот так пожонглировать словами, – улыбаясь, объясняет Павлов.

– А вариант Канатчиковой дачи или аналогичного заведения вы не рассматриваете, Иван Петрович? – пытаюсь противоречить академику. – И, на мой взгляд, это еще хуже, чем кладбище. На погосте тихо, спокойно, никто не орет, не дерется, друг другу не мешает, санитары со смиренными рубашками не бегают. Как там пелось в песенке?

Там, на кладбище, так спокойненько,
Ни врагов, ни друзей не видать,
Всё культурненько, всё пристойненько,
Исключительная благодать...

– Ну всё, раз Денис Анатольевич начал хохмить, серьезному разговору – конец. – Келлер облегченно оглядывает собравшихся за столом. – И, правда, Иван Петрович, дайте нам хоть вечер на осмысление сказанного сегодня.

– Хорошо, только еще пару слов о планах на завтра. Оглашаю диспозицию: на вокзал встречать великого князя Михаила Александровича едут генерал Келлер и штабс-капитан Гуров. Вас, господин ротмистр, я прошу остаться на месте. К сожалению, некоторые «господа офицеры, голубые князья» никак не могут избавиться от сословных предрассудков и аллергии к голубым мундирам. Ничего, со временем мы мозги им вправим, а пока не будем резко нарушать традиции. Кстати, Петр Всеславович, вы уже выяснили, кто его сопровождает?..

Глава 16

Семёново жилище нашёл не сразу, он обитал в одном из многочисленных «общежитий» для персонала Института – длинном бревенчатом доме, разделенном внутри на десяток комнат с общим коридором. Нахожу нужную общагу, рядом с крыльцом какой-то паренек в затертой телогрейке пытается с помощью маленького топорика наделать кучу щепы из небольшой чурочки.

– Хозяин, не подскажешь, где тут Семена Игнатова найти?

– Дядь Сёму? Так нету его. – Хлопчик отрывается от своего занятия и внимательно оглядывает меня с ног до головы. – Он на обход пошедши... А вы ему кто будете, вашбродь? Новый начальник?

– Нет, просто старый знакомый, вот, заехал по случаю, хотел повидаться.

– Так пойдемте в дом, чего на улице мерзнуть?

Юный дровосек собирает щепки в охапку и идет внутрь, показывая дорогу. Несколько шагов по полутёмному коридору, и захожу в небольшую, чисто прибранную комнату. Две по-солдатски аккуратно заправленные кровати, стол у окна со стоящей посередине керосиновой лампой, пара табуреток, небольшой шкаф возле глухой стены, полки с разной утварью, в красном углу – икона.

– Вы садитесь, вашбродь, а я щас котёл гляну и самовар поставлю, дядь Сёма вот-вот возвратиться должен.

Парень, который, скорее всего, – тот самый Матюша, уносится по коридору.

Не торопясь, ещё раз оглядываю комнату. Спартанская простота, ничего лишнего. Электрическая лампочка в простеньком абажуре под чисто выбеленным потолком, на полках какие-то мешочки, жестяная коробка с чаем, горка посуды, накрытая рушником. Возле входа на половичке стоят сапоги и две пары домашних чуней, обрезанных из ношенных валенок. Над ними – вешалка, на которой висит какая-то одежда и старая солдатская шинель. Снимаю свою, вешаю рядом, сверху на полку приспособляю папаху. Тепло, умиротворяюще и совсем по-домашнему пахнет пряными сушеными травками.

Частые шаги в коридоре отвлекают от разглядывания, на пороге появляется давешний тинейджер. Невысокого росточка, худющий, как швабра, тёмные волосы, чуть оттопыренные уши, глаза – пока не разглядел

какие, темновато здесь.

– Ну, давай знакомиться, меня зовут Денис Анатольевич. А ты, как я понимаю, – Матвей?

– Ага... Ух ты!.. Так вы дядь Сёминым командиром были? – Парнишка прилипает глазами к моему «иконостасу», на лице читается уважение пополам с восторгом. – Он про вас рассказывал! Про тое, как вы с ним германца воевали!

– Ну, раз ты про меня все знаешь, тогда Расскажи о себе.

– А чё там рассказывать?.. Сами мы из-под Ковны. Батя шорником был, упряжь, хомуты да всякую кожаную утварь мастерил. – Матвей становится серьёзным, даже вроде как повзрослел парень на глазах. – Как германец наступать начал, решили мы уйтить подалей. Скарб на телегу погрузили да и двинулись с остальными. У мамки моей тут, под Москвой, брательник жил, дядька мой, к нему и собрались. В дороге телега сломалась, мы покуда колесо чинили, одни остались, все вперед ушли. Хорошо, солдаты мимо проходили, подсобили малость... А ближе к ночи из лесу другие солдаты вышли. Стали спрашивать, кто мы да откуда, да не шпиёны ли мы германские. А потом ихний старшой сказал, што обыск учинить надо. Они всё с телеги поскидывали и дербанить начали. Батя смекнул, што разбойники эта, с ножиком на главного ихнего кинулся, да его сзади штыком закололи... И мамку тож, штоб не кричала... – парень на мгновение замолкает, судорожно стиснув челюсти, потом продолжает прежним монотонно-ровным тоном, будто отвечает выученный урок, и только во взгляде проскакивают старательно маскируемые огоньки боли. – Я кинулся ее защитить, а меня – прикладом по башке, да так, што дух вон...

– Извини, Матвей, что душу разбередил. Если не хочешь, не рассказывай.

– Я уже привыкши – столько разов рассказывал... Подобрали меня другие беженцы, с ними и пошел до Минска. А потом где к обозу пристану, где на ешелоне, штоб никто не видел, а так – всё пешком. Добрался до Москвы, пошел по деревням выпрашивать про дядьку сваго. Тока не нашёл. А тут осень началась, дожди, холода. Спасибочки ихнему благородию ротмистру Воронцову, он тут над охраной главный. Разрешил перезимовать, к работе приставил – котлы и печки смотреть, харчевать дал в столовой. А еще говорят, што жандармы – плохие!.. А потом я с дядькой Семёном познакомился. У его-то одной руки нету, так я ему помогал маленько. А он и взял меня к себе жить. Сказал, коль зовешь меня дядькой, так и буду им тебе замест настоящего. А ты племяшом будешь, коль

захочешь. Ну я и согласился. Дядь Сёма-то мужик крепкий, да не всё в доме с одной рукой сделаешь. Вот так теперича и живём с ним... Ой! Про самовар-то позабыл! Я щас, быстро!..

Матюша снова убегает на кухню, а я остаюсь переваривать услышанное. В коридоре снова слышны шаги, на этот раз, кажется, того, кто мне нужен. Открывается дверь, и на пороге появляется Семён. Поднимаюсь с табуретки, делаю несколько шагов вперед и, повинуюсь какому-то внутреннему толчку, стискиваю в объятиях своего бывшего подчиненного.

– Ну, здорово, земляк-сибиряк!

– И тебе поздорову, командир! – тот уже улыбается, оправившись от неожиданности. – К прохвесору в гости приехал, небось?

– Угадал. И к тебе решил заглянуть, посмотреть как ты здесь.

– Да вот, обходчиком служу. Пока зима – через день на лыжи, и вокруг, по лесу. То ротмистр Воронцов мне службу придумал. Ты, говорит, Семён, лесовик-охотник, вот и пробегись, мол, посмотри, как там да что. Нет ли каких следов чужих аль людишек посторонних.

– Ну, мне Петр Всеславович еще рассказал, как ты местную охрану стрелять учил.

Семён вешает тулуп на вешалку, скидывает валенки и остается в телогрейке, солдатских шароварах и чунях, обутых на носки домашней вязки.

– Все подозревает их благородие, што пью, – невесело усмехается Семён. – Да, было одно время, пока культия моя не зажила, по ночам снилось, будто болит она, пальцы аж огнем горят, да так, што сил нету терпеть. Вот тогда сестричка, которая за мной ходила, видя муки мои, дала спиртику раз-другой. А потом и постоянно носила, пока дохтур не прознал. Ох, и выговаривал он ей! Я по-русски так ругаться не умею, как он на своем медицинском языке кричал. Ну, когда повинились да сказал я што, отчего да почему, простил. Сказал, мол, людям и хуже бывает, и не глядят оне в рюмку-то... А ту бутылку, што у наших стрельцов выиграл, на лекарство пустил. Хвою да траву кой-каку настоял на водке, теперь мажу свою кочерыжку, когда к перемене погоды болеть начинается. Зато опять-таки спасибо дохтуру, вона с его помощью каку руку мне сделали!

Семён показывает торчащую из левого рукава железяку. Два металлических пальца-рычага крепятся к поперечине гайками-барашками.

– Тут и ложку зажать можно и, коль развести железки энти, даже ружье держать сподручно. А я того мастера, што протез делал, упросил ешо на одну хитрость. Во, глянь, командир!

Сибиряк оттягивает рукав, у самого крепления протеза откручивает еще одну гайку и, повернув «пальцы» на четверть оборота, вынимает их из втулки. Их место занимает длинный прямой клинок, заточенный с обеих сторон.

– От так вот! Прямо сейчас в бой или в драку. – Семён довольно улыбается и поворачивается к Матвею, притаившемуся пыхтящий самовар. – Вот, Матюша, командир мой в гости пожаловал. Давай-ка, дуй в лавку к Фомичу да возьми там под запись пряников, што ль, каких к чаю.

– погоди, Матвей, – протягиваю парню рубль, игнорируя пытающегося возразить сибиряка. – Вот сейчас дядьку не слушай. Я поглавней его буду. Возьми в лавке пряников да конфет, что ли. И чтоб без сдачи!

Когда в коридоре затихает топот, задаю сибиряку самый главный вопрос, с которым пришел...

– Дело у меня к тебе, Семён, есть. Личное и очень важное... В общем, жена у меня ребёнка ждет, домой хочет ехать. Только вот опасаясь я, что она там совсем без охраны будет. Тут случайно узнал, оказывается, в большом почёте я у гансов. Аж сто тысяч марок предлагают за мою голову. Вот и думаю, если через неё попытаются меня достать, очень плохо будет. Им-то – само собой, всех паскуд на ленточки распушу! Но вдруг что-нибудь с ней или с дитём случится? Этого я себе не прощу. Вот и хочу попросить, чтобы ты приглядел за ней там... Возьмешься?..

Семён довольно долго молчит, пристально глядя на меня, очевидно, переваривая услышанное.

– Женку с дитём хочешь мне поручить? Самое дорогое?.. Доверяешь, значит?

– Если бы не доверял, не просил бы. Мы с тобой не один день бок о бок повоевали.

– ...Добро, командир, согласный я, да и должок за мной имеется. – Сибиряк отмахивается от меня целой рукой. – Ежли б не ты тогда, не знаю, дошли б мы с Савелием и Платошкой... А и дошли бы. Послали б в какой пехотный полк вшей кормить в окопах да зуботычины от унтеров считать. А так повоевали мы с тобой знатно да, кажись, и еще повоюем... Тока вот одна заковыка есть – Матюшка. Прикипел я к парню-то. Да и он после всех мытарств во мне близкую душу увидел, потянулся... Как я его здесь брошу? Получится, предам мальчика...

– Так и езжайте вместе. Ты там на людях садовника какого или еще кого изображать будешь, а Матвея мой тесть к себе в мастерские, надеюсь, устроит. Денег оставлю, сколько скажешь.

– Не, командир, считай, ты меня снова на службу позвал, а то засиделся я в инвалидах-то... О, а вот и Матюша... Слышь, паря, нам работу важную предлагают – барышню одну охранять да дитё, когда народится... – Семён оставляет мальчишку вникать в смысл сказанного и обращается ко мне. – Я ж его бою учить начал, как ты нас гонял. Кое-чего уже могёт.

– Так и учи дальше. Там, я думаю, у тебя еще один ученик найдется, жены младший брат. Вот обоих и гоняй, да и им сподручней будет... Если договорились, тогда возьми для начала, – кладу на стол полсотни. – Бери и не возражай! А то по шее настучу!

– Не, командир, тебе под руку попадаться – трижды дураком надо быть, – сибиряк убирает деньги со стола.

– Дядь Сём, а почему трижды? – встревает в разговор любопытный Матвей.

– Потому. Первый – за то, что на глаза попался, второй – за то, что проскочить мимо не сумел, ну, а третий – за то, что вовремя не увернулся... И еще просьба к тебе, командир, великая. Возьми нас на пару дней в батальон, с друзьями повидаться...

Глава 17

Долго посидеть в гостях не получилось, вскоре прибежал посыльный от Петра Всеславовича, один из вохровцев свободной смены, и передал настоятельную просьбу ротмистра снова явиться в кабинет к Павлову. Пришлось быстренько допить чай и, пообещав Семёну зайти завтра, шагать обратно к академику. И чего ему там еще понадобилось? Вроде решили перенести все серьезные вопросы на завтра...

Когда я вошел, Иван Петрович что-то негромко обсуждал с Воронцовым. Завидев меня, машет рукой, типа присоединяйся.

– Извините, Денис Анатольевич, что оторвали от дел. Тут адмирал Эссен ответил на мою депешу, вот только что получил. – Академик, хитро поглядывая на меня, начинает рассказывать. – Николай Оттович лечился у нас от крупозного воспаления легких и при отъезде, в знак признательности, оставил свой адрес и просил обращаться к нему безо всякого сомнения, буде возникнет в том нужда. Недавно я попросил его узнать, где служит один офицер, и сегодня мне пришел ответ... Вам никогда не встречалось имя – Павел Алексеевич Воронов?

Ну, вы и вопросыки задаете, господин академик! Пытаюсь покопаться в памяти, но ничего даже отдаленно похожего не могу вспомнить.

– И кто же этот таинственный незнакомец? – сдаюсь на милость победителя. – Я его должен знать? Если да, то – почему?

– Знать – нет, а вот слышать о нем вполне могли. Хотя... Ладно, мне как-то встречалась еще ТОГДА... – Павлов интонацией выделяет наше прошлое-будущее, – то ли статья, то ли передача... В общем, слушайте. Лейтенант Воронов – это один из офицеров экипажа царской яхты «Штандарт». Я о нём вспомнил из-за вашего батальона...

Так, у меня такое впечатление, что переработался академик, заговариваться начал! Где я с батальоном, а где Российский Императорский флот?.. И вообще, я только с кайзеровским пароходом воевал, больше никаких посуды и в глаза не видел.

– ...Денис Анатольевич, дослушайте до конца, а потом сделайте такое скорбное выражение лица. Ну, немного оговорился, из-за шефа вашего батальона великой княжны Ольги Николаевны. Она, как и её сестры, вела дневник, причем некоторые фрагменты зашифровывала и помимо этого называла кого-то «мое С». Например, Солнце, Счастье, Сокровище... Да мало ли ласковых прозвищ можно придумать. Наши историки докопались

до правды. Сопоставив записи в дневнике с кучей других документов, они пришли к выводу, что это может быть только лейтенант Павел Воронов, вахтенный начальник яхты «Штандарт», которую императорская семья считала вторым домом. Причем, по воспоминаниям и мемуарам придворных, он тоже симпатизировал Ольге Николаевне. Возможно, это стало слишком заметно, и император с супругой разрешили эту ситуацию несколько жестоко по отношению к своей дочери. Воронову было передано, что к его свадьбе с фрейлиной Клейнмихель царская чета отнесется более чем положительно. Что и было исполнено.

М-да, ситуация, однако!.. Если он действительно любил княжну, променять всё на выгодный брак и карьеру?.. А хрен его знает, чужая душа – потёмки. Если бы отказался, отправился бы в какой-нибудь медвежий угол дырявым баркасом командовать до дембеля. И, скорее всего, спился бы там от тоски и безысходности.

– Иван Петрович, к чему это душещипательное повествование? Как я догадываюсь, хотите дать влюбленным сердцам второй шанс? Что для этого нужно сделать? Грохнуть мадам Клейнмихель-Воронову и украсть Ольгу Николаевну, чтобы потом передать с рук на руки новоявленному вдовцу?

– Господин штабс-капитан, хватит валять дурака! Денис Анатольевич, вы с Келлером на фронте в своем котле варитесь и ни о чём, кроме боевых действий, не думаете. – Павлов каким-то усталым движением потирает лоб, будто пытаясь снять невидимую паутинку. – Нас пока очень мало! И любой человек, ставший на нашу сторону, будет на вес золота. Поэтому я и просил адмирала найти этого Воронова. И через свои связи прикомандировать его к вам. И ведь как удачно все сложилось! С началом войны из состава Гвардейского экипажа было организовано два батальона. Сначала их определили в Ивангород и Ново-Георгиевск, затем перебросили на Черное море готовиться к десанту на Босфор, а после отмены операции перекинули под Псков, где они в данный момент и стоят в резерве. Лейтенант Воронов там, служит младшим офицером первой роты второго батальона. Учитывая то, что они являются прообразом морской пехоты и должны ознакомиться с новыми приемами ведения боя, где-то на следующей неделе он получит предписание отобрать десять нижних чинов и прибыть в Минск в распоряжение капитана Бойко. А дальше уже вам карты в руки. Присматривайтесь, разговаривайте, прощупывайте на предмет пригодности к нашему делу.

Еще одна проблема на мою голову!.. Хотя, если и вправду остались нежные чувства у княжны и лейтенанта... Она – шеф нашего батальона, он

неровно дышит в ее сторону и будет лично ей предан... А под рукой у него будет пусть и небольшая, но прошедшая у нас обучение команда...

– Хорошо, с доводами согласен. Будем работать, учить и воспитывать.

– Вот и хорошо. Хотя Петр Всеславович и не очень поддерживает данную идею. – Павлов поворачивается к Воронцову. – И даже имеет некоторые аргументы в свою пользу.

– Нет, Иван Петрович, я не против идеи, но если все так, как вы сказали, есть ли у них будущее? Она – первая невеста России, он уже женат... Даже если они... У этой пары нет перспектив. Брак будет морганатическим, от Ольги Николаевны отвернется весь высший свет, она станет просто частным лицом.

– Ну, её-то тётка, великая княгиня Ольга Александровна, после своего развода с принцем Ольденбургским этим обстоятельством, похоже, ничуть не заморачивается, будучи в счастливом общении с простым гвардейским полковником Куликовским, – парирует академик. – И императорская семья от нее не отвернулась. Насколько я знаю, с племянницами у княгини очень хорошие отношения.

– А насчет будущего, положения в свете и прочей ерунды... – вставляю свои три копейки в спор. – В одном замечательном произведении за авторством некого господина Ильфа один из героев, Яшка Анисфельд, говорит римскому легату: «Это мы ещё посмотрим, кто кого распнет!» Если кто там... кажется, император Александр Первый издал Манифест о запрете неравнородных браков, то император Михаил Второй вполне может эту всю устаревшую ерунду отменить. Согласно веяниям времени.

– Вы так уверены в успехе, Денис Анатольевич? – ротмистр с интересом смотрит на меня. – Сомнения не гложут?

– Всего уже изложили. А насчет уверенности – «Надейся на лучшее, готовься к худшему». Вот я и надеюсь, и готовлюсь. И батальон свой готовлю. А Федор Артурович, скорее всего, то же самое с корпусом делает.

– Хорошо, оставим этот вопрос пока открытым. – Петру Всеславовичу, похоже, надоело впустую препираться, и он меняет тему. – Мне сегодня от коллег интересная телеграмма пришла. Со мной связались наши «дружинники» из Петроградского отделения. Несколько дней назад к ним пришел некий молодой человек, назвавшийся подпоручиком Бобровским. Заявил, что попал в плен к германцам полгода назад. В лагерь, где он содержался, приезжал какой-то важный чин в штатском, но, по его словам, – с военной выправкой. Господин искал кого-нибудь из раненых офицеров, награжденных орденом Святого Георгия. Ну, а так как сам Бобровский попал в плен раненым, да и не скрывал факта своего

кавалерства, он был первым в списке. Господин представился герром Шульцем и в разговоре тет-а-тет предложил подпоручику выполнить деликатное поручение.

Ему было предложено отправиться домой, в Россию, дав слово офицера не участвовать в боевых действиях, что, впрочем, было абсолютно лишним, так как хромота все равно не позволила бы ему вернуться в строй. Прибыв, он должен был явиться в жандармское управление и рассказать все без утайки, а также передать, что германское командование в скором будущем отправит энное количество раненых русских солдат и унтер-офицеров, имеющих честь быть Георгиевскими кавалерами, в Швецию, где их и должны будут передать представителям Русского общества Красного Креста. Причем именно передать, а не обменять на германских военнопленных.

– Ага, этакий жест доброй воли. Что-то мне не верится в такое благородство, особенно после того, как стало известно об условиях содержания наших пленных в Германии. Я – не Лакоон, но «Бойтесь данайцев, дары приносящих». Очень смахивает на инфильтрацию диверсионной или террористической группы, – пытаюсь рассуждать вслух, видя заинтересованные взгляды Воронцова и академика. – И то, что все они будут Георгиевскими кавалерами, меня не смущает. В революции некоторые кавалеры тоже хорошо отметились. А если задачей стоит, к примеру, теракт против государя или членов его семьи...

– Да, согласен, предложение странное. – Петр Всеславович задумчиво почесывает кончик носа. – Но ведь могут быть и другие объяснения. Вспомните, Денис Анатольевич, нечто подобное уже проделывал Наполеон Бонапарт.

– Вы имеете в виду возвращение пленных? С обмундированием за счет французской казны и возвращением оружия? Ну, может быть и так... Только цифры сильно разнятся. Шесть тысяч человек в тысяча восьмисотом году и двадцать – тридцать в девятьсот шестнадцатом.

– Ну, так и Вильгельм – отнюдь не Наполеон, – улыбается в ответ Павлов.

– Не скажите, Иван Петрович. – Воронцов всё еще пребывает в задумчивости. – Мне кажется, что инициатива идет не от самого императора Германии. Вильгельм по своей натуре тщеславен и отправил бы гораздо большее количество пленных да еще и раструбил бы об этом рыцарском поступке на весь мир. Тут, похоже, действует кто-то из его ближайшего окружения, обладающий достаточно большой властью, но тайне от сюзерена. Или по его негласному указанию.

– Что-то типа разведки боем? Зондируют обстановку? – Павлова заинтересовала эта мысль. – С какой целью?.. Сепаратный мир?

– Или перемирие, замаскированное имитацией боевых действий. – Похоже, начинается мозговой штурм, все трое думаем в одном направлении. – Только наблюдатели от наших союзников молчать не будут. Их этот спектакль не устроит. И что тогда? Будут требовать решительных, но неподготовленных наступлений?

– Скорее всего – да. И шантажировать военными поставками, – соглашается Петр Всеславович.

– Интересно, а эти союзнички отсиживаются по штабам или хоть изредка выезжают на передний край? – Мечтательно прикрываю глаза. – Это я к тому, что было бы неплохо им на фугасе подорваться или под обстрел какой-нибудь попасть.

– Они, если и выезжают, то с сопровождением.

– Ну, это не страшно, помимо одного англичанина погибнет еще несколько штабных хвостозаносителей, уже давно получивших свои тридцать сребреников.

– Ну что, Иван Петрович, идея насчет этих... эскадронов смерти была ваша с генералом? Она уже действует, – Воронцов язвительно улыбается Павлову, затем обращается ко мне: – А с простыми конвойными как быть? Тоже – в могилу?

– Нет, конечно! Бойцы-то тут при чем? Да и убивать никого не надо... Было бы где-нибудь место хорошее, чтобы поддержать их там, поговорить вдумчиво без спешки и суеты, они бы просто пропадали без вести.

Ротмистр с академиком многозначительно переглядываются, затем Павлов, довольный улыбаясь, выдает очередную маленькую сенсацию:

– Денис Анатольевич, а ведь есть такое место. Даже – два. Первое – у вас в батальоне, в качестве перевалочного пункта. Вспомните, как вы над шпионами прикалывались. А второе – здесь, в Институте. Могу даже показать, если не боитесь.

– Заодно поучаствуете в эксперименте, о котором я вам говорил, – добавляет Петр Всеславович, улыбка которого мне почему-то совсем не нравится...

Глава 18

Оказывается, Институт за последнее время разросся и превратился в маленький закрытый городок. Нам пришлось даже минут десять ехать на дежурном авто и за это время миновать аж два КПП, прежде чем остановиться перед длинным бревенчатым двухэтажным домом, стоявшим, тем не менее, на мощном бетонном фундаменте.

Пижоните-с, господин академик, даже подвальный этаж сделали!

Заходим внутрь, минуя очередного вохровца, дежурящего сразу за вторыми дверями, и сразу же спускаемся по лестнице в нижний уровень. Пол, покрытый непривычно пружинящим линолеумом, обшитые сосновыми досками стены, неяркие лампочки в плафонах под потолком... Непонятен только полёт мысли того прораба, который отливал этот фундамент. Прямо лабиринт какой-то, да еще с поворотами под самыми невероятными углами и в самых неожиданных местах. Наконец-то выходим в короткий, относительно прямой коридорчик с тремя дверями.

– Прошу, Денис Анатольевич.

Павлов открывает оказавшуюся неожиданно толстой дверь и вместе с Воронцовым проходит внутрь, приглашая следовать за ними.

– Как вам интерьер? Ничего не напоминает?

Захожу внутрь и осматриваюсь. Мрачновато-казенное помещение, чем-то напоминающее гауптвахту. Крашеные в синий цвет стены, тускленькая лампочка, забранная мелкой решеткой, заправленная по всем правилам солдатская койка, табуретка рядом с тумбочкой. Слева от входа в углу жестяная раковина с водопроводным краном, под ней – ведро с крышкой. Нет, однозначно – кича. Или камера предварительного заключения... На мгновение проскальзывает подленькая мыслишка, что вот сейчас запрут здесь господина штабс-капитана и... А что «и»? Если уж не верить Тесле, то не верить никому! Да и на свободе я нужнее, тем более что разногласий у нас никаких нет. Но червячок сомнения шевелится... или это обстановка навевает? И не только обстановка!..

– Суть эксперимента такова. Вы должны побыть в этой комнате в одиночестве пятнадцать минут, после чего выйти и рассказать нам свои ощущения. Если почувствуете себя не очень хорошо, нажмите вот эту кнопку, – академик показывает на стену и продолжает серьезным тоном излагать правила: – Для вашей же безопасности прошу отдать оружие Петру Всеславовичу.

За мгновение все сомнения и мысли о подставе снова прокручиваются в голове... Нет, играть, так по-взрослому! Расстегиваю «сбрую» и отдаю шашку и кобуру с люгером вместе с ремнями Воронцову, который, видимо, поняв мое состояние, пытается ободряюще улыбнуться.

– Обыскивать будете, Иван Петрович? – развожу руки и делаю вид, что пытаюсь встать к стене.

– Денис!.. Анатольевич... – Павлов пытается что-нибудь сказать, желая скрыть свою неловкость. – Давайте поговорим через пятнадцать минут.

Дверь закрывается, и я остаюсь в одиночестве и тишине с головой, полной сумбурных мыслей. Наверное, все-таки правильно говорят, что хуже опасности только неизвестность. Заваливаюсь на койку и еще раз обвожу взглядом помещение. Пока все то же самое, ничего не изменилось... А может, это – просто розыгрыш? Может, академику скучно и он так развлекается? Смотрит сейчас через незаметную дырочку в стене и ждет, когда начну истерить. А вот хренушки вам! Не дождетесь!..

А тишина-то, оказывается, обманчива. Сразу внимания не обратил, но краник-то течет. И водичка капает, негромко брякая по жести раковины. И что-то бряканье это стало вроде чуть громче... Да и атмосфера в камере неумовимо изменилась, стала какой-то недоброй и опасной...

Вдруг как-то внезапно засосало под ложечкой, и по всему телу побежали многочисленные табуны мурашек... Это что еще за х...! Пытаюсь подняться с кровати и валюсь обратно. В голове ощущения такие же, как при прошлогодней контузии!.. В глазах всё расплывается, потолок со стенами пускается в пляс, к горлу подкатывает тошнота... Да что со мной происходит?! Звук падающих капель с каждым ударом становится все громче и громче, я ничего не слышу, кроме этого сводящего с ума тревожно-зловещего ритма!.. Надо встать и закрутить кран до конца... Бл...! Одно движение, и все тело скручивает жуткая судорога, такая, что даже дышать трудно!.. Снова по коже гуляют мурашки, к горлу подкатывает ужасная тошнота... Пытаюсь повернуться, и этого становится достаточно, чтобы содержимое желудка оказалось на полу... Да мать вашу, бл...!! Надо что-то делать!.. Что?! Стиснуть зубы и сжать кулаки!.. А-а-а!.. С-с-у-у-к-а!.. Не получается!.. Малейшее напряжение мышц вызывает судороги, по лицу текут горячие, как кипятки, слезы, во рту – страшная сухость, дышать очень трудно... Единственная поза, в которой становится легче, – свернуться калачиком и обхватить колени руками... Тогда судороги немного утихают... Но появляется нарастающая боль в голове... Как будто кто-то, не торопясь и получая от этого наслаждение, вкручивает в затылок,

в виски, в темя гигантские штопоры...

Капель в рукомойнике уже гремит на всю камеру, многократным эхом отражаясь внутри черепа!.. Это – не вода. Это – набат, звонящий на весь мир о торжестве Зла и Смерти!.. И каждый удар адского колокола бьет по нервам, заставляет втянуть голову в плечи и по-щенячьи скулить от ужаса и невообразимой боли в голове!.. А это что?.. Сквозь слёзы вижу на стене огромный красный глаз, с диким торжеством смотрящий на мои муки... Нет!.. Никто не увидит, как мне хреново!.. Из последних сил бью рукой по кошмарному зрачку, пылающему злобой и наслаждением моей болью... Рука соскальзывает с выпуклого нароста, не причинив ему никакого вреда и бессильно скользит по стене... Сзади раздается грохот, заставляющий от страха сжаться в комок и замереть, застыть, превратиться в маленькую песчинку, чтобы никто не заметил!.. Нет, не получилось!.. У-у-й-й-й!.. Что-то жестокое и беспощадное подхватывает меня и бросает в бесконечную темноту...

* * *

Все-таки китайцы правы, Инь и Янь существуют и неразрывно связаны между собой. Тело, только что побывавшее в экскурсии по преддвериям ада, теперь каждой клеточкой ощущает райское блаженство и покой... Голова почти в порядке, осталось только ноюще-саднящее послеболеие в затылке и почти физическое ощущение, как в мозгу шевелятся мысли. В онемевшей правой руке чувствуется слабая, как комариный укус, боль, потом помимо воли какая-то сила сгибает ее в локте, по телу разливается живительный поток бодрости, внезапно становятся слышны чьи-то голоса, какой-то стеклянный звон. Открываю глаза, пытаюсь проморгаться, вижу очертания знакомого кабинета и прямо перед собой две размытые фигуры, которые через несколько секунд превращаются в Воронцова и Павлова. Лицо у ротмистра очень встревоженное, а Иван Петрович... Академик представляет собой незабываемое зрелище! Наверное, никто еще не видел великого ученого, лауреата Нобелевской премии и т. д. и т. п. белого, как мел, и в состоянии тихой паники...

– Денис, ты меня слышишь?..

С трудом ворочая языком, выдавливаю невнятное «да». Павлов подносит к моему рту стакан, пару раз глотаю холодную и вкусную воду. Постепенно прихожу в себя, только во всем теле ощущается непонятная

вибрирующая слабость... Ничего, посижу еще несколько минут, а потом... устрою вам эксперименты! А пока побеседуем...

– Шчф... Тьфу-ф-ф... Что это было?

– Это моя... в смысле, наша последняя разработка. Инфразвуковой излучатель... Денис, ну прости старого идиота!.. Я и предположить не мог!.. Вон, Петр Всеславович тоже прошел через это, но у него была не такая бурная реакция... Наверное, последствия контузии... – академик пытается виновато оправдываться.

– Сф... Спасибо за развлечение... И за сюрприз... Будете у нас в батальоне, я тоже пару нежданчиков приготовлю, готовьтесь, товарищ майор!

– Ну, все, старлей... ну, извини!..

– Я давно подозревал, что «гений» и «маньяк» – суть синонимы. Вы, господин академик, только что это доказали!.. Ладно, проехали. И сколько вы там подопытных обезьянок извели?.. Или на людях тренировались? И где потом закапывали?

– Да иди ты!.. На себе испытывал! И частотные режимы тоже на себе обкатывал!.. Потом только Петру Всеславовичу предложил. Так что, включая тебя, испытателей всего трое... Коньяку хочешь?

– Водки! Штоф!.. Нет, половину! Под хорошую закусь! Немедленно!.. А пока буду получать удовольствие, вы мне будете рассказывать что это за хрень и с чем ее едят, в смысле как используют.

Павлов нажимает кнопку звонка на столе и дает указания мгновенно появившемуся секретарю, который также мгновенно исчезает и тут же появляется с сервировочным столиком на колесиках. Прямо Шумахер какой-то! Или все было приготовлено заранее... Академик тем временем достаёт из «гостевого» буфетика бутылку водки и из собственных ручек изволит налить рюмку.

– Петр Всеславович, милости прошу к нашему шалашу. Присоединяйтесь! – жестом радушного хозяина обвожу рукой накрытую «поляну». – А пока мы будем радоваться жизни, Иван Петрович прочтет тупому окопнику лекцию. Только, пожалуйста, без всяких научных непоняток типа писиолух... как там его... а, «физиологические особенности высшей нервной деятельности, происходящей в коре головного мозга».

– Ну, понеслось... Раз начинается трёп, значит, оклемался, – облегченно вздыхает Павлов. – Хорошо, слушай...те, господин штабс-капитан. С волновой теорией вы уже знакомы, Петру Всеславовичу я уже все это объяснял, так что буду краток. Впервые на человеке действие

инфразвука опробовал американец Роберт Вуд. Когда знакомый режиссер попросил его усилить какое-то там действие в театре, он использовал трубу наподобие органной, но работающей в инфразвуковом диапазоне. Эффект превзошел все ожидания, актёры в панике разбежались из театра, прохожие на улице последовали их примеру, несколько стекол вылетели из рам... Я повторил эксперимент в специально отстроенной для этого лаборатории. Вы же сами видели ломаный коридор-лабиринт. Он призван гасить паразитные колебания, да и всё, что можно, там покрыто звукоизоляцией. Потом стал менять частоты и нашел интересный эффект. Например, при семи Герцах у человека способность умственно работать пропадает напрочь. На себе проверил, не мог вспомнить таблицу умножения и решить простейшие арифметические примеры. А при усилении появляется жуткая головная боль...

В общем, опытным путем найдены частоты, влияющие на каждый орган, плюс к тому же в полосе от семи до тринадцати Герц находится так называемая «волна страха», когда человек впадает в панический ужас безо всяких к тому явных причин. Когда-то читал в «Технике молодежи» о так называемом «голосе моря» – вот примерно это он и есть.

– Так вы, господин академик, изобрели, получается, новое оружие? Типа, нелетального действия? – Изображаю бурные и продолжительные аплодисменты. – Я восхищен! Когда можно будет попользоваться?.. Извините, Иван Петрович, видно, остаточные явления. Защитная реакция.

– Ничего, я к вашим выходкам уже привык. – Академик машет рукой на мои оправдания и продолжает: – Насчет попользоваться – не всё так просто. Из-за длины волны инфразвук трудно гасить, поэтому с диаграммой направленности придется еще долго работать, убирать паразитическое излучение. А насчет нелетального – это вы, Денис Анатольевич, поторопились. Стоит увеличить амплитуду, и можно, например, остановить сердце, вызвать инсульт, не говоря уже о разрывах внутренних органов. Экспериментально не проверял, предупреждаю сразу!.. Кстати, как говорится, «из достоверных источников», не подтвержденных, правда, даже косвенными доказательствами, германцы тоже работают в этом направлении. Но, учитывая, что интерференция, дифракция и разложение по гармоникам для них еще тёмный лес, результатом они похвалятся не скоро. А мы параллельно разрабатываем стационарный и мобильный излучатель. Первый вы на себе уже опробовали, а второй, скорее всего, появится... ну, где-то через полгода...

Глава 19

Великий князь Михаил Александрович Романов – младший брат императора Всероссийского, оставшись один, невидящим взглядом смотрел в полумрак, который воцарился в купе, и привычно ждал, когда стихнет очередной приступ боли. Мягкий диван был менее привычен, чем жесткая койка в Гатчинском дворце или в домишках прифронтовой зоны, но зато позволял смягчить толчки, которые неизбежны при путешествиях по железным дорогам. Только узкий круг близких людей знал, что он, здоровяк и весельчак, великолепный гимнаст и человек, обладающий недюжинной физической силой, страдает от язвы желудка. Коварная болезнь, незаметно подкрадываясь в далеком тысяча девятьсот шестом году, вот уже десять лет не оставляла его в покое.

Медицинские светила из Вены, лучшие курорты Италии, казалось, смогли победить недуг, но вот совсем недавно приступы боли снова стали накатываться волна за волной. Перед сдачей командования Дикой дивизии и назначении на корпус Михаилу Александровичу пришлось подвергнуться консилиуму трёх врачей, которые единодушно рекомендовали своему высокопоставленному пациенту длительное лечение на Черноморском побережье. Крым или Кавказ – выбор оставался за ним. И в качестве резюме прозвучало: «И самое главное, ваше императорское высочество, постарайтесь не переживать, ибо в расстроенной нервной системе кроются причины вашего недуга».

«Легко им советовать, – думал великий князь, – для них, как будто, не существует войны. А нервы – как их беречь, если родной брат, поддавшись на оговоры супруги и фрейлины Вырубовой, видит во мне угрозу если не своему царствованию, то правлению цесаревича Алексея – точно. И этот «святой старец» – будь он не ладен. Не забыл Распутин, как великокняжеский кулак прошелся по его физиономии, затаил злобу и готовит месть. Как ядовитая змея, каплю за каплей источает отраву, пытаюсь очернить любые мои поступки в глазах Николая. Даже отчаянность в бою и храбрость, за которую джигиты Дикой дивизии прозвали «Наш Михайло», подавались «старцем Григорием», как стремление обрести своих личных нукеров или янычар, дабы в нужный момент вступить в борьбу за престол. И следят, следят за мной непрестанно. На фронте было легче – враг впереди, рядом настоящие воины, ищейки боятся показаться на передовой, не ровен час, под

шрапнель или под фугас попасть можно, а в тылу – все сложнее.

Вот и сейчас сообщили верные люди, что лично сам товарищ министра МВД Белецкий установил за мной, великим князем, и за моей женой негласное наблюдение, и корреспонденцию тоже, скорее всего, просматривают. И то, что нынче Степан Петрович в отставке, ничего не меняет – на его место пришли другие. Да и адъютант, полковник Николай Александрович Врангель, слышал от офицеров, едущих в этом же вагоне, что «для каких-то штафинок зарезервировано отдельное купе, когда боевым офицерам места не хватает». Да что греха таить, даже любимая Натали несколько потеряла голову, пардон за каламбур, погрузившись с головой в светские интриги столицы. Более того, в её салоне частенько бывают не только фрондирующие аристократы, но и думцы, открыто проповедующие левые взгляды. В придворных кругах её уже обвиняют в измене самодержавию, а она радуется этой скандальной репутации и продолжает играть с огнём...

Как мало тех, кому можно полностью и безоговорочно верить! Многие пытаются использовать свое положение и близость к великому князю для карьеры или для корысти. Казалось бы, верный ординарец барон Лев Львович Жирар де Суконтон – и тот не удержался. За моей спиной, чуть ли не именные рескрипты строчит военному министру, начальнику Главного военно-технического управления и прочим чинам – «На основании данных мне государем-императором полномочий повелеваю Вам» или «предоставления инженеру Братолюбову в личное пользование такого-то автомобиля с шофером Никифоровым». И под всеми этими бумагами, шельма, ставит свою подпись: «ординарец ЕИВВК МА лейт. бар. Л. Л. Жирар де Суконтон». Сегодня вечером Врангель продемонстрировал целую кипу подобных бумаг. И можно не сомневаться, что их копии уже легли на стол его венценосного тезки, как доказательство «наполеоновских планов непредсказуемого Мишкина, признанного любимца покойного Александра Александровича». А лейтенанта де Суконтон пора поставить на место. Этот прохиндей даже поездку своего командира на лечение пытается использовать в своих целях. Прознал, что глава Института академик Павлов новинками военными интересуется, с принцем Ольденбургским дружен, наследника престола лечит, и пытался уговорить меня выбить дополнительные средства на постройку бронеавтомобилей «для истребления вражеских бронемашин». «Замолвите при случае, ваше императорское высочество слово за великого изобретателя Александра Александровича Братолюбова, которого ретрограды из Комиссии по броневым автомобилям пытаются втоптать в грязь. А ещё он обещает

летающую лодку построить и новый греческий огонь против тевтонов изготовить». Обещаний много, а дела мало. Вот и граф Келлер при последней встрече предупреждал о таких прожектерах...»

Тут мысли Михаила Александровича получили иное, более приятно, направление, и на лице появилась улыбка.

«Федор Артурович, вот настоящий рыцарь без страха и упрека, преданный государю и Престолу, – ему можно верить безоговорочно. От его богатырской фигуры всегда веяло уверенностью и силой». Иногда, при общении с Федором Артуровичем, великого князя посещали ощущения, которые он испытывал в детстве в обществе своего отца: чувство, что он находится за гранитной стеной, которая защитит от любой беды. И годы, невзгоды, раны – всё бессильно перед этим витязем. В свои почти шестьдесят лет он сохранил юношескую стройность и выносливость, способность, меняя коней, проскакать за день сотню верст. Да и с дамами, как твердят завистливые языки, у генерала не возникало проблем. Не зря его сравнивали с фельдмаршалом Минихом, который в весьма преклонные годы пользовался любовью юных прелестниц.

Михаил Александрович обычно пропускал эти сплетни мимо ушей, но, увидев генерала после лечения, пройденного в этом таинственном Институте, готов был поклясться, что Федор Артурович помолодел лет на десять. И седины в волосах, коя по известной пословице предсказывает толчки под ребро, стало значительно меньше. Великий князь негромко рассмеялся, припомнив сегодняшний рассказ барона Врангеля о том, как генерал, посрамив молодых солдат и казаков, с карабином за спиной, с шашкой и кинжалом, быстрее всех, поднялся по канату на третий этаж дома, используя только руки...

Было уже поздно, брегет, лежащий на столике, прозвенел полночь. За стенкой соседнего купе давно стихли застольные разговоры адъютанта и ординарца, которые, не стеснённые присутствием непьющего по причине болезни великого князя, отвели душу за бутылкой коньяка. Боль отступила, и её сменил крепкий, спокойный сон, который уже утром был прерван деликатным стуком в дверь и почтительным напоминанием барона Врангеля: «Ваше императорское высочество, просыпайтесь, скоро прибываем».

Сколько нужно кадровому офицеру, тем более прошедшего закалку войной, на сборы? Считанные минуты, тем более, если расторопный денщик уже отполировал бархоткой сапоги и достал из чемодана заранее выглаженный мундир. Пена мыла «малакодерм» покрыла щеки, по которым резво пробежала новомодная на фронте без-опасная бритва фирмы

«Жиллетт». Освежиться тройным одеколоном, причесать щёткой усы, надеть фуражку, накинуть шинель, и можно выходить. Среди небольшой группы встречающих было невозможно не заметить фигуру генерала Келлера, который возвышался над стоящими рядом с ним офицерами, подобно Эйфелевой башне над Марсовым полем. Увидев вышедшего на перрон великого князя, группа встречающих перестроилась. Впереди остался генерал, отстав от него на пару шагов, выстроилась короткая шеренга. Правый фланг возглавил молодой штабс-капитан, а далее четыре прапорщика в кожаных куртках с эмблемами автомобильных войск и маузерами в деревянных кобурах, висящих на боку. Михаил Александрович еще раз мысленно поблагодарил академика Павлова, который настоятельно рекомендовал воспользоваться для поездки вагоном, прицепленным к санитарному эшелону, который прибывал в Москву на небольшой разъезд, игнорируя центральные вокзалы. В противном случае, неизбежно пришлось бы иметь дело с целой делегацией встречающих, которых разрывала бы на части некая двойственность собственного поведения. С одной стороны, нельзя не выказать почтения великому князю и брату императора, а с другой – забыть, что чрезмерная учтивость может быть истолкована превратно при докладе доброжелателями, как говорится, Самому. Политес, будь он не ладен.

Но сейчас, слава богу, перрон был свободен от праздных зевак и вездесущих журналистов. Генерал-майор свиты Романов, на мгновение отстав от Келлера, двинулся ему навстречу. Остановив движением руки попытку рапорта, Михаил Александрович, протягивая руку для приветствия, произнес:

– Ну, полноте, полноте, дорогой Федор Артурович. Учитывая ваши чины и боевые заслуги, это мне впору вам рапортовать. Давайте поприветствуем ваших сопровождающих, и – в путь. А то, не ровен час, набегут делегаты от сословий и прочие – не отобьешься.

Из всех фамилий представляющихся офицеров показалась знакомой только одна: Гуров-Томский. Дети императора Александра III отличались отменной памятью, а шашка с маленьким золотым крестиком ордена Святого Георгия, покрытым белой эмалью на эфесе, замкнула цепочку воспоминаний.

– Господин штабс-капитан, вижу, что ваши раны благополучно зажили, и я рад, что наконец-то имею возможность ещё раз, но уже лично, поблагодарить спасителя свой племянницы. Надеюсь, что по приезде в Институт мы сможем, не торопясь, о многом с вами побеседовать. А сейчас, прошу вас, граф, командуйте, куда нам далее двигаться...

Поскольку требования безопасности перевозки особо важных персон были тщательно разработаны ротмистром Воронцовым с учетом настоятельных рекомендаций тройки попаданцев и, что не менее важно, неукоснительно выполнялись всеми, начиная от шоферов и заканчивая этими самыми персонами, которые, правда, иногда создавали в этом для охраны максимальные трудности, народ быстренько разместился на сиденьях согласно ордеру. Великий князь с адъютантом, генерал Келлер и два прапорщика заняли места в слегка модернизированной «санитарке», в которой уже обосновался денщик, затащивший княжеский багаж. «Тюнинг» заключался в том, что за занавесками, закрывавшими окна, находились бронежалюзи, колеса с цельнолитыми шинами были снабжены цепями и уширительными бандажами, и даже внутри фургона по центру крыши был установлен небольшой перископ с круговым обзором.

На случай ночных поездок автомобиль был оснащен двумя электрическими фарами. Дорогу они освещали великолепно и были способны ослепить водителя встречного транспорта, если бы, конечно, таковой индивидуум попался на ночных дорогах Подмоскovie. Поэтому на всякий случай на щитке перед водителем установили реостат, позволяющий регулировать яркость ламп.

Короче говоря, наш неугомонный академик превратил «санитарку» в своеобразный передвижной стенд для проверки и отработки различных технических новинок, которые в последующем должны будут использоваться в броневиках или на ином «спецтранспорте», могущем потребоваться в процессе борьбы за наше светлое будущее на внешнем или внутреннем фронте. А на мой ехидно подковыристый вопрос, типа, а где же сирена, мигалка и прочие признаки принадлежности к «небожителям», Иван Петрович совершенно серьезно ответил:

– Пока в стадии разработки наряду с иными девайсами, которые вы, милейший Денис Анатольевич, по молодости своей привыкли считать атрибутами исключительно двадцать первого века. А вообще, в перспективе было бы желательно достичь уровня защиты, которым обладает инкассаторский фургон из нашей прошлой жизни...

Всё это я вспоминал, занимая место на заднем сиденье полугусеничного «Руссо-Балта», рядом с достаточно упитанным бароном с погонами лейтенанта и весьма заковыристой фамилией, который оказался ординарцем великого князя. Вся его внешность и поведение прямо-таки

кричали о том, что он является верным адептом эпикурейцев. А «легкий» коньячный аромат, наполнивший салон авто, невзирая на отсутствие стенок и крыши у оногo, окончательно укрепил меня в этом предположении.

Вся наша поездка проходит под аккомпанемент монолога в исполнении этого алкогольного Льва Львовича. Центральное место в монологе занимает великий, но непризнанный изобретатель, некий господин Братолюбов, броневики которого – само совершенство, но не хватает самой малости, право слово, – пустяка. Для полного счастья и победы над тевтонами, оказывается, нужно всего лишь несколько миллионов рублей. И, если господин нобелевский лауреат, академик и профессор Павлов замолвит словечко перед принцем Ольденбургским, а еще лучше перед самим государем-императором, то тогда эти неуязвимые, изрыгающие убийственный пушечно-пулеметный огонь стальные колесницы станут настоящим ужасом для германских войск. И понятно, что люди, имеющие к этому отношение, получают не только моральное удовлетворение, но и... В общем, господин штабс-капитан, компренэ ву, не так ли?..

Выкинуть бы тебя сейчас головушкой в сугробчик придорожный, гешефтмахер... упитанный!.. Не имея никакого желания вступать в дискуссию и в столь важный момент применять насилие, решаю изобразить из себя храброго, но недалекого служаку, у которого фронтовая жизнь резко поменяла психику, а от этого развился устойчивый комплекс поиска врага. Демонстративно расстегнутая кобура с люгером, «Бета», лежащий на коленях, и нахмуренные брови над суровыми глазами, обшаривающие пробегающий перед нами пейзаж, создают необходимый образ. В Можайке говорили: «У офицера при исполнении служебных обязанностей выражение лица должно быть тупым, но решительным». Последний штрих добавляет прапор из охраны, присоединивший кобуру к маузеру, превратив его тем самым в лёгкий карабин. Выполняя, кстати, при этом инструкцию ротмистра Воронцова.

Судя по выражению личика барона де Суконтонa, у него на языке так и вертелось что-то язвительное на тему чрезмерной воинственности за сотни верст от передовой, но моя Георгиевская шашка и медаль «За храбрость», блестящая из-под расстегнутой куртки на груди у прапорщика, все же сдержали горячность лейтенанта, тем более что он кое-что слышал о часах, подаренных великим князем некоему штабс-капитану Гурову, к тому же ставшему теперь еще и Томским.

Открывшаяся очень вовремя панорама Института с его крепостной стеной и башенками полностью овладела вниманием лейтенанта и

позволила прекратить изрядно надоевший нам разговор...

Как выяснилось буквально через пару минут, Павлов приготовил торжественную встречу, ставшую сюрпризом не только для прибывшего венценосного гостя, но и для меня. План сего мероприятия академик, по всей видимости, оговорил только с двумя людьми – начальником службы безопасности ротмистром Воронцовым и генералом Келлером. И никто из этих заговорщиков не счел целесообразным меня проинформировать. То ли по причинам всеобщей загруженности, то ли это было неким педагогическим ходом со стороны Павлова, который деликатно, но настойчиво вправлял мозги после «головокружения от успехов».

Из ворот крепости почти один в один со сценарием еще не снятого великим Гайдаем фильма выдвигаются и разворачиваются в почетном карауле по обе стороны дороги два небольших отряда, причем и конные, и пешие были одеты в стрелецкие кафтаны а-ля Иоанн Грозный. А дальше – вообще!.. Шоу маст гоу он, блин!.. В момент, когда великий князь выходит из машины и вместе с генералом Келлером приближается к столь экзотичным ратникам, за стенами крепости звучит орудийный салют. А-х-х-ренеть!..

А в воротах сей славной и могучей фортеции – возле автомобиля с закрытым обтекаемо каплевидным корпусом – в полном парадном мундире действительного тайного советника и при орденах стоит академик и нобелевский лауреат Иван Петрович Павлов.

– Позвольте приветствовать ваше императорское высочество в нашем Институте. Поверьте, для всех нас большая честь принимать не только представителя царствующей династии, но и боевого офицера, прибывшего к нам прямо с передовой.

– И я очень рад видеть одного из самых известных ученых России, чьи заслуги, однако, известны во всем мире. Но скажите, уважаемый Иван Петрович, кто эти столь живописно обмундированные солдаты?.. Или у вас здесь своя киностудия имеется? Хотя, как вижу, карабины у них вполне современные?

– Киностудия, ваше императорское высочество, у нас имеется. И фильмы потихоньку снимаем, но в данном случае – это наша потешная рота. Все эти молодцы прошли фронт, иные из них – еще на сопках Маньчжурии, имеют медали и кресты, но по причине ран негодны к строевой службе. А у нас они не только охраняют Институт, но и готовят будущих солдат из мальчишек подходящего возраста в нескольких окрестных поселках. Есть такая профессия – Родину защищать, и ею овладевать нужно с детства, как поступали с отроками еще киевские

князя. А для подростков солдаты из потешной роты – дядьки или пестуны. Да и пушечки к месту пришлись – канониров готовим.

Великий князь Михаил, подойдя к строю, приложив руку к фуражке, зычно, почти по-суворовски, обращается к потешным:

– Здравствуйте, господа кавалеры!

В ответ раздается слаженное и громогласное:

– Здравия желаем, ваше императорское высочество!!!

Далее начинает играть оркестр, и под мелодию, которую, как я уже предвидел, Павлов опять-таки, сплагатничал у Гайдая, потешные проходят торжественным маршем.

– Прошу ваше императорское высочество занять место в машине. Этот автомобиль используется для передвижения по территории Института, – академик вновь берет управление празднеством в свои руки и командует, далее уже обращаясь ко мне: – А вы, господин штабс-капитан, тоже присоединяйтесь к нам. Кому как не вам возглавить охрану великого князя в нашем стольном граде...

В результате всех этих инсинуаций занимаю место возле водителя, а Павлов, Михаил Александрович и генерал Келлер, как белые люди, размещаются на диване в заднем отсеке.

Великий князь с любопытством осматривается в этом необычном авто, у которого иллюминаторы заменяют привычные окна, а корпус напоминает вытянутую каплю:

– Иван Петрович, я чувствую себя, как пассажир Наутилуса из романа месье Жюль Верна. Надеюсь, нам не придется погружаться в глубины океана или взлетать в облака, как Робур-Завоеватель?

– Ну-с, океана здесь нет, ваше импера...

– Иван Петрович, мы же не на приеме в Зимнем, – великий князь решительно прерывает академика. – Прошу вас и решительно настаиваю – обращайтесь ко мне по имени-отчеству. Федор Артурович, эта просьба касается также и вас.

– Хорошо, Михаил Александрович. Океана здесь нет, но сходство с Наутилусом имеется. Этот автомобиль, корпус которого изготовлен по проекту инженера Рикотти, так же движется силой электричества. В условиях нашего Института, при наличии рядом электростанции, было бы расточительством использовать бензин, да и не хочется отравлять этот чудесный воздух, который так не похож на то, чем мы дышим в городах. Летом, когда окончательно установится хорошая погода, мы планируем изготовить еще несколько электромобилей и оборудовать велодорожки... Но пора ехать, а чудес у нас, поверьте, не меньше чем у капитана Немо. И

со многими из них вам, Михаил Александрович, предстоит познакомиться одним из первых в империи. И, возможно, три из них, действительно – чудеса света, находятся совсем рядом с вами, но, как говорили древние: «Otium post negotium»^[5]. Денис Анатольевич, вы – старший машины, командуйте.

Откладывая наши внутренние разборки на потом, ибо есть вполне обоснованные подозрения, что инициатива не поставить меня в известность о некоторых нюансах сценария встречи исходила не от генерала и академика, а от разгильдяя ефрейтора и пиджака майора, и по привычке команду водителю:

– Заводи!

Сидящий за рулем вохровец, ехидно улыбнувшись, но отвечая при этом исключительно по уставу: «Слушаюсь, вашбродь», нажимает на педаль, и практически беззвучно, плавно набирая скорость, наш сухопутный «Наутилус» въезжает на территорию Института. Хотя шума всё же хватает. Полугусеничный «Руссо-Балт», в который пересел барон Врангель и санитарка с денщиком и багажом великого князя, успешно громыхает и гудит на разные лады...

Михаила Александровича, его адъютанта и ординарца разместили в том же княжеском тереме, в котором ранее проживал генерал Келлер. Кстати, он и теперь занимал комнату по соседству с номером великого князя.

Глава 20

Последующие два дня пролетели в одно мгновение. Пока гости отдыхали с дороги и проходили углубленную диагностику, в кабинете Павлова мы уже, наверное, в сотый раз, оговаривали ход предстоящей беседы с великим князем. Мы – это наша великолепная тройка попаданцев, ротмистр Воронцов, доктор Голубев и прибывший в качестве артиллерии особой мощности резерва главного командования дивизионный благочинный отец Александр. Правда, перед этим была проведена еще одна блиц-встреча, на которой его высоко– и просто превосходительство, старательно пряча улыбки, «покаялись» в своем розыгрыше и торжественно поклялись впредь согласовывать со мной свои планы, за что были милостиво мною прощены не отходя от... кофейного столика в кабинете.

Определенные наработки по ходу разговора уже были. За основу решили использовать моё раскрытие, которое было сопряжено с использованием святой воды в качестве тестирования тогда еще прапорщика Гурова на предмет возможной связи с нечистой силой. Но помимо апелляции к высшим силам в качестве убойных аргументов решили использовать малоизвестные факты из жизни семьи Романовых конца девятнадцатого – начала двадцатого века, которые удалось вспомнить общими усилиями.

И здесь полностью реабилитировались за свое хулиганство и внесли неоценимый вклад ефрейтор Александров и майор Тимин. Первый, играя когда-то в «Что? Где? Когда?» и обладая отменной памятью, помнил массу исторических фактов из различных источников, начиная от «СПИД-инфо» и заканчивая энциклопедией «Британика». А Тесла, обладая большим жизненным опытом и кругозором, с детства увлекался романами Валентина Пикуля, а начиная с проклинаемого периода «гласности» и до конца девяностых проштудировал, что называется «с карандашом», мемуары великой княгини Ольги Александровны и иных членов семьи Романовых и их близкого окружения. Вначале эти два знатока составили список интересных и даже, говоря современным языком, очень личных фактов, имеющих отношение к Михаилу Александровичу, а затем генерал Келлер, несколько лет бывший в свите его императорского величества и знавший придворный мир с изнанки, и ротмистр Воронцов, имеющий доступ к информации, поступавшей по линии жандармского корпуса, попытались,

используя метод бритвы Оккама, оставить в нем только ту информацию, которую можно было объяснить исключительно послезнанием. Определенную лепту внес и доктор Голубев, ибо в академических и врачебных кругах постоянно циркулирует целое море сплетен и слухов – в особенности о высокопоставленных особах.

Наконец все было готово к решающему разговору. За это время Михаил Александрович успел поверить в возможности Института и даже пройти несколько лечебных процедур, которые несколько улучшили его состояние здоровья. В общем, говоря словами опять-таки одного гайдаевского героя: «Клиент созрел».

Оставалась одна маленькая деталь – необходимость нейтрализовать излишне любопытных спутников великого князя, в особенности – ординарца. Но и здесь наш академик оказался на высоте. Найдя у господ Врангеля и Суконтонна массу недугов, с которыми может справиться исключительно такой специфический раздел медицины, как винотерапия, он организовал им выдачу «препаратов» за счет заведения и без какого-либо ограничения. Оба барона с увлечением отдались процессу выздоровления и посвящали этим процедурам практически все светлое время суток, иногда даже прихватывая и поздние вечерки.

Сегодня днем генерал Келлер, квартировавший рядом с великим князем, подтвердил, что необходимость открытого разговора назрела. Михаил Александрович, который отличался острым умом и длительное время жил в Европе, был поражен тем, что увидел и прочувствовал, и поэтому по вечерам стал задавать массу вопросов. Да и ко мне, как к спасителю его племянницы и боевому офицеру, захватившему в плен германского генерала, о котором ходило достаточно много слухов, у великого князя возник устойчивый интерес.

– Итак, господа, решающую встречу назначаем на завтрашний вечер. Федор Артурович, я прошу вас передать великому князю приглашение от «капитана Немо», – Павлов на время пребывания в Институте присвоил мне знаменитый псевдоним, – на вечернее чаепитие и очень важную для всех нас беседу. Михаил Николаевич, голубчик, за вами – медицинское обеспечение завтрашней встречи. Шок от предсказания будущего может иметь непредсказуемые последствия – от депрессии до агрессии. Несмотря на мое личное неприятие алкоголя, некоторая толика шустовского под рукой была бы очень кстати. Коньяк ведь, как пишут в газетах, успокаивает нервную систему и расширяет сосуды. Хотя в нашем случае, учитывая наличие у вашего августейшего тезки язвы желудка, вариант со спиртным отпадает. В общем, не мне вас учить, подготовьте «тревожный саквояж»

и держите его наготове... Перед началом серьезного разговора продемонстрируем нашему гостю несколько новых кинороликов...

Хотя подготовка к обработке великого князя велась уже несколько дней, но, как всегда, хронически не хватало еще парочки часов. И, естественно, когда встал вопрос, кого же назначить «дежурным пожарным», ответственным за «закрытие внезапно открывшихся проблем», кандидатура была найдена быстро и в единственном числе – штабс-капитан Гуров. А уважаемый нобелевский лауреат, подсевший в последнее время на цитаты из отечественной киноклассики, с ехидной ухмылочкой даже подвел под это некое материалистическое обоснование:

– Я понимаю, милейший Денис Анатольевич, что вам придется нелегко, но, во-первых, вас же двое: Гуров и Томский... – далее командным голосом в ответ на мою попытку возразить, – а, во-вторых, вы забываетесь, юноша! Я старше вас по званию и, в конце концов, по возрасту!

Группенфюрер Мюллер нашелся, блин! Осталось только мне в Штирлица переквалифицироваться...

Одну из самых больших комнат в офисе Павлова переоборудовали в своеобразный кинозал, в который из экспериментальной лаборатории перевезли два варианта киноустановок для просмотра цветных озвученных фильмов. Одна из них выглядела как достаточно футуристическая помесь патефона с кинопроектором, имеющими привод от электродвигателя, а вот при виде второй у меня отвисла челюсть и возникло чувство нового провала во времени, но на этот раз в собственное детство...

Однажды, после очередного требования матери «немедленно и безоговорочно разобрать залежи старого хлама, который занимает антресоли», пришлось капитулировать и приняться за проведение археологических раскопок, совмещенных с промышленным альпинизмом. В результате на белый свет – после антикварной кинокамеры «Лантан» и монтажного столика для восьмимиллиметровой киноплёнки – были извлечены кинопроектор «Луч-2», магнитофон «Дайна», кулёк, набитый катушками с плёнкой, и, наконец, синхронизатор. При попытке вытереть пыль кулёк не выдержал и порвался. Дальше работа прекратилась сама собой, ибо среди выпавших бобин с кино- и магнитофонными плёнками были две с надписью: «Лесной фестиваль – 77». Тогда я впервые увидел своего отца...

А весь остаток дня субботы был посвящен просмотрам старых записей выпускного вечера мамы, студенческих капустников и даже сцены моего торжественного выноса из роддома, перевязанного почему-то голубой лентой крест-накрест, как Андреевский флаг. Отечественная техника не

подвела, музыка и реплики великолепно накладывались на изображение. И последующие несколько лет игра в кинотеатр стала моим любимым развлечением и безотказным рычагом воздействия со стороны матери в случае появления нежелательных записей в дневнике... Так вот, вторая киноустановка чем-то напоминала все вышеперечисленное из моего домашнего кинотеатра, но превосходила размерами примерно настолько же, насколько тираннозавр превосходит кенгуру...

В этот момент приходится отбросить личную романтику и приготовиться к разговору, потому как в помещение заходят главные действующие лица – великий князь, академик Павлов и генерал Келлер. Ну-с, начнем!..

– Вот, Михаил Александрович, это, в некотором роде, наш местный аналог кинематографа «Пикадилли». Но, как сейчас сможете убедиться лично, мы его во многом превосходим. Прошу вас, господа, занять места для просмотра.

Через минуту на экране возникает цветная панорама древнего Господина Великого Новгорода, фигура князя Александра Невского, прохаживающегося по ступеням храма, и звучат заветные слова: «Идите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива. Пусть без страха жалуют к нам в гости. Но если кто с мечом к нам войдёт – от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет Русская земля!»

Все это кинодействие длится менее двух минут, но на великого князя оно производит очень сильное впечатление.

– Иван Петрович, в Англии мне показывали, как забавный курьез, цветную копию «Путешествия на Луну», но звук... Вероятно, вы используете грампластинку?

– Совершенно верно, Михаил Александрович. Использование электропривода для патефона и кинопроектора позволяет до известных пределов улучшить синхронизацию звука и изображения, но, увы, продолжительность звучания пластинки – не более трех минут. Что же касается цвета, то мы не раскрашиваем каждый кадр вручную, а пользуемся методиками Херберта Калмуса и наработками Прокудина-Горского. Я не сомневаюсь, что вам хорошо знакомы его труды по увековечиванию на цветных фотографиях всех красот и достопримечательностей России, которые он совершил с личного одобрения государя-императора. А теперь извольте обратить внимание на установку номер два.

Через мгновение на экране появляются кадры с мощной фигурой Петра I. И с экрана из его уст звучит обращение к войскам перед Полтавской баталией: «Воины! Вот пришёл час, который решит судьбу

Отечества! И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру вручённое, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь! Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказывали! Имейте в сражении пред очами вашими правду и Бога, поборающего по вас! А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе, для благосостояния вашего!»

Причем опять-таки цветное изображение было звуковым и абсолютно не слышалось ничего характерного, сопровождающего работу патефона.

Наш августейший гость был поражен. Когда свет снова зажегся, он подошел к аппарату и после внимательного осмотра потребовал объяснений. Естественно, что в качестве лектора выступил опять Павлов. Судя по всему, ему очень понравилась роль капитана Немо, просвещающего наивного профессора Аронакса.

– Видите ли, Михаил Александрович, во втором случае мы использовали в качестве носителя звуковой информации не граммофонную пластинку, а гибкую целлулоидную ленту, покрытую очень мелкими стальными опилками при помощи столярного клея. А в целом, этот аппарат является развитием телеграфона Поульсена. Кстати, еще в одна тысяча девятисотом году он записал на стальную проволоку несколько слов, сказанных императором Австро-Венгрии Францем-Иосифом. Ваше императорское высочество, не желаете ли стать вторым в истории августейшим лицом, чей голос сохранится на века?

Естественно, что Михаил Александрович был польщён и не смог отказаться от этого предложения. В предложенный ему микрофон он чётко и с расстановкой произнес: «Находясь в Институте академика Ивана Петровича Павлова, я, генерал-адъютант и великий князь Михаил Романов, поражен теми чудесами, которые способна творить наука государства Российского». Через пару минут его слова прозвучали в тишине «кинозала», затем некоторую паузу вновь прервал Павлов:

– К сожалению, вариант с магнитофоном, так мы предварительно окрестили сей аппарат, пока малопригоден к работе вне лабораторных стен. А вот короткие киносюжеты, подобные сцене с Александром Невским, или песня, исполненная известным певцом, например Шаляпиным, снабженные граммофонной пластинкой, вполне можно показывать везде, где есть электричество, ибо ручной привод не способен обеспечить необходимую синхронность... А теперь, Михаил Александрович, милости прошу попить чайку. Долгой беседе чай не помеха.

В «чайной комнате» уже сидели врач и отец Александр. Великий князь, который во время медосмотров уже успел познакомиться с Михаилом Николаевичем, поприветствовал его кивком головы и подошел к бабушке за благословением.

Чай, а также сопутствующие ему вкусняшки оказались очень кстати. Разговор от новаций технических плавно перетёк к новинкам книжным вообще и к романам фантастов в частности, в которых авторы смогли предсказать будущее. Великий князь, проживший в Британии несколько лет и имевший английское воспитание, вполне комплиментарно отзывался о книгах Уэллса.

– Знаете, господа, насколько проницателен этот писатель. В книгах «Война миров» и «Война в воздухе» он предсказал применение отравляющих веществ и летательных аппаратов. Всё то, с чем мы столкнулись на передовой.

– Вы правы, Михаил Александрович, остаётся только надеяться, что его мрачные прогнозы в романе «Освобожденный мир» о создании чудовищной бомбы так и останутся на бумаге. Но случается и иное, даже гений великого писателя не всегда способен уследить за причудами технического прогресса. Сам Жюль Верн после выхода в свет книги «Двадцать тысяч лье под водой» был в отчаянии от того, что у капитана Немо не было торпеды, которую в реальности уже испытали, и пытался сжечь весь тираж. Так и Уэллс, с его «Машиной времени»... Не всегда всё решается бездушным механизмом, но, напротив, очень часто – вмешательством свыше...

Позвольте, Михаил Александрович, задать вам неожиданный вопрос: а что бы вы стали делать, если каким-то чудом перенеслись в Порт-Артур за день до вероломного нападения японцев, но не в ипостаси великого князя, брата императора и на тот момент – наследника престола, а простым поручиком?

Великий князь, не ожидавший подобного поворота разговора, носившего до этого чисто умозрительный характер, ненадолго задумывается и решительно заявляет:

– Я бы выполнил долг русского офицера, поднял тревогу или обратился лично, например, к наместнику Алексееву.

– И оказались бы или под арестом, или в смиренной рубашке, – уверенно отвечает Павлов, – надеюсь, вы помните печальную судьбу Кассандры? Так у неё было значительно больше времени, да еще и статус царской дочки. А если я вас не убедил, то давайте проведём небольшой эксперимент... Но для его чистоты мне потребуется помощь

присутствующих здесь отца Александра, доктора Голубева, генерала Келлера, а также нашего геройского штабс-капитана... Прошу вас, коллега, приступайте, – с этими словами Павлов жестом руки предлагает вступить в разговор Михаилу Николаевичу.

– Господа... – несколько волнуясь, начинает доктор, – я по роду своей профессиональной деятельности длительное время занимаюсь изучением и лечением различных психических расстройств. В разное время штабс-капитан Гуров-Томский и генерал Келлер после ранений проходили лечение под моим наблюдением. Могу сказать однозначно – они не страдают никакими душевными недугами. А работая под руководством Ивана Петровича, я бы непременно заметил у него психическое расстройство, если бы оно, конечно, существовало... В общем, я свидетельствую, как врач, что все трое не страдают никаким расстройством психики и находятся в трезвом уме и твердой памяти... Прошу, вас, отец Александр, продолжайте...

Батюшка, демонстративно не замечая недоуменного выражения лица великого князя, читает короткую молитву и окропляет присутствующих святой водой, после чего выносит свой вердикт:

– Я, дивизионный благочинный отец Александр заявляю, что присутствующие здесь лица не являются колдунами и не обуяны бесами...

Федор Артурович, встав из-за стола, выпрямляется в свой двухметровый рост и, сняв узорчатое покрывало, скрывавшее на столе, как выяснилось, его шашку, кладет правую руку на лезвие и торжественно заявляет:

– Ваше императорское высочество! Я, генерал-лейтенант граф Келлер, на этом клинке клянусь: всё, что вы сейчас услышите, правда и только правда, и присутствующие здесь желают только одного – спасти Россию и царствующую династию от страшной судьбы, которая ей уготована врагами внешними и внутренними!

Михаил Александрович, автоматически поднявшись в ответ на столь торжественное заявление, растерянно переводит взгляд с одного лица на другое и, наконец, буквально выдавливая из себя вопрос:

– Господа, может быть, кто-нибудь объяснит, что означает сия прелюдия?

– Сейчас, вы всё узнаете, ваше императорское высочество, – произносит Иван Петрович, успокаивающе подняв руку. – Но, прежде чем начать этот очень непростой разговор, нам было необходимо вас убедить, что присутствующие здесь в своем уме, не являются революционерами или вражескими агентами, пытающимися обманом втянуть вас в свои игры, и

не одержимы нечистым... А теперь слово штабс-капитану Гурову, тем более что вам, Денис Анатольевич, уже приходилось об этом говорить...

Отступать нельзя, встаю, откашливаюсь и уже в который раз начинаю свою исповедь:

– Я, Журов Денис Анатольевич, тысяча девятьсот семьдесят седьмого года рождения. Старший лейтенант Военно-космических сил Российской Федерации...

Михаил Александрович не просто ошарашен, он производит впечатление боксера, отправленного в нокаун. А когда начинает трясти головой, пытаясь прийти в себя, сходство лишь усиливается. Но настоящий нокаут еще впереди. Павлов и Келлер буквально добивают великого князя, поочередно назвав тех, кто перенесся в их тела из XXI века, а затем, не останавливаясь, очень кратко и безжалостно излагают будущую историю России, все те неслыханные беды, которые ожидают империю и царскую семью в самом недалёком будущем.

Великий князь сидит, сжав голову руками, как будто боясь, что её разорвет на части, и подобно сомнамбуле повторяет одни и те же слова: «Не верю, не верю, ни единому слову не верю...» Затем вскакивает с места и пытается выбежать из комнаты. Но попытка бегства пресекается генералом Келлером. Он встает на пути Михаила Александровича, держа шашку за клинок рукоятью от себя, и очень почтительно, но с решительностью в голосе медленно, с паузами после каждого слова, произносит:

– Ваше императорское высочество, прежде чем выйти отсюда, я прошу вас дослушать до конца. В противном случае – зарубите меня моим же клинком, на котором я принес вам клятву!

А вот это явно не по сценарию! Опять эти верноподданнические завихрения у его превосходительства берут вверх над разумом. В те несколько секунд, пока рука великого князя застыла у эфеса, группируюсь, оценивая свои шансы на работу против клинкового оружия, в случае, если ситуация окончательно выйдет из-под контроля. В конце концов, мне Келлер в сто раз дороже, чем все великие князья, вместе взятые!..

Внутренняя борьба между эмоциями, готовыми буквально взорваться, и фронтовой закалкой и волей боевого офицера, привыкшего с шашкой наголо мчаться на атакующие цепи и захлебывающиеся огнем пулеметы, длилась еще мгновение. Затем Михаил Александрович делает шаг назад и нехотя возвращается на своё место.

Доктор Голубев уже наготове. Буквально из ничего перед великим князем появляется стакан, наполненный жидкостью, издающей легкий

аромат трав.

– Прошу, вас, голубчик, выпейте. Вам сразу станет легче, ведь в этом нектаре заключены все силы природы. И никакого спирта. Этому рецепту сотни лет... – доктор говорит, говорит, говорит...

Это особый врачебный язык, когда важнее не сами слова, а интонация, с которыми они произносятся. Владеет им далеко не каждый медик, а лишь тот, кто действительно достоин именоваться Целителем.

Произносимые им слова, подобно невидимому покрывалу, окутывают великого князя, становясь непроницаемой броней против любого недуга или беды. Не задумываясь, он залпом, по-гусарски, осушает стакан и откидывается на спинку кресла, а еще через минуту засыпает.

Оба наших медикуса с облегчением вздыхают, а генерал наконец-то кладет свою шашку на стол.

Иван Петрович на правах аксакала показывает ему кулак и, обведя всех взглядом, подытоживает:

– Ну что ж, начало положено. Самое трудное сказано и пройдено, хотя всё держалось буквально на волоске. И вы еще, Федор Артурович, с шашкой наголо. Лаврам Фемистокла изволите завидовать? Так булатный клинок – это не палка, а великий князь – фехтовальщик не из последних. В общем, так... Михаил Николаевич, мне – стаканчик вашего эликсира, а всем остальным – шустовского, сколько сочтёте нужным. Михаила Александровича уложим почивать здесь же, на диване. Двух санитаров из числа самых проверенных – дежурить на всю ночь. Сами ночуем по соседству. Утром, на свежую голову, продолжим...

Ну, дай-то бог! Сейчас пару рюмок коньяку, выкурить папиросу и спать...

Глава 21

Утро начинается с подготовки ко второму раунду. Пока их высочество еще соизволят просыпаться, собираемся в прежнем составе в кабинете Павлова. По докладу дежурного санитара великий князь уже поднялся, привёл себя в порядок, с некоторым удивлением воспользовавшись косметическими изобретениями в виде жидкого шампуня и пенки для бритья, и сейчас соизволит завтракать.

– Ну что, все живы-здоровы и готовы к бою? – Иван Петрович выглядит хорошо выспавшимся и отдохнувшим. – Кстати, Михаил Николаевич, голубчик, а что вы там за травки намешали? Давно так не спал, как младенец, ей-богу!

– Это – старый народный рецепт, со мной им поделился один... целитель. Действует, как успокоительное и снотворное, если немного поменять рецептуру, снимает головную боль от мигреней и неумеренного возлияния спиртного. А травы – самые обычные. Все зависит от времени сбора и пропорций.

– Что ж вы раньше-то молчали? Немедленно надо запатентовать как лекарство! Вот разберемся с сегодняшним делом, и оформляйте бумаги... Помните, Наполеон говорил, что для войны нужны деньги, деньги и еще раз деньги. Драть втридорога за этот эликсир с великосветских шлю... пардон, львиц и львов, пусть оплачивают нормальное лечение раненых фронтовиков. Хоть так пользу стране принесут. И рецептуру разработать двух видов: «для себя» и в массовое производство...

Фраза остается незаконченной, потому что в дверях появляется наш самый дорогой гость – великий князь Михаил Александрович.

– Доброе утро, господа. Простите, что без стука, но услышал ваши голоса и решил, что все уже в сборе и мы можем продолжить. Вчера наш разговор остался неоконченным, приношу свои извинения за излишнюю эмоциональность, но сами подумайте, каково услышать таковое. Если бы не ваша, Федор Артурович, клятва, считал бы, что попал в глупый розыгрыш или заговор. Я сегодня всё утро думал над тем, что вы сказали...

М-да, чувствуется происхождение, передали, наверное, на генном уровне Николай I, Александр III, да и другие венценосные предки умение подняться над превратностями Судьбы, собраться и сконцентрироваться в самых невероятных обстоятельствах. Вчера вёл себя, как ребенок, типа не верю, – и всё, вот закрою глаза, и страшно не будет. А сейчас в кабинете

опять в буквальном смысле великий князь Михаил Романов...

– ...Как в авантюрном романе. Мои адъютант и ординарец мертвецки пьяны и недееспособны, мне дают напиток, от которого я тут же засыпаю... Что дальше? Будете выпытывать, где лежат несметные сокровища? – Михаил Александрович улыбается, предлагая считать последнюю фразу шуткой, но улыбка выходит немного напряжённая.

– Доброе утро, ваше высочество! – здороваюсь первым, как и положено самому младшему по званию, да и этот нервный монолог надо остановить. – Не знаю, как остальные, мне никаких сокровищ не надо, я своё уже нашёл.

Доктор и отец Александр просекают смысл сказанного сразу, остальные на несколько секунд зависают в недоумении, затем Келлер, широко улыбаясь, подхватывает идею:

– Дело в том, Михаил Александрович, что наш штабс-капитан около трех месяцев назад связал себя узами Гименея с одной очаровательной барышней и до сих пор витает от счастья в розовых облаках...

– Что, однако, не мешает ему, ваше превосходительство, пристально наблюдать за происходящим вокруг и спускаться на землю в нужное время и в нужном месте, не так ли? – парирую генеральскую реплику. – Например, возле Фердинандова шнобеля или рядом со штабом генерала Гутьера.

– Позвольте, так это тоже ваших рук дело, господин штабс-капитан? – великий князь с живым интересом смотрит на меня.

– Так точно, ваше императорское высочество!

– Учитывая ваше... не совсем обычное происхождение... попрошу впредь обращаться ко мне без титулования... Э-э... Денис Анатольевич, если не ошибаюсь?.. Но, господа, всё же, мне бы хотелось, чтобы вы подтвердили свои слова более весомыми доказательствами.

– Прошу вас, Михаил Александрович, присаживайтесь... – Павлов берет инициативу в свои руки. – Как вы понимаете, никаких предметов оттуда мы показать не сможем. Но вы в некотором роде всё же можете представить их себе. Ибо значительная часть новинок, которыми вы так восхищались в нашем Институте, – лишь бледное отражение того, что давно известно, а зачастую уже забыто в нашем мире. Вы, будучи великим князем, с детства носите военный мундир, за границей вас стремились поразить всевозможными военными новинками. А приходилось ли вам видеть подобный образец ручного огнестрельного оружия?

Иван Петрович достает из ящика стола и кладет перед Михаилом Александровичем мою «Бету», взятую вчера для демонстрации. Великий

князь с интересом и некоторым недоумением крутит в руках ствол. Пытаюсь прийти ему на помощь.

– Если объяснять совсем просто, то это пулемет, стреляющий пистолетными патронами. В Германии, кстати, всю ведутся разработки такого оружия, но первый «Бергман» должен появиться только в восемнадцатом году. Наш пистолет-пулемет проще, легче и компактней. Его прототип был создан в нашей истории в начале шестидесятых годов итальянской фирмой «Беретта». Предвосхищая вопрос о применении, сразу скажу, что с ним гораздо удобней воевать в замкнутом пространстве, например в окопе, или идти в разведку.

– Да, но до окопов противника надо еще добраться!

– Это уже вопрос тактики... И он не столь важен в данный момент. Если пожелаете, Михаил Александрович, ближе к вечеру, например, сможете опробовать его в тире. Насколько я знаю, в хозяйстве Ивана Петровича таковой имеется.

– Да-да, конечно. Он – в вашем распоряжении, Михаил Александрович, – Павлов перехватывает инициативу и возвращается к главному вопросу: – Но все же, настоящих артефактов нашего времени здесь нет, поэтому мы попытаемся убедить вас с помощью послезнания. Дело в том, что жизнь царской семьи в России с начала девяностых годов двадцатого века освещалась достаточно подробно, и мы, покопавшись в памяти, собрали факты о личной жизни вас и ваших близких, которые просто не могут быть известны сейчас... Если вы не против, начнем?..

Великий князь Михаил устраивается поудобней в кресле и внимательно слушает академика, речь которого чем-то напоминает выступление то ли прокурора, то ли адвоката:

– Вы в детстве были очень дружны и неразлучны со своей сестрой, тогда еще великой княжной Ольгой Александровной. В семье её все звали «Беби». Когда вам было одиннадцать, а ей – семь лет, её столовую превратили в классную комнату, где вы вместе занимались уроками. В том числе и танцами. Это всё мы могли бы при желании узнать и сейчас, но вот то, что самым трудным для вас обоих было поклониться друг другу и сделать реверанс перед началом, об этом, я думаю, никто не может рассказать, не так ли?

– Да, это так... – чуть дрогнувшим голосом соглашается Михаил Александрович. – Может быть, вы назовете причину, по которой так происходило?

– Да, конечно. Невзирая на самые строгие запреты, казаки, дежурившие у комнаты, подглядывали в замочную скважину, вы об этом

знали, и вас это очень смущало... Как-то на Рождество вам подарили первое в вашей жизни ружье. На следующий день вы с сестрой пошли гулять и подстрелили в парке ворону. Об этом, конечно, могли знать многие, но вот о том, что вы сели в снег и горько плакали, глядя на мучения раненой птицы, а потом этот случай очень часто мешал вам, когда вы учились стрелять, – кто мог рассказать об этом?..

Или прогулки с отцом и сестрой в Зверинец, когда ваш отец нес большую лопату, вы – поменьше и Ольга Александровна – совсем крохотную, а ещё у каждого из вас был топорик, фонарь и яблоко. Ваш батюшка показывал вам, как аккуратно расчищать дорожку в снегу, срубить засохшее дерево, развести костер. На том костре вы пекли яблоки. А затем при свете фонарей возвращались домой, учась находить дорогу в темном лесу... Когда вы были в гостях у своего дедушки во Фреденсборге, вы с сестрой распознавали всех по запахам. Представители английской династии пахли туманом и дымом, ваши датские родственники – влажным, недавно выстиранным бельем, а вашим запахом был запах кожаной обуви...

И, наконец, последнее. Однажды ваш отец тайком показал вам с Ольгой Александровной очень старый альбом с рисунками, хранимый им с самого детства. Там рассказывалось о сказочном городе Мопсополе, где жили одни только мопсы...

– Довольно!.. – Великий князь впился руками в подлокотники кресла так, что пальцы побелели. – Иван Петрович, откуда вам известны эти подробности?

– Вы уже сами ответили в уме на свой вопрос, Михаил Александрович. Только ответ неверный. Никто из служивших в Гатчине нам ничего не рассказывал... В тысяча девятьсот шестидесятом году в Канаде вышли мемуары вашей сестры, великой княгини Ольги Александровны, в тысяча девятьсот девяносто шестом они были переведены на русский язык и на волне модного в то время интереса к семье Романовых стали достаточно популярны... Но если даже допустить, что кто-то из неведомых побуждений собрал эту информацию и передал нам... Скажите, ваше высочество, кто-нибудь посторонний имеет доступ к вашим личным дневникам?.. Нет? Тогда я искренне прошу извинить меня за то, что затрону очень тяжкое событие... Смерть вашего отца... В своем дневнике вы тогда сделали запись, что он совсем спокойно скончался... А на следующий день в гостиную завтракали только ваша матушка, вы и ваши сестры – Ксения и Ольга...

– Довольно!.. – великий князь вскакивает со своего места и пытается

добраться до окна, невидяще натываясь по пути на мебель. Каким-то дерганым, нервным движением открывает форточку и пытается надышаться свежим холодным воздухом. Спустя минуту оборачивается к нам и почти спокойным тоном объявляет: – Господа, прошу меня извинить, мне нужно побыть одному... Если не возражаете, я найду вас после обеда...

Глава 22

Ну, коль до обеда я не нужен, значит, есть свободное время, которое можно провести с пользой для дела. Например, поваляться с интересной книжкой на диване. Поэтому берём «Полевую фортификацию» и садимся за стол, а из удовольствий остаются только крепко заваренный горячий чай и пара папирос, выкуренных в форточку. Любимая «мышка» академика, горничная Оленька принесла бульотку и заварочный набор, чтобы господин штабс-капитан не гонял прислугу каждые полчаса на кухню. Осведомившись, не желает ли мое благородие ещё чего-нибудь, получила отрицательный ответ, недовольно сверкнула глазами и с несколько раздосадованным видом грациозно исчезла за дверью. В Институте работают горничными около полутора десятков молодых привлекательных особ, которые как-то прослышали, что сам Павлов называет их «мышками». Следуя своей женской логике, они вложили в это ласковое прозвище совсем не тот смысл. Иван Петрович, как истинный ученый, проводил на них, как на лабораторных мышках, в некотором роде приятные эксперименты. На них «обкатывались» новинки из женской косметики, парфюмерии и иные мелочи, так привычные сердцеедкам начала XXI века, и практически незнакомые их предшественницам из прошлого столетия.

Сама Оленька была достаточно умна, чтобы понять истинное положение дел, но держала это втайне от своих коллег. Что, однако, не мешало всегда накрахмаленно кружевной тёмно-русой и сероглазой красавице с загадочной улыбкой и лукавыми ямочками на щеках испытывать действие своих чар на любой особи мужского пола, не состоящей в штате Института...

Вот так смотришь в кукольно-наивные глаза, и не верится, что сия барышня не только следит за порядком в комнатах, но и является штатным сотрудником ведомства ротмистра Воронцова, да и не в самом низу служебной лестницы. И не только она, все девушки-горничные работают на Петра Всеславовича, причем с огоньком и фантазией. Причин тут две: высокая зарплата и гарантированное отсутствие определенных домогательств со стороны клиентов. Максимум, что позволено пациентам, – это сказать пару двусмысленностей, погладить ручку и шлепнуть по... чуть пониже спинки. Если дело заходит дальше, нужно всего лишь договориться с ловеласом на предстоящий поздний вечер и сообщить об этом господину ротмистру. К вечернему приёму делается

маленькая коррекция состава пилуль и порошков, после чего возбужденный самец вдруг очень хочет спать или начинает совершать регулярные рейсы в некое помещение, испытывая постоянную необходимость в общении с большим белым фаянсовым другом, укомплектованным бачком и цепочкой для слива.

А тут вдруг обидно стало дамочке, что не ведусь на традиционные женские хитрости, вот и лезет из кожи вон. И невдомёк, что, во-первых, я – не толстопузый «бобёр», приехавший слегка подлечиться и заодно получить максимум удовольствия, а во-вторых, я женат на Самой Красивой Женщине В Мире, которую зовут Даша... Ладно, просто эротику в сторону, занимаемся эротикой с извращениями. Где там мой учебник про окопы?..

Позаниматься удастся всего лишь пару часов, потом снова появляется неотразимо роковая мадемуазель Оленька и сообщает, что их высочество просят заглянуть к нему для конфиденциального разговора. Откладывая учебник в сторону и шагаю в указанном направлении. И что ему понадобилось на этот раз? Очередные доказательства нашей иновременности?..

Великий князь, однако, заводит разговор совсем о другом:

– Денис Анатольевич, расскажите подробней, пожалуйста, о спасении моей племянницы. Хотелось бы услышать версию из уст непосредственного участника событий, а не пересказ результатов расследования и глупых сплетен.

– Даже не знаю, с чего и начать... Жандармское отделение в Минске не получило телеграммы о прохождении литерным эшелоном очередной станции и обратилось к нам с просьбой помочь...

– А почему именно к вам? Ведь в городе были более многочисленные подразделения.

– Господа жандармы уже знали о некоторых наших особенностях. В частности, о мобильности и умении вести скрытые боевые действия в лесу. Ну, подняли бы по тревоге полк, пока бы прибыли на место, пока бы развернулись для прочесывания, пока бы шли, не торопясь, заглядывая под каждый кустик. Тем более, там были выставлены две засады, маленькие, правда... В общем, время было бы упущено, великую княжну передали бы в руки егерей, а там – ищи ветра в поле.

– Вы тоже считаете, что поляки действовали заодно с германцами?

– Вполне допускаю, что их использовали втёмную, но тем не менее, главарь оставил всю группу в заслоне, а сам двигался именно туда, где были немцы. И мы, честно говоря, еле-еле успели. Минутой позже, и пришлось бы преследовать их в лесу, не имея возможности открыть огонь,

чтобы не попасть в Ольгу Николаевну.

– Если бы так случилось, вы бы и дальше стали преследовать похитителей? – Михаил Александрович с интересом смотрит на меня. – Невзирая на численное превосходство противника?

– Да, попытался бы обойти их с фланга, на худой конец – пошуметь. Заставил бы сбавить темп, выслать разведку и так далее. А за нами шла вторая волна – драгунский полуэскадрон поручика Дольского. Не мы, так они бы их перехватили и не дали уйти.

– Хм-м, тем не менее вы смогли отбить княжну и уйти от преследования... Кстати, для меня есть один неясный вопрос. Почему вы отправили с княжной нижнего чина, а сами остались прикрывать их отход? На мой взгляд, логичнее было бы сделать наоборот.

– Дело в том, ваш... Извините, Михаил Александрович... – осекаюсь под взглядом великого князя. – Дело в том, что Котяра, в смысле тот нижний чин, сильнее меня физически, и донести великую княжну на руках для него было простой задачей. А вот остановить погоню проще было мне.

– Да, Денис Анатольевич, а почему вы зовете его Котярой и что за форма была на ваших солдатах? Персонал поезда чуть не обомлел, когда из леса вышел какой-то леший с Ольгой на руках...

– Прозвище «Котяра» он получил за умение мяукать, как настоящий кот. А форма называется «лохматка», это – самодельный маскхалат, сделанный из рогожных мешков с нашитыми тряпочками и петельками для веток и травы. Лежащий неподвижно человек практически неотличим от большой кочки.

– Это тоже оттуда... из вашего будущего?.. Расскажите мне о том, какая форма была потом в армии...

Оп-па, а что это глазки у собеседника такие хитрые? Типа, начал издали и плавно подошел к главному вопросу? Нью-нью. В данном случае говорим правду, только правду и ничего, кроме правды.

– Я, естественно, не большой специалист по военной форме... Когда началась Гражданская война, все стали одеваться в меру своей фантазии. Появились корниловцы, марковцы, дроздовцы, алексеевцы, полки, названные в честь генералов-основателей, и у каждого были свои цвета. У первых была черная форма и, кажется, фуражки с красной тульей. Погоны двухцветные, красно-черные. Марковцы – тот же черный цвет и черно-белая фуражка, черные погоны с белым просветом и выпушкой, дроздовцы – фуражка с белым околышем и красной тульей, погоны красные с черным просветом, алексеевцы – белый и синий цвета.

Красноармейцы поначалу отличались только красными бантами и

ленточками на солдатской форме, потом вместо фуражек и папах стали носить что-то наподобие богатырского шлема из сукна с красной звездой над козырьком, обозвав это будёновкой по имени одного из своих маршалов. На гимнастерках и шинелях начали пришивать поперечные нашивки-застежки и называли их почему-то «разговорами». Погоны убрали, как пережиток старого времени, все знаки различия указывались на воротнике и рукавах треугольничками, квадратиками, шпалами и прочей геометрией. Да, чины и звания тоже отменили, вместо них появились названия по должностям – комвзвода, комроты и так далее. Титулование отменили, теперь все были «товарищами», никаких «благородий» и «превосходительств».

– И вы считаете это правильным? – великий князь прерывает мой монолог.

– Скорее – да, чем нет. Кадровых офицеров осталось очень мало, в школы прапорщиков гребут всех, откуда взяться благородному происхождению? Тем более что для офицера главное – авторитет. Если он есть, солдаты за ним пойдут, а если нет – и происхождение не спасет. А насчет превосходительств – в чём генерал Бобырь, трусливо сдавший Ново-Георгиевск, превосходит тех солдат и офицеров, которые бьются до последнего, выполняя приказ? Или, к примеру, в чём превосходство генералов Рагозы и Эверта, не сумевших или не захотевших прислать подкрепления во время Нарочанского прорыва, перед Федором Артуровичем? Если б не они, мы бы сейчас могли сидеть на Балтийском побережье и махать ручками вслед уцелевшим германским пароходам, улепетывающим в свой рейх... Простите, Михаил Александрович, давайте вернемся к вопросу о форме одежды.

– Да, Денис Анатольевич, вы меня заинтриговали! Можете хотя бы схематично нарисовать эти выверты?

Ну, я, конечно, не художник, но карандаш в руках держать умею. Пытаюсь набросать эскиз красноармейца во всей его красе, затем форму начала сороковых. Вроде получилось...

– Вот примерно так. Во время Великой Отечественной войны в сорок третьем году вернули погоны и командиров снова стали называть офицерами. Гимнастерки отменили только в начале семидесятых, после этого солдаты стали носить китель и бриджи наподобие офицерских. У офицеров помимо парадной появилась отдельно повседневная и полевая форма. Первая – бриджи в сапоги или брюки навыпуск, китель наподобие пиджака, рубашка, галстук, фуражка. Полевая – аналог солдатской, только из полушерстяной ткани, плюс – ремень с портупеей. Ну, а после этого

кардинально форму поменяли только в начале девяностых. – Откладываю предыдущий лист и на новом рисую солдатика в «афганке». – Вместо пилоток – кепи, вместо сапог – ботинки с высоким голенищем. В просторечии – берцы. Шинели тогда же заменили на бушлаты. Форма сначала была защитного цвета, потом стали делать камуфлированную.

– М-да... Честно говоря, не нахожу ее красивой. Какая-то обвисшая, мешковатая, карманы повсюду, даже на рукавах... – великий князь задумчиво рассматривает рисунок. – Солдат должен иметь бравый вид, а тут...

– Михаил Александрович, полевая форма должна быть практичной, удобной и функциональной, все остальное – от лукавого. Британцы поняли это еще в англо-бурскую войну и поменяли свой фирменный цвет «вареный рак» на «хаки». Или французы, вон сколько кичились своими красными штанами, представьте, насколько они облегчили прицеливание германским стрелкам. Толку с такой красоты!..

– Хорошо, оставим это, – великий князь перескакивает на новую тему: – Денис Анатольевич, можете рассказать про награды, которые появились... после известных событий?

– Боюсь, что разочарую вас в этом вопросе. Насколько помню, все царские награды были отменены. Новая власть ввела свои ордена и медали. Самым первым был, кажется, орден Боевого Красного Знамени, – пытаюсь одновременно объяснить и рисовать. – В венке находится перевернутая красная звезда, скрещенные вот так серп, молот и штык, сверху – развернутое красное знамя, на котором написан девиз большевиков – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Был еще орден Ленина, круглый медальон с портретом вышеозначенного товарища в венке из колосьев. И, кажется, тоже красное знамя с надписью «Ленин».

– Простите, а кто это?

– Это – псевдоним Владимира, младшего брата террориста Александра Ульянова, готовившего покушение на вашего отца. Он – известный социал-демократ, большевик, сейчас в Швейцарии и, по его словам, «идёт другим путем» – ратует за поражение России в войне и превращении войны империалистической в войну гражданскую. Петроград потом переименовали в Ленинград в его честь. Но об этом – позже... Очень часто к ордену Ленина добавляли Золотую Звезду Героя Советского Союза. Название говорит само за себя, обычная звезда из золота на небольшой прямоугольной колодке красного цвета. Выше этих наград ничего не было...

В Великую Отечественную появился солдатский орден Славы, звезда

на колодке георгиевской ленты. По-моему, было три степени ордена, различия между ними не помню. Вручался солдатам, сержантам и старшинам. Где-то читал, что по статуту был очень похож на Георгия. Еще были медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Но их описать затрудняюсь, больно уж вопрос узкоспециализированный, никогда не увлекался фалеристикой... Да, был еще орден Красной Звезды – звезда с красными эмалевыми лучами, в середине – серебристый медальон с красноармейцем, стоящим с винтовкой наперевес. Его помню хорошо – дома дедовский хранился, и еще медали – «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией». В шкафу висела парадная гимнастерка деда, еще совсем мальцом, когда мать была на работе, тайком надевал ее, брал свой игрушечный автомат и носился по квартире, убивая воображаемых немцев. А мама потом делала вид, что не замечает моих проказ... Простите, Михаил Александрович, некстати я в воспоминания ударился...

– Нет, это я прошу меня извинить, не знал, что вы так близко к сердцу воспримете. – Во взгляде великого князя действительно видно сочувствие. – Но раз уж коснулись этой темы... Сможете нарисовать, хотя бы приблизительно, оружие, которым тогда воевали?

– Постараюсь... Винтовку Мосина рисовать нет смысла... А примерно вот так выглядел ППШ, пистолет-пулемет наподобие того, что вы уже видели... – Изо всех сил напрягаю свои художественные способности. – А вот это – самый лучший танк Великой Отечественной – Т-34... Вот так выглядела знаменитая «Катюша», реактивный миномет, стреляющий ракетами... А это – самолет-штурмовик Ил-2, наши звали его «горбатым», немцы – «Черной смертью»...

Великий князь Михаил собирает листы с рисунками и складывает их в приготовленную папочку. И совсем не задает дополнительных вопросов, типа калибра пушки на тридцатьчетверке, характеристик и вооружения Ила, почему «Катюшу» называли минометом, если стреляет ракетами... Угу, сейчас дождется моего ухода и побежит задавать те же вопросы Келлеру или Павлову... А может быть, и какие-нибудь другие, чтобы я не смог предупредить...

– Денис Анатольевич, скажите... Допустим, я вам поверю... А что дальше? – Вот, похоже, и задается вопрос, который должен быть сегодня главным в беседе. – Вы втроем предложите какие-то действия... Но вдруг они будут для меня неприемлемы и я откажусь... Что тогда? Что будете делать?... Лично вы?..

Пристальный, сверлящий взгляд, пытающийся добраться до самых

потаянных уголков сознания... «Ну, кто ж вам, ваше высочество, всю правду-то скажет, как дитё малое, ей-богу!..» А вот немножко пристыдить надо:

– Лично я? Выйду в отставку, сколочу абсолютно любыми способами состояние, заберу семью и уеду в Латинскую Америку. Например, в Парагвай. Там через несколько лет (сколько именно – вам знать необязательно) начнется Чакская война с Боливией за нефтяные месторождения. В моей истории эмигрировавшие после революции русские офицеры и казаки по просьбе правительства создали из малочисленных военизированных дружин настоящую регулярную армию и разделали боливийцев под орех. Мелко дроблённый. Если там из индейцев я организую такой же батальон, как здесь, то...

Так, августейшая особа шокирована услышанным, осталось окончательно добить.

– Вы удивлены, ваше высочество?.. Посудите сами, если всем на всё наплевать, если единственный человек, от которого будет зависеть судьба страны, откажется принять власть, умоет руки, как тот библейский герой... Я – не Дон Кихот, чтобы воевать с ветряными мельницами, пусть всё идет так, как идет... Вашего венценосного брата с супругой, великих княжон и цесаревича расстреляют в подвале Ипатьевского дома, вас лично вместе с секретарем выкрадут из гостиницы в Перми, вывезут в лес и тоже напичкают пулями! Просто потому, что вы – великий князь и носите фамилию Романов. А потом несколько лет будет литься русская кровь, а новые правители открыто заявят, что на Русь-матушку им наплевать и что она будет хворостом, который закинут в костёр мировой революции. И не будут заморачиваться даже не тысячами, а десятками тысяч жизней простых русских мужиков, баб, детишек. Бывший гвардейский поручик, ставший красным маршалом, профукает свою армию, сдаст около ста тысяч солдат в плен полякам, из которых по разным оценкам от двадцати до шестидесяти тысяч умрут в лагерях от голода и эпидемий... Хотя сегодняшние генералы воюют не лучше.

– Вы сказали – полякам?! – великий князь пытается соскочить с темы. – Откуда они взялись?

– Один из первых декретов Временного правительства был о признании независимости Польши и Финляндии... Но мы сейчас говорим не об этом. До начала Хаоса остается год, а может быть, и еще меньше, учитывая «эффект бабочки»...

– Простите, что за эффект?..

– У нас... там, в будущем, существовала теория о том, что

незначительное изменение в прошлом может вызвать огромные перемены в будущем. Поэтому события могут развиваться по-другому и в другое время.

– Вы считаете, что своим появлением как-то повлияли на историю? – Михаил Александрович скептически смотрит на меня, сейчас еще поставит диагноз «мания величия».

– Появлением – нет. Но Нарочанская операция в нашем мире была безуспешной и привела к бессмысленным потерям, что-то около восьмидесяти тысяч штыков, а здесь?.. Там у нас Гинденбург и Людендорф успешно воевали до конца войны, а потом ударились в политику. Здесь они уже получили по пуле и зарыты в землю, как герои, погибшие при взятии Ново-Георгиевска.

– Но они погибли при взрыве складов с боеприпасами... – В глазах будущего, надеюсь, императора мелькает догадка. – Стоп!.. Мне говорили, что вы были в крепости в момент сдачи, значит...

– Генералов отстреляли мои снайперы. Но очень прошу вас сохранить эту информацию в глубочайшей тайне, ваше императорское высочество...

– Денис Анатольевич, я же просил...

– Прошу простить, Михаил Александрович. Как бы то ни было, всё будет зависеть от вас. Или вы возьмете власть, как легитимный наследник, или её возьмут другие. И абсолютно без разницы будут это большевики с их мировой революцией, или думцы-заговорщики, науськиваемые из Парижа и Лондона. Россия кончится как Держава.

– Но при чем тут наши союзники? Какая им выгода от того, что в стране воцарится смута?

– Тогда мы перейдем в разряд туземцев, и все данные нам обещания можно будет не выполнять. Джентльмены ведь хозяева своего слова, захотели – дали, захотели – взяли обратно. Тем более что вопрос стоит о таком лакомом кусочке, как Пролывы... Король Георг отказался принять царскую семью, хоть и догадывался, что для них это был вопрос жизни и смерти. Зато впоследствии, гораздо позже, в газетах появлялись сообщения, что ее величество королева Великобритании не стыдится носить фамильные драгоценности Дома Романовых, будто свои собственные. А вообще, чем больше мы будем убивать друг друга, тем слабее станем, и им будет легче диктовать свои условия... Тот ефрейтор, «живущий» в генерале Келлере, обладает более обширными историческими знаниями. Федор Артурович рассказал недавно, на каких условиях французы обещали помощь армии Врангеля в Крыму... Нет-нет, не вашему адъютанту, а барону Петру Николаевичу Врангелю.

– Ну и что это были за условия?

– В случае победы белых передача под контроль французского капитала промышленности и банков, плюс тридцати– или сорокалетние концессии на разработку недр. На таких условиях страна могла бы оставаться независимой?..

– ...Да, Денис Анатольевич, невесёлую картину вы нарисовали, если не сказать... – великий князь явно чувствует себя не в своей тарелке. – Благодарю вас за беседу. Я как следует обдумаю всё, о чем мы говорили...

Глава 23

Сегодняшний день, пожалуй, будет самым если не сложным, то уж точно напряженным. Вчера после того, как я вернулся к своим блиндажам, окопам, эскарпам и прочей фортификационной премудрости, великий князь точно так же докопался до Федора Артуровича, затем настала очередь Павлова. Августейшее любопытство было полностью удовлетворено, аудиенция нам была назначена после обеда, как я понимаю, чтобы его высочество еще раз всё обдумал и разложил по полочкам. Мы втроем собрались в кабинете академика заранее и сейчас маемся в ожидании высокого гостя. Иван Петрович сидит, задумавшись о чем-то своём, и невидяще смотрит в окно. Я, примостившись сбоку стола, позаимствовал несколько листов бумаги и карандаш и, желая выйти из режима ожидания, пытаюсь рисовать что-то наподобие творений Кукрыниксов, только применительно к здешнему времени. А заодно выслушиваю ленивые упреки Келлера, который дефилируя по кабинету вперед-назад, увидел мои карандашные извращения. Видно, что Федор Артурович и сам понимает, что вчера у меня другого выхода не было, но по генеральской привычке и, чтобы убить время, старается «снять стружку» с ни в чем неповинного штабс-капитана.

– Денис Анатольевич, вы опять за своё? Вы бы еще мольберт и краски попросили, чего на карандашных-то эскизах останавливаться? У меня вчера глаза на лоб полезли, когда Михаил Александрович ваши художества показал. Второй Васнецов нашелся! Да так талантливо всё изобразил! В школе по рисованию, небось, пятерки были?

– Ваше превосходительство, а вы сами великому князю ничего такого не рассказывали, молчали, как рыба об лёд? Страшных тайн из будущего не выдавали?

– Слова словами и останутся, а вот бумажки с рисунками – это совсем другое дело. Если их кто-то посторонний увидит, что тогда?

– Решит, что кто-то с больной фантазией чего-то там начиркал на бумаге...

– Или увидит путь развития бронетанковой и прочей военной техники на многие годы вперед! Причем – правильный, без всех возможных ошибок.

– Друзья мои, вы спорите не о том, – Павлов берет на себя роль арбитра и вмешивается в нашу перепалку. – Федор Артурович, это вам

хорошо, вся царская семья знает и вас, и вашу честность. А вот чтобы великий князь поверил Денису Анатольевичу, от него требовалась максимальная искренность, в том числе и с карандашом в руках. Что наш штабс-капитан с успехом и сделал.

До меня только сейчас доходит, что Келлер вообще-то нервничает не по-детски. Зная его фанатичную преданность Фамилии, если Михаил не поверит или будет взбрыкивать... М-да, редкое зрелище – двухметровый боевой генерал в растерянности. Но ведь князь же мне поверил, судя по его поведению...

– Великий князь Михаил нам поверил. Почти... – Павлов будто читает мои мысли. – Во всяком случае, по докладу Воронцова, он не пытался отправить никакую корреспонденцию кому бы то ни было и абсолютно безразлично отнесся к хронической алкогольной нирване своих офицеров. Ему просто нужно немного времени, чтобы привыкнуть к этой ситуации. Поэтому, Федор Артурович, прекратите трепать нервы себе и младшему по званию и подумайте, как помягче рассказать великому князю Михаилу о наших планах... О, а вот, кажется, и он сам, я слышу шаги в «предбаннике»...

Фраза о том, что точность – вежливость королей, пока что свою актуальность не потеряла. Обещался в пять пополудни, и – пожалуйста, тридцать секунд – не в счет. Секретарь академика распахивает дверь, мы с Келлером вытягиваемся по стойке «смирно», Павлов тоже поднимается со своего места, и великий князь появляется в кабинете. Почти спокойный, немного напряженную улыбку можно, наверное, отнести к серьезности и необычности предстоящего разговора.

– Добрый вечер, господа! Прошу вас, давайте оставим церемонии для парадов. Тем более что сегодня, как я понимаю, наш разговор должен подойти к своему логическому завершению...

– Да, Михаил Александрович, но чтобы он происходил в менее напряженной обстановке, я предлагаю совместить его с хорошо известным вам мероприятием. Позаимствуем у британцев их традицию «five o'clock tea»... Или вы желаете кофе?

– Пожалуй – кофе. Он у вас какой-то особенно вкусный... – великий князь размышляет совсем недолго. – Денис Анатольевич, чему вы так загадочно улыбаетесь?

– Это – очень страшная тайна, но, вообще-то, самый вкусный кофе заваривает моя супруга... Это, впрочем, моё личное мнение, которое я никому не навязываю.

– Дело в том, юноша, что с некоторых пор мне заваривают кофе

исключительно по рецепту Дарьи Александровны. – Павлов торжествующе ухмыляется. – Когда она была здесь и ухаживала за вами после ранения, поделилась рецептом. Вот так-то...

Секретарь, получив указание, развивает кипучую деятельность, в кабинете при помощи двух горничных появляется столик на колесиках, накрытый белоснежной скатертью, ниспадающей почти до пола, на котором в идеальном порядке расставлен сервиз из множества предметов, нужных и не совсем. Чашки тонкого фарфора с блюдцами на подстеленных салфетках взяли в окружение заварочный чайник, тарелки с тостами и сэндвичами, вазочки с джемом и сахаром, маленькие тарелочки для закуски и такой же миниатюрный молочник, подносик для использованных ложек и кувшинчик с холодной водой. Отдельными цитаделями высятся большой чайник с кипятком и высокий кофейник. Вся комната наполняется ароматом свежесваренного кофе со специями.

Пока идут приготовления, получившийся тайм-аут используется, чтобы вспомнить самые экзотические варианты напитков. Мою попытку похвастаться знанием тонкостей приготовления кофе «по-бедуински» играючи пресекает Келлер, точнее, его альтер-эго, вспомнивший о самом дорогом кофеёчке в мире, который делают из полупереваренных в желудке какой-то тропической зверюшки зерен. Наконец всё готово, лишние уши покидают помещение, и мы приступаем к разговору.

– У меня до сих пор не укладывается до конца в голове всё, что вы, господа, рассказали, – великий князь неловко улыбается. – Слишком уж фантастичная история... Но я склонен вам верить, хотя некоторые сомнения всё же остались. Надеюсь, вы их развеете со временем... Можно, конечно, проработать, так сказать, сценарий в целом, но практически одинаковые, совпадающие до мелочей ответы на произвольные вопросы, которые я задавал и к которым нельзя заранее подготовиться, – это, знаете ли, впечатляет... И теперь у меня остается последний и, наверное, самый важный вопрос – что делать?

– Цель у нас одна – вывести Россию из нынешнего катастрофического состояния и сохранить ее как мировую державу, – Павлов, как наш главный реформатор-теоретик, берет слово. – Это будет очень нелегко, пройти придется через многое, но шансы есть.

– Да, вы рассказывали про грядущую революцию, последовавшую за ней гражданскую войну и разруху, которую преодолели ценой немыслимых усилий. Далее разразилась Вторая мировая война, в которой русский народ понес огромные потери... Но сейчас есть возможность что-то изменить, или это бесполезная трата времени, и все уже предопределено?

– Дело в том, что к сегодняшнему дню авторитет императора сильно подорван... Федор Артурович, я понимаю ваши чувства, но если уже кадровые офицеры называют его «царскосельским сусликом»!.. В стране – вселенский бардак, а его величество занимается отстрелом ворон и кошек! – Павлов сворачивает нотацию и продолжает по существу: – Прошу извинить, Михаил Александрович! Очень скоро благодаря стараниям революционеров слева и рвущихся к власти олигархов справа...

– Простите, Иван Петрович... Хм-м, «олигархия», в переводе – «власть немногих»... – Великий князь заинтересованно смотрит на академика. – Что вы понимаете под этим термином?

– У нас под олигархией понималась ситуация, когда власть и деньги находятся в одних руках. Небольшая группа очень богатых промышленников, сколотивших свое состояние неизвестно какими, чаще всего не очень честными способами. Они же либо сами являются представителями власти, применительно к нашей ситуации, например, депутатами Государственной Думы, либо имеют на коротком поводке таких купленных народных избранников. Возьмите, к примеру, «прогрессистов». У них в программе – парламент с большим имущественным цензом для депутатов. То есть имеешь деньги – имеешь власть... Так вот, очень скоро вся эта грязная накипь, кстати, основательно взращенная на иностранных масонских дрожжах, создаст в стране ситуацию, когда император не сможет удержать власть. Между прочим, одной из причин будет нежелание со стороны его величества что-либо менять, стремление удержаться за устаревшие принципы правления. Николай Второй отречется от престола, передав власть вам. Так что, Михаил Александрович, в скором будущем вам надлежит возглавить Россию.

– Об этом уже болтают чуть ли не во всех великосветских салонах. – Великий князь недовольно морщится. – И это, к сожалению, служит причиной охлаждения моих с братом отношений. Ники видит во мне угрозу своему царствованию, хотя я никогда не рвался к Трону, и, поверьте, господа, годы, когда я был наследником, были для меня достаточно тяжёлыми.

– Михаил Александрович, речь абсолютно не идет о каком-то дворцовом перевороте, – вступает в спор наш ярый монархист Келлер. – Но, отказавшись принять корону, вы уничтожите последний шанс удержать страну от гибели. Да, в нашей истории Россия, правда, под именем СССР возродилась, но чего это стоило, мы уже говорили. Сколькими жизнями были оплачены ошибки правящей верхушки!

– Кстати, а как сложились в той истории ваши судьбы? – великий князь

задает совсем уж неожиданный вопрос.

– Ну, про меня Госпоже Истории ничего не известно, – пора вставить в разговор свои три копейки, а то сижу тут, как посторонний, кофейком балуюсь. – Скорее всего, после той, первой контузии умер в госпитале... Типичная судьба окопного прапора.

– Я оставался монархистом до конца, даже когда многие разочаровались в идее, – снова берет слово Федор Артурович. – Был арестован в Киеве в восемнадцатом и там же расстрелян якобы при попытке к бегству... Да, мою георгиевскую шашку потом таскал бандитский главарь Петлюра.

– Ну, теперь-то он её точно носить не будет. – Павлов многозначительно улыбается генералу, что не проходит незамеченным для великого князя.

– Почему же, Иван Петрович?

– Помер, болезный, на полном ходу из поезда вывалился, – объясняет академик и, уловив какие-то флюиды от великого князя, поправляется на всякий случай. – Бога ради, Михаил Александрович, не подумайте, что мы угрожаем вам! Наоборот, приложим все силы, чтобы с вами ничего не случилось!.. Но есть персоны, которых необходимо нейтрализовать, в том числе и вот так жестко. На мой медицинский взгляд, это – не люди, а чрезвычайно опасные микробы, которых нужно уничтожать, как возбудителей чумы, холеры, тифа...

– И кто в этом списке, позвольте полюбопытствовать? – Что-то не похоже, чтобы собеседник слишком уж испугался.

– Там есть сановники и аристократы, промышленники, банкиры и совсем неизвестная вам публика типа вышеупомянутого покойника Петлюры, Нестора Махно и иже с ними. Само собой, никто не собирается убивать всех, но вот двух названных я бы сам, лично... Но давайте вернёмся к теме разговора. Что касается вашего покорного слуги, то после революции и гражданской войны мои исследования никому не были нужны. Перебивался случайными заработками, голодал, Нобелевскую премию, хранящуюся в банке, национализировали, во время обысков конфисковали золотые научные медали. Потом, правда, большевики спохватились, построили в Колтушах институт, где и работал...

– Извините, господа, за бестактность, спросил, не подумав, – великий князь немного смущен, но берет себя в руки. – Потом, я надеюсь, вы мне покажете эти проскрипционные списки.

– Конечно же, притом вместе с пояснениями, почему тот или иной человек попал в него и как надлежит на него воздействовать. А сейчас

давайте вернемся к самому главному вопросу – что делать?.. Никто из нас не может сейчас назвать детальный рецепт, который поможет решить все проблемы страны. Но есть общие тенденции, которых, как нам кажется, необходимо придерживаться. Во-первых, нужно радикально поменять жизнь именно простых людей, рабочих и крестьян, к лучшему. А вот сюда могут входить уже конкретные дела, типа раздачи казенных и конфискованных земель землепашцам, установление твёрдо оговоренной продолжительности рабочего дня на заводах и фабриках, минимальной зарплаты и так далее, причем всё это – с жёстким контролем, создание действенного механизма защиты простого человека от чиновничьего произвола. Да, бесплатную и обязательную медицину и образование, пусть даже начальное, – тоже в этот список. Надо, чтобы народ почувствовал, что царь – это не только его императорское величество Самодержец Российский, сидящий где-то недостижимо высоко на троне, но и, говоря почти библейскими словами, – «Отец и пастырь для своего народа».

– Однако, Иван Петрович!.. – великий князь ошеломленно смотрит на Павлова. – Ваши предложения... несколько оригинальны, я бы сказал!.. Простой народ, неграмотный, бесправный и забитый... Вы полагаете, на него можно положиться? Уподобиться Емельке Пугачеву с его идеей «народного царя»? Вспомните, чем он закончил...

– Ну, тогда уже больше в качестве примера подходит Петр Алексеевич, не гнушавшийся крестить детей у своих солдат. Но если и брать Пугачева, армия была против восставших, а сейчас она будет заодно с народом. Кстати, Екатерина Вторая приказала учинить тщательное следствие о возможном участии других государств в организации восстания. Тогда это было исключительно внутреннее дело России. Ныне же почти все режиссируется из-за границы.

– Но, Иван Петрович, то, что вы предлагаете, ущемит интересы наиболее образованной и деятельной части общества – дворян, промышленников, купцов, интеллигенции! Тех, кто всегда был опорой трону!..

– Простите, Михаил Александрович, но все вышеперечисленные вместо того, чтобы быть верной опорой, как вы сказали, наоборот всячески мешают и стране, и власти, – пора вступать в разговор, а то занесет его императорское высочество в дебри сословных взаимоотношений, потом долго не выберемся. – Вы – боевой командир, но ваша Дикая дивизия состояла на особом учёте у интендантов. Хотите, я расскажу, сколько трофейных «сувениров» было отдано, чтобы получить то, что полагалось моим солдатам по штату?.. В Минске тесно общался с господами из

Отдельного корпуса жандармов, по их заверениям, все ювелирные изделия скупаются либо снабженцами, либо земгусарами, несмотря на то, что цены подскочили в несколько раз. Откуда у них такие финансы? У меня объяснение одно, прямо по господину Пушкину: пир во время чумы. Они жируют и наживаются на нашей крови, на наших раненых и убитых!.. Хотите еще пример? Не так давно один промышленник предложил выпускать на его фабрике пулеметы. Причем собирался из готовых поставляемых деталей только собирать «максимы», но цену заломил почти в два раза большую, чем на Тульских императорских заводах. Таких примеров можно привести множество! Это вот эти дельцы и воры чиновники – опора трону?..

– Денис Анатольевич, вы меня что тогда в разговоре, что сейчас поражаете своей эмоциональностью, – великий князь улыбается как-то даже чуть снисходительно.

– С возрастом это у него пройдет. К сожалению, – поддерживает августейшую особу Павлов. – Но по сути он прав.

– Но ведь есть еще офицерский корпус! – не сдается Михаил Александрович. – Они верны присяге, честно выполняют свой долг на полях сражений!..

– Кадровый офицерский состав за два года почти уничтожен. И не столько благодаря германцам, сколько нашим генералам. – Надеюсь, что не осерчает будущий император на подобное вольнодумство. – Очень уж наглядно на фронте работает принцип «Бей своих, чтоб чужие боялись»...

– Михаил Александрович, наш штабс-капитан прав, – Келлер, поддерживая меня, перехватывает инициативу. – Вы знаете меня не первый год, поэтому позволю себе быть абсолютно откровенным, в чем прошу заранее простить... Предыдущий Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич – младший не оправдал возложенного на него Высочайшего доверия и с треском провалил кампании четырнадцатого и пятнадцатого годов. В результате мы потеряли огромную территорию, кадровый офицерский состав и хорошо обученных нижних чинов. Сейчас армия – бледная тень той, которая была в начале войны. Ни офицеры, ни нижние чины толком ничему не обучены. Высшее командование погрязло в интригах и озабочено только тем, чтобы их не обошли в чинах и наградах. Я это утверждаю на основе последнего наступления. Ведь и армия, и фронт могли подтянуть резервы к Нарочи...

– Но ведь Николай, приняв главнокомандование, отправил в отставку около ста пятидесяти генералов!

– Да. И на их место пришли такие же бездарности, а то и хуже. Где

сейчас генералы Алексеев, Рузский, Гурко, Поливанов, другие члены Военной ложи, тесно связанной с господином Гучковым, личным врагом государя, возомнившим себя спасителем России? – У Федора Артуровича от волнения слышен обычно почти незаметный акцент. – Это они в нашем мире требовали... Представляете, Михаил Александрович, ТРЕ-БО-ВА-ЛИ от императора отречься!..

– Но, позвольте, на кого же тогда можно опереться в трудную минуту?

– На народ. На простых солдат, крестьян, рабочих, которые увидят в царе надежду на лучшую жизнь. На офицеров-фронтовиков, хлебавших из одного котла с солдатами и зачастую деливших с ними последний сухарь. На немногих генералов, которые остались в той, нашей истории, верны присяге и идее... – Павлов снова вступает в разговор. – И на тех представителей интеллигенции, промышленников, всех, кого вы называли, решивших помочь стране и народу в трудную годину. Таких, я думаю, тоже будет немало. А вот с теми, кто будет против или постарается использовать ситуацию для личного профита, разговор должен быть коротким!

– И куда их?! В ваши проскрипционные списки, господин академик?! И потом расстреливать или сбрасывать с поезда?!

Та-ак, еще немного, и в пылу спора великий князь с Иваном Петровичем начнут орать друг на друга, как две базарные бабы. Надо срочно что-то делать...

– Необязательно расстреливать, можно, например, отправлять Северный полюс от снега чистить или полярных медведей дрессировать. А если холодно кому-то, пжалте, в Среднюю Азию, тушканчиков по пустыне пересчитывать... Я себе еще кофейку налью, а то остынет, пока вы, господа, тут в громкости соревнуетесь. Не домашний всё же, но, как говорится, за неимением графини пользуемся горничной...

Три пары глаз недоуменно смотрят на меня, потом первым не выдерживает и хохочет Павлов, к нему присоединяется Келлер, и даже Михаил Александрович весело улыбается.

– Денис Анатольевич! Хватит клоунаду устраивать... Как был старлеем, так им и остался!

– А вот неправда ваша, товарищ майор! Я теперь – штабс-капитан, четырежды орденоседец и обладатель Георгиевского оружия! Так что со мной... «на вы и – шепотом».

– Хорошо, ваше благородие!.. Мы действительно несколько эмоционально стали обсуждать повестку дня. Приношу свои извинения, ваше императорское высочество!

– Также прошу извинить, сам грешен, – великий князь с интересом

смотрит на нас, затем выдает умозаключение: – Все-таки да, так сыграть нельзя... Кстати, Денис Анатольевич, мысль подсказали дельную, я бы тоже не отказался еще от одной чашечки кофе. Иван Петрович, распорядитесь?..

После появления еще одного кофейника, как две капли воды похожего на первый, снова возвращаемся к серьезному разговору.

– Итак, что вы, господа, считаете необходимым сделать? Вопрос о том, с чьей помощью, оставим пока, мне необходимо время обдумать.

– Первое – производство. Создание индустриально развитой страны и, с опорой на наши знания, качественный скачок вперед. Необходимые условия – тяжелая и имеющая значение для обороны промышленность должна быть государственной, или, на самый худой случай, таковым должен быть контрольный пакет. Список отраслей будет большим, его сможем обсудить позже. Второе – сельское хозяйство. Необходимо наделить крестьян землей, а потом помочь им организовать кооперативы. В качестве обязательного условия – государственная монополия на торговлю хлебом, создание стратегических запасов на случай неурожая и голода.

– Да, если бы это было так же легко исполнить, как и сказать... – задумчиво тянет великий князь. – Чтоб как в сказке – по щучьему веленью, по моему хотенью...

– Про рыбок ничего не скажу, а вот от вашего хотения будет зависеть очень многое, – пользуясь паузой, вклиниваюсь в разговор, чтобы озвучить свою давешнюю идею-фикс: – Изложу на уровне гипотезы, но по предварительным расчетам Ивана Петровича всё вполне осуществимо. После окончания войны фронтовикам предоставить пахотные наделы за счет казенных и реквизированных земель, причем получившие медаль «За храбрость» и Георгиевские кавалеры получают больше десятин, чем простые солдаты. Это касается только фронтовиков, всякие хитрож... мудрые горлопаны из запасных батальонов типа Петроградского гарнизона в расчет не берутся.

Проезд к новому месту обитания – бесплатный, и в качестве привилегии освободить от налогов на два-три года, чтобы обустроились и набрали силу. Те, кому земля не нужна, получают денежную компенсацию.

– Денис Анатольевич, вы представляете, сколько на это необходимо денег?!

– Да, Михаил Александрович, но примерно знаю, где их взять. – Ответ заранее оговорен с Павловым и Келлером, так что эта парочка просто следит за ходом разговора. – Опираясь на мировой опыт... нашего времени,

провести кампанию «Откуда у тебя это?». Добровольно сдавшие нечестно заграбастанные средства считаются реабилитированными и освобождаются от преследования...

– Вы – утопист, никто и не подумает расставаться со своими кубышками! – говорит князь, торжествующе улыбаясь. – Или вы не знаете характера русского человека?

– Простите, но я не закончил мысль. Перед этим провести с десятков образцово-показательных судебных процессов по всяким там мздоимствам, лихоимствам, хищениям из бюджета. Широко осветив процессы в прессе. Наказывать по вновь введенным дополнениям к Уложению о наказаниях уголовных. Приравнять все эти действия во время войны к подрывной деятельности, содействию врагу и измене Родине. Имущество виновных конфисковывать в казну, самих лишать гражданских прав и отправлять на отбывание трудовой повинности по приговору на несколько лет.

– Но... Но тогда придется пересажать весь чиновничий аппарат!.. А кто работать будет вместо них?

– Мне кажется, достаточно подвергнуть сей процедуре процентов двадцать самых отъявленных казнокрадов, остальные быстро поймут, что безопаснее для здоровья быть честными.

Великий князь довольно долго переваривает информацию, по-моему, у него сейчас в голове разрыв шаблона. Но не сдаётся и после паузы выдает еще один важный вопрос:

– Хорошо, а кто всем этим будет заниматься? Это ведь такие авгиевы конюшни, что... Где найти людей, которые будут разгребать эти завалы?..

– Отдельный корпус жандармов, предварительно очищенный от ненужного балласта в виде ненужных кабинетных администраторов, Департамент полиции, прошедший ту же процедуру, обер- и штаб-офицеры, именно фронтовики, а не те, кто за редким исключением надрывается в штабах, перекладывая бумажки... Ну, и та часть интеллигенции, которая решит делом подтвердить свою болтовню о том, как они заботятся о светлом будущем России. Вполне возможно, что к вышеперечисленным примкнет часть наших революционеров, стоящих на позиции реформаторства, а не разрушения всего и вся. Среди эсеров и социал-демократов есть вменяемые люди, если им дать возможность работать на благо страны и народа, думаю, они с радостью согласятся. Ну, а сторонников террора и вооруженных восстаний заносить в проскрипционные, как вы говорите, списки и давить, как тараканов...

– Денис Анатольевич, вы еще про партию свою расскажите, – подает голос долго молчавший Келлер и, заметив выражение моего лица,

добавляет: – Нет, я вполне серьезно, мысль здравая.

– Это, скорее, не партия, а общественное движение с рабочим пока наименованием «Российский общевойинский союз», сокращенно – РОВС. Будет объединять всех фронтовиков, пожелавших вступить в него, начиная от простого солдата и до генерала... – Заодно и название реабилитируем в отличие от нашей истории. – Тут мы уже уходим в идеологическую работу, которая в империи почти не велась. Официальная цель – взаимопомощь и поддержка фронтовиками друг друга. В свете вышесказанного о земле это может здорово облегчить создание сельскохозяйственных кооперативов, которые, к примеру, будут иметь льготы и поддержку сверху. – Хитро гляжу на внимательно слушающего мои фантазии Михаила Александровича. – Ведь его императорское величество тоже будет членом этого союза, как боевой генерал... При должной с ними работе революционным агитаторам не останется никаких шансов, достаточно будет объявить последних вражескими провокаторами. Что вскорости и придется сделать, потому как где-то через полтора годика по Германии в Швецию проследует опломбированный вагон с нашими эмигрантами от социал-демократии. Не сумев победить нас на фронте, Вильгельм, точнее, некоторое его окружение постарается вывести Россию из игры с помощью революционных волнений. И примерно в это же время из САСШ приплывет некий Лейба Бронштейн с группой «товарищей». Имея очень даже неплохое финансирование и ту же самую задачу... Вы уже слышали об этом, Михаил Александрович? Так вот, если солдаты увидят, что проворовавшиеся снабженцы роют для них окопы в составе трудовых рот, если какой-нибудь командир, будь то хоть генерал, хоть полковник, хоть поручик, бездарно уложивший свой личный состав, будет разжалован и отправлен в те же землекопательные подразделения по Высочайшему указу, лозунги типа «Царь – тиран и кровопийца» будут для них пустым звуком. А агитаторы тоже возьмут в руки лопаты и будут изо всех сил помогать...

– Денис Анатольевич слишком эмоционально и преувеличенно обрисовывает картину, но рациональное зерно в его рассуждениях есть, – Федор Артурович берет продолжение разговора на себя. – Идея «Жалует царь, да не жалует псарь» не вчера родилась.

– Федор Артурович, господа, но вы же сами прекрасно знаете, что в большинстве своем нижние чины – это малограмотная, темная, стихийная масса! – великий князь никак не может уложить в голове реальный расклад сил.

– И тем не менее, эта стихийная и малограмотная масса вскоре может смести с лица земли то, что называется Российской империей! – теперь уже

Келлер начинает проявлять эмоции. – Плевать на то, что погибнут еще три империи, меня заботит только Россия и российский император! Необходим лидер, который поведет эту массу за собой на благо страны, а не какой-то мировой революции!

– Да, Денис Анатольевич, вы правы. – Павлов услышал мое бурчание «Не можешь предотвратить пьянку, – возглавь ее». – России нужен лидер, и единственный шанс – у вас в руках, Михаил Александрович... Но всё-таки дайте закончить нашему юному другу.

– По идеологической работе... Это, конечно, надо делать не срочно вчера, но и медлить нельзя. Возрождать Сокольские общества для юношества, тоже под эгидой императора, причем начинать с возраста в семь-восемь лет. Сейчас из-за войны столько детей потеряли родных, стали беспризорниками! Для них создавать интернаты, но не такие убожества, как существующие дома призрения. Каждый пацан должен ощутить, что он – не изгой, что о нем думает и заботится Сам император! Поэтому – учиться, учиться и учиться... – Дьявол, уже Ленина цитировать начал!.. – В общем, в обязательном порядке хотя бы начальное образование, практические ремесла, если душа к ним лежит. Те, у кого хорошо идут науки, – в отдельные классы с углубленным изучением предметов и последующим поступлением в гимназии, университеты, училища. И забыть напрочь про указ о кухаркиных детях – такой громадный потенциал теряем!.. В Гомельских железнодорожных мастерских, мне тесть рассказывал, работает простой столяр. С начальным образованием. Но получивший официальную привилегию на изобретение вертолета! Сколько таких уже сгинуло в безызвестности, как лесковский Левша?! Далее, на каникулах – обязательные для всех летние оздоровительные лагеря на базе воинских частей, взявших шефство над интернатами. В качестве развлечений – изучение основ военного дела и подвижные игры на свежем воздухе...

– Денис Анатольевич, вы так красиво все описываете, только вот сейчас это практически невыполнимо, – в княжеской интонации явно слышен скепсис.

– А вот тут все зависит от командира и солдат, точнее, от той атмосферы, которая царит в подразделении. У меня, кстати, в батальоне двое воспитанников, брат с сестренкой. Чувствуют себя замечательно, сыты, одеты, обуты, девочка готовится к поступлению в гимназию, парнишка уже служит ординарцем. На время боевых действий остаются с нашими нестроевыми, а так – целый батальон дядек у них.

– Где же вы их подобрали? – Брови великого князя удивленно

поднимаются.

– В Минске случайно на улице встретил...

– Да рассказывайте уже полностью, Денис Анатольевич! – усмехается Келлер. – Случайно встретил, случайно отобрал у содержателей публичного дома, так же случайно разгромил воровской притон и случайно вышел на след германской шпионской сети.

– Это правда? – Высочайшее удивление не проходит. – И как вам это удалось?

– Воровские замашки против моих диверсантов не проходят по определению. Провели типовую операцию «Скрытое проникновение и захват вражеского объекта».

– Что ж за солдаты такие у вас служат?.. Я уже достаточно заинтригован. – Великий князь как-то неуверенно излагает просьбу: – Хотелось бы глянуть на ваш батальон. В гости пригласите, Денис Анатольевич?

Непонятно, откуда такая скромность. Генерал, да ещё и великий князь просит разрешения приехать в гости! Ха-ха три раза!.. Неужели думает, что мы от него что-то утаиваем?..

– Всенепременнейше, Михаил Александрович! В любое время, когда скажете! И продемонстрируем все, на что способны.

– Хорошо, благодарю за любезность... А сейчас, господа, не считите меня таким уж глупцом, но давайте еще раз обсудим все ваши предложения...

Опять почём за рыбу гроши? Хотя, действительно, сам тоже пока не очень представляю, как и что будет...

– ...Больше всего меня заботит, кто и какими методами будет сопротивляться нашим реформам.

Оп-паньки! Уже – «нашим реформам»!.. Это радует, значит, дело сдвинулось с мертвой точки, великий князь нам поверил и даже отождествляет себя с нашей компанией. Ради такого случая можно еще раз п-дцать повторить, была бы от этого польза. А что касается сопротивления...

– Михаил Александрович, я понимаю, что шутить о венценосных особах довольно опасно, но у нас существовал такой анекдот: «Императора Петра Первого спрашивают, что такое «гласность» и «плюрализм». Он отвечает, что гласность – это когда бояре в Думе громко критикуют мои единственно правильные решения, а плюрализм – это когда они по углам шепчутся, в какие монастыри я их за это сошлю...»

Глава 24

И опять на вокзал, и опять поезда,
И опять проводник выдаст белье и чай.
И опять не усну, и опять сквозь грохот колес
Мне послышится слово «Прощай»...

В голове, убаюканной мерным перестуком рельсовых стыков, навязчиво крутится песня Цоя. Почему-то в поезде почти всегда впадаешь в какое-то отрешенное состояние, когда мозг упорно не хочет думать о чем-то конкретном и настраивается на философский лад. На носу – экзамены, к которым нужно все доучить и повторить, в конце эшелона прицеплена платформа, на которой под охраной двух пятерок едет в Ораниенбаум для демонстрации и обкатки в полигонных условиях один из наших самопальных броневинов, укрытый импровизированным брезентовым шатром, прячущим его, кунг с часовыми, и оставляющий на всеобщее обозрение только трубу печки-буржуйки. Федоров через начальника школы прислал вызов-приглашение прибыть для обсуждения дальнейшей судьбы «изобретенной» мной бронетехники, а заодно и пистолетов-пулеметов с тактикой их применения. В купе едем вчетвером: два штатных водителя (один в качестве механика), вольнопер Илья Буртасов в роли будущего командира бронеавтомобиля и я, как самая главная дежурная зад... персона, которая отвечает за всё и на которую можно повесить всех собак в случае неудачи.

Вся эта весёлая тройка моих попутчиков уже дрыхнет, претворяя в жизнь основную армейскую заповедь всех времен и народов «солдат спит, а служба идет», только я сижу и бездумно вглядываюсь в темноту за окном. Столько дел, а в голове крутятся почему-то недавние события...

Из Института в батальон я вернулся с Семёном и его приёмным. И пройдя КПП, в очередной раз убедился, что солдатское радио действует гораздо быстрее сарафанного. Еще за полсотни метров до казармы навстречу нам появляется вездесущий Змей-Егорка, усиленно делающий вид, что спешит куда-то с неотложным поручением командования. Увидев нас, делает демонстративно честные глаза, кидает руку к папахе...

– Здравия желаю, вашбродь!

– И тебе не хворать, чего разорался?

– Командир... дозволю с Семеном поздороваться по-нашенски?.. – Рукопожатие получается громким, почти как пистолетный выстрел, затем Змеюка, чуть ли не повизгивая от восторга, как барышня, пытается облапить сибиряка. – Ну, здоров будь, чалдон!..

Ловко увернувшись от подзатыльника протезом, Егор вопросительно смотрит на меня и, получив разрешающий кивок, поворачивается и, рискуя разорвать легкие, высвистывает «Все ко мне!!!». Из казармы вылетает толпа, и я имею удовольствие наблюдать со стороны картину «Первый состав в атаке на буфет, в котором кончается пиво», правда, без оружия. Отмахиваясь от нестройного хорового «Здра жла, вашбро!», прибежавшая банда окружает Семёна, слышны радостные вопли, гулкие хлопки по спине и другие проявления положительных эмоций.

– Вы ему вторую руку-то целой оставьте, умники, блин!.. Семён, освободишься от этих радостных придурков, шагай на хозблок, мы с Матвеем там будем!

Беру свой тревожно-дорожный чемодан, паренек взваливает на плечо свою ношу, и незамеченными уходим с этого праздника жизни. Правда, очень быстро нас догоняет Котяра. Буквально выхватывает у меня из руки багаж, легким движением подхватывает Семёнов солдатский сундучок и тюк с нехитрыми пожитками с Матюшиного плеча, чуть не прихватив заодно и пацанёнка, и уносится вдаль, успев ляпнуть на ходу:

– Командир... Эта... Я – Ганку предупредить!..

Ну да, ну да, именно за этим этот тяжелый боевой слон и рвёт подметки на кухню... Ладно, а мы пойдем важно и неторопливо, как и положено большому начальству. Хотя сейчас бы, наверное, обогнал Кота, чтобы, как ляпнул Змей, поздороваться с женой. Долго-долго бы здоровкался...

Но не всё так плохо: когда мы заворачиваем за угол, на крыльце медсанчасти уже стоит моя ненаглядная. Довольная и радостная, в наброшенной на плечи шубке. Надо будет немного поворчать, чтобы береглась от простуды, но это потом, вечером. А сейчас будем знакомить её с будущим секьюрити.

– Здравствуй, родная! Я вернулся. Знакомься, это – Матвей, племянник Семёна-сибиряка, я тебе про него рассказывал... – Взбегаю на крыльцо и чмокаю Дашу в щеку, затем поворачиваюсь к парню. – А это – моя супруга Дарья Александровна.

Вот что значит офицерская жена! Никаких вопросов типа кто такой, откуда взялся на нашу голову, зачем нам лишняя обуза и так далее. Муж привел, значит, так и надо! Стоп, не расслабляться, мне еще объяснять на

какой-то случай ей дома охрана понадобится...

– Здравствуй, Матвей. – Дашенька улыбается пареньку и приглашающе машет рукой. – Заходи, замерз, наверное. Сейчас чаю согреем...

Шепчу ей на ушко, что исчезаю очень ненадолго по служебной надобности, и бегу докладываться капитану Бойко...

Продолжение разговора следует вечером, но без излишних всплесков эмоций, которых я опасался. Известие о том, что «этот милый мальчик» и мужик с протезом вместо руки будут её охранять, вызывает у моей ненаглядной только лёгкое недоумение, типа «а зачем?».

– Денис, мне кажется, что ты преувеличиваешь какую-то невесть откуда взявшуюся опасность. Что или кто может мне грозить? Дома – папа, дядя Миша, они оба охотники, в доме полно ружей, да и твой подарок в целостности и сохранности...

– Милая моя, дело в том, что... В общем, я сам недавно узнал, что за мою голову германцы назначили премию аж в сто тысяч марок. Сейчас, само собой, никто до такого не додумается и не опустится, но в моё время использовать родных и близких людей в качестве приманки было в порядке вещей. Вот я и хочу эту абсолютно гипотетическую вероятность свести к нулю.

– Вот-вот, в твоё время царили такие ужасные нравы, и после этого ты ругаешь наш мир!.. Ладно, ладно, не шуми, я помню всё, что ты рассказывал... Хорошо, я соглашусь, в конце концов, хоть кто-то расскажет мне, чем занимается мой муж, а то он или где-нибудь в отъезде, или отмалчивается, ссылаясь на свою дурацкую секретность. Как будто мужчина должен иметь какие-то секреты от своей жены!.. Но как мы объясним все родителям?

– Я сам объясню то же самое Александру Михайловичу, надеюсь, он будет не против. Начинается весенне-летний сезон, Семёна можно представить, как... ну, например, помощника по хозяйству или садовника. А Матюшу, очень надеюсь, он сможет пристроить в мастерские хотя бы на побегушках...

До Гомеля доехали спокойно и благополучно в отдельном купе, воспользовавшись по блату бронью жандарского управления и подкрепив ее красивой купюрой проводнику, чтобы не задавал лишних вопросов. Тяжелее всех пришлось Матвею, в которого Даша всю дорогу пыталась впихнуть все вкусняшки, приготовленные Ганной. Как и положено будущему военному служащему, парень пытался стойко переносить тяготы и

лишения, но, в конце концов, сдался на милость победительницы.

Встретившие нас на вокзале Александр Михайлович с Полиной Артемьевной лишь на секунду растерялись, увидев незнакомых людей, но виду не показали. Оказалось, моя самая умная в мире супруга отбила маме телеграмму примерно следующего содержания: «Договоритесь с тётёй Таней, приезжаем вчетвером, всё объясним после». Пресловутая тётя жила через забор и много лет работала в качестве прислуги, а потом и няни маленькой Даши. Прислугой, точнее – домоправительницей, она была из той породы старых слуг, которые пекутся о благополучии хозяйского дома больше, нежели о собственном, и в трудную минуту приносят свои сбереженные на черный день копейки, чтобы поддержать семью, кормившую их в лучшие времена. Но и у которых сами хозяева по струнке ходят, если понадобится.

Еще на свадьбе получил вполне серьезное предупреждение, что если хоть чем-то обижу «её красавицу», то, несмотря на все свои кресты и благородное происхождение, буду убегать от печного ухвата до самого вокзала. Причем, как я понимаю, конечный пункт маршрута был выбран не из-за физических возможностей тёти Тани, а по причине слабого знания ею близлежащей географии. Мужа-железнодорожника она давно схоронила, обе дочери вышли замуж, так что свободной жилплощади у нее было в достатке.

После торжественного представления друг другу всех персон, совмещенного с ужином, Семен с Матюшей отправились осваивать новое ПМЖ. Против моей «бредовой» идеи никто не возражал, Александр Михайлович был рад знакомству с опытным промысловым охотником, его младший тезка обрадовался появлению нового друга и спарринг-партнера, с которым будет тренироваться под присмотром «дядьки» Семёна в обмен на обучение Матвея грамоте и прочим гимназическим наукам, ну а Полина Артемьевна высказалась примерно в том духе, что принимать решения – это удел мужчин, но ежели что – мало никому не покажется. Ну, прямо золото, а не теща! Тем более что финансовую сторону вопроса, несмотря на мои протесты, решил наш академик, резонно заметив, что он и на менее важные дела тратит иногда гораздо больше, и речь идет о персоне, характеризуемой словами: «Она теперь – наша».

* * *

Поэтому, побыв сутки в гостях и уединившись для важного разговора с

женой, которая вечером тихонько шепнула, что пока еще всё можно и не надо терять время даром, вернулся на базу, чтобы теперь осваивать законы гостеприимства уже в качестве хлебосольного хозяина, потому как на следующий день прибыли давно ожидаемые «морские волки» во главе с лейтенантом Вороновым. В обычной сухопутной форме, только на левом рукаве у каждого вышит якорь. На лицах – непробиваемая уверенность в том, что они, как минимум, на порядок лучше окружавших их «всяких там сухопутных крыс». Господи, как новая группа командированных, так те же самые, набившие оскомину, дешёвые понты. Господа жандармы-то поумнее, привыкли слушать и слышать собеседника, достаточно было простого словесного внушения. А у этих гонор аж зашкаливает. Ну как же, во-первых, гвардия, ёпть, а во-вторых, флот – это флот, а не какие-нибудь земляные червяки! Придется вразумлять, да так, чтобы дошло сразу и надолго. Типа, фэйсом об тэйбл. Или тэйблом по фэйсу...

Десяток крепеньких таких детинушек с лихо закрученными усами и стоящий рядом лейтенант флота... По существующей иерархической лестнице поглавнее меня будет, и мои четыре звездочки против его трех не пляшут. У него – восьмой чин в Табели о рангах, у меня – девятый. Так что идем и представляемся первыми, как и положено радушным хозяевам.

– Здравствуйте, господин лейтенант. Штабс-капитан Гуров, Денис Анатольевич. Согласно приказу вы и ваши подчиненные будете проходить обучение в моей роте.

– Лейтенант Воронов, Павел Алексеевич, здравствуйте, господин штабс-капитан.

– Пойдемте в расположение, пока ваши люди будут размещаться, мы тем временем побеседуем, ведь у вас накопилось много вопросов, не так ли?..

Для марсофлотов оборудовали отдельное помещение в соседней казарме, и, пока они обживают свой кубрик, мы с лейтенантом идем в канцелярию для вводного разговора.

– Чайку с дороги не желаете? – Наливаю себе и гвардии летёхе флота по чашке ароматного напитка из свежераскопеченного по такому случаю самовара, стоящего на столике. – Хочу сразу предупредить, дело сугубо добровольное, но все наши офицеры пользуются общим табльдотом здесь, в расположении. Наша главная шеф-повариха ни разу не дала повод в чем-то ее упрекнуть.

В подтверждение моих слов в дверях появляется Алеся с корзинкой свежей выпечки и, смущенно улыбаясь незнакомому офицеру, ставит её рядом с самоваром и исчезает за дверью.

– А что здесь делает этот ребёнок? – Воронов недоумённо смотрит на меня. – Это – ваша прислуга?

– Нет, что вы. Девочку с братом взяли на казенный кошт, они теперь – воспитанники, образно говоря, – дети батальона. Она готовится к поступлению в гимназию, в свободное время помогает на кухне, причем абсолютно добровольно.

– Денис Анатольевич, давайте сразу договоримся обходиться без официоза, – Воронов немного выбит из колеи, но быстро берет себя в руки. – Я получил приказ отобрать для учебы десять нижних чинов и прибыть к вам... Но я не могу никак понять, чему мы можем здесь научиться. У нас – своя специфика, мы проходили обучение перед...

– Перед планировавшейся, но отменённой операцией по высадке десанта на Босфоре. Я ни в коей мере не посягаю на ваши флотские дела, но то, что касается войны на суше, тут мы можем кое в чём помочь вам. Сейчас я не буду долго и нудно испытывать ваше терпение, давайте сделаем так. Минут через пятнадцать выдвинемся на тактическое поле... – видя непонимание, объясняю более подробно: – Место, где мы отрабатываем отдельные виды боевых действий. Пройдем к стрельбищу, это недалеко... около мили по-вашему, по-флотски, где и посмотрим, на что способны представители Гвардейского экипажа. Единственная просьба – не хвататься чуть что за оружие. А пока попробуйте свежие булочки, наша Ганна специально старалась к вашему приезду.

– Ганна – это ваша кухарка? – лейтенант немного в смятении и рад сменить тему.

– Уже нет. Просто кухаркой она была еще с полгода назад. А сейчас руководит процессом приготовления пищи на весь батальон. Так сказать наш шеф-повар. На данный момент ей подчиняются все кашевары и прочая обслуга.

– Интересно посмотреть на женщину, командующую таким большим количеством мужиков, – Воронов, еще не решив, как себя вести, пытается шутить. – Наверное, бабища ого-го.

– Вовсе нет. Худенькая и невысокая девушка восемнадцати лет от роду.

– Но как же?..

– Дело в том, что мы гоняем наших солдат до седьмого пота. Но и пища у них должна быть калорийной и вкусной. И если выяснится, что она попросила сделать вот так, а кто-то сдуру её не послушался и это сказалось на качестве... Эти самые солдаты всегда докопаются до истины. До рукоприкладства, может быть, и не дойдёт, но виновникам будет ну очень неуютно несколько дней... и ночей.

– Денис Анатольевич, вы меня заинтриговали! Такое ощущение, что я попал в другой мир!

Что, собственно, и требовалось. Подождите, ваше гвардейское благородие, это еще цветочки, ягодки мы с вами чуть позже увидим.

– Может быть, и другой мир. Но это каждый решает для себя... Павел Алексеевич, если вы готовы, пойдёмте...

* * *

– Итак, боцман, ваша задача: отконвоировать двух важных пленных в условный штаб, находящийся вон в том направлении, – обращаюсь к фельдфебелю, обзывая его по-флотски с подачи Воронова. – Винтовки выданы всем, проверьте, чтобы были не заряжены. Ещё не хватало дырок друг в друге понаделать.

– Коли их благородие господин лейтенант прикажет... – Мореман с тщательно замаскированной под тупую исполнительность наглостью смотрит на меня, типа у него свое начальство имеется.

– Павел Алексеевич, прошу вас распорядиться.

– Федоркин, выполнять команды господина штабс-капитана!

– В роли пленных будем мы с господином лейтенантом, – продолжаю, переждав клацание затворов. – Порядок построения – как считаете нужным. Идём вот по этой тропинке. Предупреждаю, враг не дремлет и во время движения возможны разные неожиданности. Готовы?.. Действуйте!..

Будущие морпехи берут нас в кольцо, и мы, не торопясь, шагаем к рожице, через которую надо пройти, чтобы попасть на стрельбище. Когда втягиваемся в редколесье, народ начинает водить стволами из стороны в сторону, безуспешно пытаясь обнаружить противника между чахлыми березками. Оно и понятно, моряки к простору привычны...

– Денис Анатольевич, я смотрю у вас в роте германское оружие...

– Да, причем каждая винтовка – личный трофей её хозяина. У нас существует обычай, ритуал посвящения, что ли... Пока солдат сам не сходит на ту сторону и не добудет себе оружие, убив при этом германца, он не считается проходящим службу в батальоне. Естественно, всё делается под присмотром и со страховкой товарищей.

– Так что, все ваши солдаты до последнего?.. – Воронов не может скрыть своего удивления.

– Да, все. Недавно вот прислали телефониста. Вроде штабная должность, но наравне со всеми сходил и добыл себе карабин...

Лейтенант неверяще смотрит на меня, а мы тем временем вываливаемся таким плотненьким стадом на небольшую полянку. Вот сейчас пойдет потеха!.. Проходим еще несколько метров, коротко чирикаю «Атаку». Сугробы на поляне вдруг взрываются комьями подтаявшего снега, белые фигуры моментально преодолевают несколько метров до опешившего «конвоя». Еще секунда-другая, и незадачливые охранники обездвижены. Пара, шедшая впереди, успевает среагировать и замахнуться прикладами. Потом получается как в анекдоте про электрика на столбе – «когти в одну сторону, пассатижи – в другую». Все лежат, кто на удушении, кто на болевом. Гриня своего клиента красиво связал – руки заломал назад, винтовку между ними и спиной просунул и ремень морячку на лоб натянул, отогнув назад голову. И теперь гвардейцу ни встать, ни... ничего не сделать. Митяй ремень с противника снял, локти за спиной стянул и сверху веревочку петель на шею привязывает. В общем, мастер-класс по высшему разряду!..

Оборачиваюсь к застывшему аки соляной столб Воронову:

– Вот как-то так... Разрешите представить, Павел Алексеевич, Первый отдельный батальон специального назначения в действии. Вам понравилось? Десять безоружных бойцов против конвоя в десять стволов... Командиры, освободить всех!.. В реальных условиях была бы куча трупов без единого выстрела. А потом тихонько бы ушли, оставив на пути отхода парочку взрывоопасных сюрпризов для преследователей... Отставить!..

Один из мореманов, видно, обиравшись на то, что его спеленали, как дитёнка, как только освободил шаловливые ручки, сразу решил прямым правым откорректировать улыбку Змеюки, который стоял рядышком. Егорка, подобно тореадору, элегантно ушел с линии удара и подсечкой отправил своего «быка» тормозить носом и передними копытами по снегу.

– Морозов, прекратить!! – лейтенант с секундным опозданием дублирует команду, затем пытается отстоять честь мундира. – Но все произошло так внезапно, мои матросы были к этому не готовы! Так никто не воет!

– Павел Алексеевич, все вокруг считают, что времена благородных рыцарей давно прошли. Хотя я и не согласен с этим, мы так воюем уже почти год, и колбасники это в достаточной степени оценили. Последний раз во время Нарочанской операции.

– Пойдите! – Воронова вдруг осеняет. – Вы – Гуров-Томский!.. Господи, как я сразу не сообразил!.. Наслышан о ваших подвигах, Денис Анатольевич!

– Ну, всё мне одному приписывать не надо, без них я бы там ничего не

сделал, – киваю на своих бойцов. – Однако идемте дальше, нас, наверное, уже заждались...

На стрельбище нас встречает Димитр Стефанов с десятком своих штурмовиков. Мишени уже установлены, раздатчик патронов стоит возле раскрытого ящика, все готово ко второму акту пьесы.

– Павел Алексеевич, давайте устроим небольшую экзаменацию по стрельбе. По три пристрелочных вашим орлам хватит?.. Хорошо, пусть будет пять, чтобы немного освоились с оружием. Упражнение простое, два – стоя, три – с колена...

После разминочной стрельбы идем смотреть результаты... В принципе, неплохо. Есть и десятки, и «молоко», но в целом – выше среднего. Теперь усложняем задачу.

– С вашего позволения, Павел Алексеевич... Боцман, ты остался за командира, задача – наступать и захватить окоп противника в виде мишеней. Стрелять начинаете отсюда, дистанция – сто пятьдесят шагов, заканчиваете возле вон того бревна, там до мишеней полста шагов. Оценивается и количество попаданий, и время. Получайте патроны, заряжайтесь, и – на исходную...

По команде «Вперед!» военно-морская гвардия дружно ломится к «окопам противника», отстреливая на ходу по пять своих выстрелов. Для полноты ощущений не хватает только криков «Ура!» и знаменитой флотской «Полундры».

– Смотрите, Павел Алексеевич, как хорошо их видно, – слежу за секундной стрелкой и одновременно пытаюсь общаться с Вороновым. – Ну, прямо мечта пулеметчика... Да не обижайтесь, потом бойцы Димитра Любомировича то же самое сделают, тогда и поговорим... Время – стоп! Идемте считать попадания...

Дырок в мишенях оказалось поменьше, из пятидесяти выстрелов находим только восемнадцать попаданий, но это приводит лейтенанта в более веселое настроение.

– Видите, Денис Анатольевич, мои матросы почти по два раза «убили» все мишени!

– Павел Алексеевич, давайте посмотрим, что покажут штурмовики. И попытайтесь взять на прицел хоть пару бойцов, – передаю лейтенанту разряженную винтовку.

Штурмовики показали то, что от них и требовалось. Передвижение перекатами в двойках и стрельбу с колена. Разумеется, за меньшее время. И дырок в мишенях наделали побольше, аж целых сорок две.

– Ну вот, время – меньше, попаданий – больше. И смогли вы взять на

мушку кого-нибудь?

– Нет... Но, черт возьми! – прорывает Воронова. – Это же не по Уставу! Где этому можно было научиться?!..

– Вспомните Петра Первого: «Не держись Устава, яко слепой стенки». А насчет учёбы – простите, а вы зачем сюда приехали, а?..

Мигающие во тьме огоньки заставляют очнуться от воспоминаний. Скоро станция, значит, нужно сходить посмотреть, как там мои сторожа на платформе, всё ли в порядке. Потом, пользуясь ночной темнотой и безлюдьем, выкурить на перроне папироску на ночь, и – спать. Завтра, сударь, вас ждут великие дела...

Глава 25

По-весеннему тёплое солнышко прочно обосновалось на почти безоблачном небе, вкупе с легким влажным ветерком свидетельствуя о стратегической победе весны над зимними холодами. Хуже погоды для испытаний моей «бронереношки», блин, и не придумать. Выделенный участок полигона, покрытый кое-где ещё не растаявшими до конца, но представляющими сплошную слякотную массу сугробами, развезло не по-детски, а если учесть, что под ними могут таиться неприятные сюрпризы типа ям и колдобин, то это совсем грустно. Хорошо хоть, что грязь под ногами не чавкает, но машине от этого будет не намного легче. Одна, но очень слабая надежда на то, что ранним утром, после ночного заморозка кое-где еще остались островки наледи.

Принимая во внимание очень скоро предстоящие экзамены и, как следствие, мой режим ошпаренной кошки, генерал Филатов разрешил немного сдвинуть график работ в бронемастерских и выделил аж целый день на сегодняшнее шоу. И сейчас стоит рядом с немногочисленной свитой спецов на бугорке, дабы не запачкать тщательно начищенных сапог, ожидая начала праздника, в смысле, рапорта старшего унтер-офицера Буртасова о готовности к старту. Илья с механиками до позднего вечера готовил нашего монстра к утреннему триумфу, вместе с коллегами что-то там подкручивая, регулируя и общаясь на непонятном мне техническом языке, но на повышенных тонах и с применением некоторой доли ненормативной лексики...

– Что, господин штабс-капитан, волнуетесь? – генерал, глядя на меня с хитрецей, решает скоротать время.

– Так точно, ваше превосходительство. Ни для кого же не секрет, что у всех авто в инструкциях предписано съезжать с твердого дорожного покрытия только в случае крайней необходимости. А тут вот такое...

– Ничего, ничего, в этом вопросе вы не одиноки. Давеча вон Владимир Авельевич очередной «Гарфорд» с Путиловского испытывал, тот и полсотни шагов не проехал, завяз по самые ступицы. Пришлось его американским «Холтом» вытаскивать. Еле справились.

– Ваше превосходительство, мы же ещё до испытаний говорили о том, что шасси перегружено. Пулеметы-то ладно, но трехдьюмовка... По моему мнению, надо ставить что-то одно. – Подошедший Мгебров разводит руками. – А тут еще водитель лужу прозевал.

– Вот поэтому, Владимир Авельевич, я и прошу вас оставить на время все дела и помочь с трехколесками. Через пару недель господа из Комиссии по броневым автомобилям и ГАУ пожалуют, надо не ударить в грязь лицом. В прямом и переносном смысле...

Мгебров вчера с обширными комментариями продемонстрировал мне очередное достижение инженерной мысли начальника Школы. Используя найденные где только можно запчасти от разбитых и испорченных легковых автомобилей, в мастерских собирали из мостов, карданов и прочего железа трехколесные «самобеглые коляски», бронированные только спереди. Бензиновые движки где-то по восемнадцать – двадцать пять «лошадок», переднее колесо на гипертрофированной мотоциклетной вилке и облегченная трехдюймовая пушка, для стрельбы из которой нужно было опустить специальный сошник. Из-за дефицита орудий трехколески пока оснащались двумя максимами и показали на испытаниях очень даже неплохие результаты...

– Ваше превосходительство, разрешите обратиться к штабс-капитану Гурову! – подошедший Илья козыряет, вытягиваясь по стойке «смирно», и ставит многоточие в нашем разговоре, а, после разрешающего кивка, докладывает: – Ваше благородие, автомобиль к испытаниям готов!

Поворачиваюсь, чтобы доложить генералу, но тот опережает меня взмахом руки, мол, давайте, чего уж там.

– Ну что, твои орлы готовы? Смотрите, братцы, не подкачайте. – И потом громко и официально: – Заводи! Вперед!..

Буртасов залезает внутрь, с лязгом захлопывается железная дверца, один из механиков крутит «кривой стартер», движок заводится, и спустя минуту наш БТР уходит от красного стартового флажка... Ну, давай, родной, не подведи!.. У тебя же обе задние оси ведущие, целых восемь колес!.. И хрен с ним, что всё самодельное и привод на цепях Галля, должны выдержать!.. Ну, давай, давай же!.. Ай, молодец, небольшая лужа, но газ не сбросили, проехали на прежней скорости, умницы!.. До проволочных заграждений остается совсем чуть-чуть... И машина попадает в большое такое месиво!.. Бл...! Да твою ж маман!!

Все попытки вылезти из лужи оказываются неудачными, и выручать застрявшего «Реноху» отправляется «Холт».

– Ну что, Денис Анатольевич, первый блин комом? – его превосходительство сочувственно сыпет соль на рану. – В утешение скажу, что даже эту дистанцию не все проходят. Сколько вам нужно времени, чтобы подготовить автомобиль ко второму заезду?

– Полчаса, ваше превосходительство.

– Хорошо, действуйте. Да, и покажите-ка мне эти... гусеницы, как вы их назвали.

А что там показывать, их уже мои механики с помощью местных добровольцев на колеса натягивают. Резиновая лента с наклепанными снаружи через каждые тридцать сантиметров уголками-грунтозацепами и крепящимися к ним же внутри небольшими железными пластинами, как бы обхватывающими колеса, чтобы резина не соскочила. Эрудит со стажем Келлер обозвал эти пластины «перьями», а всю конструкцию – «овероллом». В месте соединения – две металлические «мебельные петли» с длинным болтом-пальцем для соединения.

– Хм-м... Интересная конструкция... – Генерал внимательно следит за манипуляциями. – Возможно, она себя и оправдает.

БТР начинает потихоньку наезжать задним ходом на разложенные гусеницы, потом тормозит по сигналу одного из механиков. Свободные концы ленты натягивают поверх колес, вот сейчас будет самое интересное. Бойцы достают из кузова гигантские пародии на струбцины, надевают их специальными креплениями на грунтозацепы и «перья» и сжимают винтами, позволяя совместить отверстия шарниров и вставить болт, скрепляющий всю конструкцию. Ну, не смогли мы как следует додумать механизм натяжения, приходится пока вот так корячиться! Но всем вроде понравилось. На передних колесах заканчивают прикручивать расширительные бандажии...

Вторая попытка оказывается удачней. Илья ведет машину с большей скоростью, на расквашенном грунте она держится уверенней. Перед заграждением берется небольшой разгон, и по инерции БТР влетает в колючую проволоку, выдергивая ее вверх вместе с несколькими кольями «зубилом» капота. Затем – задний ход, новый разгон, и со второго раза «Реноха» с торжествующим ревом движка преодолевает препятствие!.. Теперь осталось совсем немного – ров, он же вражеский окоп... Машина вползает на бруствер, клюет носом вниз... Ну... Ну!.. НУ!!.. Давай, давай, давай потихонечку!.. Еще разик!.. Еще!.. Есть!!.. Окоп остается позади!!! Ура!!!

– Ну-с, господин штабс-капитан, поздравляю! – как и положено, первым высказывается начальство. – С подобными приспособлениями на колесах у броневика вполне приличная проходимость. Теперь будьте любезны – на огневой рубеж...

Генерал в сопровождении двух полковников оккупирует сиденья в своем «Тальботе» и уезжает на новое развлечение. Ха, а чем мы хуже?.. Машу рукой подъезжающему Илье, чью довольную улыбку видно через

открытое водительское окошко, после остановки БТРа открываю двери в десантный отсек.

– Господа, прошу! Сидеть не на чем, но, как говорится, лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Пропускаю вперед комиссию спецов во главе с Мгебровым, залезаю последним, и после свиста «Вперед» мы едем догонять его превосходительство.

На стрельбище нас уже ждет пулеметный расчет, и мне вдруг становится жалко своего железного коника. Понимаю, что надо проверить его на пулестойкость, но вот жалко – и всё тут!.. Ощущение такое, будто стоишь связанный по рукам и ногам и смотришь, как собираются бить твоего друга. Чтоб ты промахнулся!.. Нет, этот фельдфебель не промахнется, мне про него уже все уши прожужжали. Лучший пулеметчик Школы, если можно так выразиться – маэстро стрельбы из «максима». Во всяком случае бравый усатый дядька с двумя Георгиями на груди даже при стрельбе с закрытых позиций, как мне сказали, может отстрелить комару его первичные половые признаки, а я о таком виде огня знаю только чисто теоретически. Но все равно жалко «Реноху»...

Илья отгоняет машину на указанное место и возвращается на огневой рубеж. Дистанция – пятьсот шагов. Короткие очереди эхом разносятся по полю, фельдфебель после каждой чуть-чуть поворачивает ствол, меняя прицел по одному ему понятному алгоритму. Наконец лента кончается, и во главе с начальником Школы идём смотреть результаты... Попаданий более чем достаточно, пробитий нет. Есть только вмятины и следы рикошетов на свежепокрашенной броне. Пока мы заканчиваем прогулку, пулеметчики меняют место, огонь теперь будет вестись под углом в сорок пять градусов. Опять грохот очередей – и еще одна прогулка. И тот же результат... Меняются углы, дистанция все сокращается и сокращается... Результат одинаков – вмятины на броне и ни одной дырки...

Последнее испытание – сто шагов и огонь под прямым углом. Даже без бинокля видна отлетающая от бортов краска... Ну, скорее бы у тебя лента кончилась, пулемётчик хренов! Долбит и долбит, как дятел заведённый!.. Всё... Дробь стрельбе, идем смотреть в последний раз... На бортах к прежним следам от рикошетов добавились свежие дырки. Сверху, где железо установлено под углом, сходясь к пулеметной турели, пробоин меньше, а ниже вертикальные листы испещрены отверстиями. И чем же я их заштопывать-то буду?..

– Ну что же, господин штабс-капитан, испытания закончены. И я считаю, что ваш броневик их успешно прошел.

Генерал Филатов поворачивается к стоящим позади него офицерам.

– Думаю, члены комиссии со мной согласятся. А сам автомобиль попрошу оставить на некоторое время здесь, в Школе. Будем показывать его комиссии вместе с трехколесками и проектом прапорщика Улятовского.

Ну, ещё бы не согласились, вон, как дружно головками своими кивают. Против начальства никому неохота идти, а то вдруг поменяется тяжелое и изматывающее место службы в Ораниенбауме на комфортабельные окопы где-нибудь на Западном фронте. А может, я и зря на них наговариваю, просто «Реноху» жалко. Можно подумать, я позволю кому-то со ста шагов в борт лупить! Мои диверсы за два часа до этого всех пулемётчиков выкосят, как дурную траву...

– Что-то не вижу радости на лице, Денис Анатольевич.

Подошедший сзади Мгебров осматривает пробоины вместе со мной.

– Авто прошло испытания, Николай Михайлович доволен, даёт положительные рекомендации, да ещё и хочет показать его приезжающей комиссии. По-моему, полный успех.

– Всё так, Владимир Авельевич, только я на этот броневи́к летом рассчитывал, а сейчас – пока его комиссии покажут, пока в ремонт, пока обратно, могу и не успеть.

– Вы плохо знаете нашего генерала. Держу пари, что броневи́к будет в строю быстрее, чем вы полагаете. Вы на сегодня уже освободились?

– С броневи́ком – да. Сейчас отдам команду отогнать его в мастерские и пойду искать полковника Федорова.

– Я утром видел Владимира Григорьевича в его мастерской, наверное, он и сейчас там. У меня к вам просьба, когда освободитесь, найдите меня. Хочу кое-что показать и узнать ваше мнение...

* * *

Федорова застаю с кем-то из мастеров в его кабинете, изучающих гору чертежей, лежащих на столе. Увидев меня, он отрывается от своего увлекательного занятия:

– Заходите, заходите, Денис Анатольевич, милости просим. Я вижу, вы не с пустыми руками? Новое изобретение?

– Здравствуйте, Владимир Григорьевич. Это – подарок, недавно был трофеем. – Прислоняю чехол со взятой под Нарочью хитрой винтовкой из аэросаней к стене. – Только с такими никогда не встречался, вот и решил показать вам. А вдруг что-то полезное?

– Кстати, рекомендую: мой лучший мастер-оружейник Василий Алексеевич Дегтярёв. Помогает мне довести до ума мою винтовку, а также сам разрабатывает автоматический карабин. Да и над вашими задумками в основном он поработал.

Жму руку будущему папе «дегтяря» и ДШК и представляюсь:

– Денис Анатольевич Гуров. Изобретатель-самоучка.

– Так если б знать, где этому учат, я б еще мальцом туда подался, – Дегтярёв весело улыбается. – Владимир Григорьевич, не буду мешать, понесу чертежи в мастерскую.

Я тем временем развязываю чехол и, достав добычу, передаю ее Федорову, который, опытным взглядом окинув ствол, выдает авторитетное заключение:

– Довольно редкий трофей вам достался, Денис Анатольевич. Я, будучи еще на службе в ГАУ, году в тысяча девятьсот третьем, кажется, с этой системой познакомился. Изобретение мексиканца Мондрагона, автоматическая винтовка, производившаяся в Швейцарии. В Германии служила вооружением аэропланов до установки на последних пулемётов. Автоматика работает по принципу отвода сгоревших пороховых газов и их давления на специальный поршень, который и приводит затвор в исходное состояние. Василий Алексеевич на таком же принципе свой карабин делает. Так что с вашего позволения отдам винтовочку ему, пусть изучает.

– Да ради бога! Мне-то уж точно она ни к чему, больно патрон заковыристый. Кому ни показывал, никто не знает, где взять.

– Да, патрон там хоть и маузеровский, но для мексиканской армии – семь миллиметров. Так что у нас его точно не найдете. Ну да бог с ними, давайте лучше поговорим о ваших карабинах. – Федоров достает из шкафа, оборудованного под оружейный стеллаж, мои стволы. Точнее, не совсем мои, а их братьев-близнецов. Если получше присмотреться, видна разница в обработке металла, качестве сборки, да и нововведения кой-какие появились.

– Вот, Денис Анатольевич, доработанные аналоги ваших образцов. Начнем с внутреннего устройства. Василий Алексеевич немного переделал ударный механизм: поменял плечи рычагов, поставил другие пружины. Теперь спусковой крючок работает мягче. Но главное не в этом. Совершенно случайно в процессе работы на одном из образцов у нас получилось снизить отдачу. Когда стали разбираться, выяснилось, что из-за неправильных расчетов ударник накалывает капсюль за мгновение до того, как затвор придет в переднее положение. То есть выстрел происходит, когда он еще движется вперед и тем самым компенсирует часть силы отдачи.

– Простите, а преждевременный выстрел не раздует гильзу в патроннике? Не хотелось бы получить осечку в самый неподходящий момент.

– Нет, к тому моменту только донышко гильзы остается снаружи. В общем, попробуйте сами на стрельбище – убедитесь. Далее различия чисто внешние. На маленьком карабине есть две рукоятки для удержания, там все в порядке. А на большом – пришлось часть ствола вот этим дырчатым кожухом закрыть, чтобы руки не обжигать. А то во время стрельбы несколько наших солдат пытались взять его более широким хватом, как винтовку за цевье. Ну и приклад изогнуть немного под другим углом для удобства хвата. И напоследок, чтобы карабин не уводило вверх при стрельбе очередями, на обоих вариантах предусмотрен вот такой надульник. – Федоров показывает «стенку», на конце ствола которого красуется пятисантиметровая трубка с прорезями сверху. – Помимо всего еще и отчасти помогает маскировать вспышку выстрела. Так что можете готовить бумаги в Артиллерийский комитет ГАУ с просьбой о проведении полевых испытаний. С рекомендациями от Стрелковой школы. И не забудьте при обосновании выбранного патрона указать возможность использования забракованных стволов от трехлинейных винтовок.

– Владимир Григорьевич, вы считаете, что они могут разрешить производство?

– Может быть, Денис Анатольевич, всё может быть. Всё зависит от результатов испытаний и ещё от великого количества разных факторов, кои мы с вами предусмотреть не в силах. Тем более что вы свои карабины предполагаете для вооружения ударных частей, значит, выпускаться будет небольшая партия. Для вашего батальона это вполне возможно сделать на базе мастерских Школы. Да, и вот ещё что. В конце мая – начале июня с завода прибудет первая партия моих винтовок для проведения испытаний в войсках. В ГАУ хотят привлечь к этому роту самокатчиков Измайловского полка. А как вы посмотрите на то, что я предложу одну из ваших штурмовых рот? Они ведь не так завязаны на трофейные боеприпасы, как разведчики?..

* * *

Последний на сегодня визит – к штабс-капитану Мгеброву, желавшему что-то показать и похвастаться. Владимира Авельевича нахожу на обычном месте, в автомастерской. Завидев меня, он заканчивает разговор с кем-то из

механиков и зовёт к себе в конторку.

– Денис Анатольевич, помните тот наш разговор про гранаты? Я долго думал над тем, что вы тогда сказали, и, в конце концов, решился проэкспериментировать. Вот, посмотрите на результат этого эксперимента, – Мгебров кладет на стол помесь «мосинки» и миномета.

Беру в руки эту бандуру и внимательно рассматриваю. От приклада и до начала ствола – обычная трехлинейка, а дальше – шарнирное крепление, как у охотничьего ружья, только ствол уж слишком большой. Калибр – миллиметров сорок, не меньше. И рамочный прицел на нем присобачен. Так, а что у нас внутри?.. Отжимаю защелку, гранатомет переламывается точь-в-точь, как двустволка. Ну-да, как и следовало ожидать, нарезов нет. Защелкиваю ствол обратно и всем видом показываю, что с нетерпением жду разъяснений.

– Судя по вашей улыбке, Владимир Авельевич, эксперимент удался. Хотелось бы узнать обо всем поподробнее.

– По вашему совету решил отказаться от шомпольного запуска и заказал вот эту шестнадцатилинейную мортирку. Пришлось немного переделать саму гранату. Трубку хвостовика сделал короче и большего диаметра, для расчета ракетного порохового заряда сумел проконсультироваться аж с генералом Поморцевым, бывшим преподавателем Артиллерийской академии. Граната помещается в картонную гильзу наподобие охотничьей. После вылета из ствола раскрываются подпружиненные лопасти-стабилизаторы, как вы и советовали. Пришлось, конечно, повозиться с их размером и углом закрутки, но вроде бы нашёл оптимальное решение. Еще дольше подбирал нужный вышибной заряд. Но на испытаниях результат был отличным!.. Надеюсь, вы не в обиде, что я воспользовался вашими идеями?

– Да бог с вами, Владимир Авельевич! Получилось – и славненько... Послезавтра Владимир Григорьевич обещал отстрелять новые варианты карабинов, может быть, заодно дадите попробовать и ваш шедевр?..

Глава 26

Как там младший Райкин пел? «А я смогу, а я упрямый, я – такой, я – Труффальдино из Бергамо...» Тяжко ему, бедняжке, жилось. В моей шкуре побывал бы, ещё не так бы зачирикал. По-моему, уже все проводники пригородных поездов меня в лицо знают и при встрече здороваются. Ораниенбаум – Питер, Питер – Ораниенбаум, Офицерская школа – Павловское училище, Павловское училище – Офицерская школа, и так весь апрель. Пятнадцать предметов за месяц! Спасибо начальству, что начали с простого. Французский, немецкий, химию, механику сдал благодаря «подаренной» памяти Дениса-первого, по физике мог бы сам рассказать преподавателям много интересного и нового для них, те же основы теории электромагнитного поля, например. За успешную сдачу Закона Божьего, когда приеду, бухнусь в ноги и скажу огромное спасибо отцу Александру, не оставившему в беде раба Божьего Дионисия и заставившего одного вызубрить Псалтырь и Катехизис почти наизусть. Дальше пошли предметы посложнее, типа военной администрации, законовещения и воинских уставов. Справился с ними и немного отдохнул на военной истории, которую последнее время помимо учебника вдабливал мне в голову Федор Артурович. В переносном смысле, конечно...

Топография по старой памяти тоже далась нетрудно. Зато остались самые тяжкие экзамены, и средний балл потихоньку пополз вниз. Хотя, честно сказать, особенно я этим не заморачивался. В этом учебном заведении и спустя восемьдесят лет говорили, что лучше иметь синий диплом и красный нос, чем наоборот. Общую тактику и инженерное дело с фортификацией сдал на восемь баллов, а вот на артиллерии чуть было не засыпался. Хотя это слишком громко сказано. Сей предмет в училище преподавал полковник Каменцев, имевший позывной «Пушка», или «Пушечка». Маленького роста, черноволосый, с бородой, классически расчесанной на две стороны, как преподаватель, он был выше всяческих похвал, артиллерию знал, как никто другой, но вот манера общения...

Опрошенные накануне в курилке господи юнкера, весьма польщенные тем, что геройский штабс-капитан вот так, запросто, пускает дым вместе с ними и беседует как с равными, сообщили, что при малейшей ошибке экзаменуемого полковник орет благим матом, хватается за штык, которым пользуется вместо указки, и со всей дури колотит им по столу. Юнкера от

такого темперамента терялись и отвечали еще хуже, что вызывало только усиление воплей и грохота. Признаться, на экзамене, когда полковник задал неожиданный вопрос, и я ответил не совсем уверенно, началась вполне ожидаемая реакция с повышением голоса и барабанной дробью четырехгранной деталью от «мосинки».

Первым желанием было выхватить свою парадно-наградную шашку и рубануть по столу, но потом сдержался. Оказалось, что достаточно рывкнуть, перекрикивая темпераментного экзаменатора, «Господин полковник!» и, недоуменно подняв брови, вопросительно посмотреть на оппонента. «Пушечка» осекся и довольно быстро сообразил, что безусая мелкая зелень под названием «господа юнкера» и фронтовик-орденоносец, у которого по слухам на счету от нескольких десятков до нескольких сотен убитых германских солдат, – несколько разные физические величины. Тем более учитывая близкие, по тем же слухам, отношения фронтовика с генералом Келлером. Поэтому дальнейший экзамен прошел в обстановке дружбы и взаимопонимания, но семь баллов он мне все-таки вкатал!..

Оставалось сделать последний рывок, сдать «Тактику родов войск», и – все, свобода!.. Которая вас примет радостно у входа и быстро штоф вам поднесет!.. Но это – завтра. А сегодня надо еще смотаться в Ораниенбаум, посмотреть, как там мои орлы под общим руководством старшего унтер-офицера Буртасова, и пообщаться с Федоровым по поводу чертежей и бумаг на получение привилегии и на представление в комиссию Арткомитета. Потом вернуться на квартиру и полистать учебники где-нибудь до полуночи, вызывая законные подозрения хозяина-мастерового и его жены: мол, офицер, а ни пьянок, ни баб, всё книжки по ночам читает, уж не революционер ли часом? Или еще похуже. Один наш старый товарищ майор как-то рассказывал, что за подобный образ жизни как-то даже секретарь парторганизации вызвал на беседу и мягко, по-отечески, выдал перл в стиле: «Водку вы не пьете, в женских общежитиях не замечены... Признайтесь, вы – наркоман?..»

* * *

Экзамен длился уже полчаса, и за это время я рассказал почти все по билету, добавляя сверх изученного свои мысли, подкрепленные боевым опытом, типа необходимости нахождения артиллеристов-корректировщиков в боевых порядках пехоты для своевременного переноса огня и организации атаки за огневым валом, или необходимости

взаимодействия авиации, артиллерии и пехоты. Скрип двери отвлекает и меня и экзаменаторов, на пороге появляется начальник училища генерал Вальберг. Иван Иванович объясняет, типа, стало скучно, вот и зашел послушать, не обращайтесь на меня внимания и продолжайте. Заканчиваю отвечать по билету и жду дополнительных вопросов, которые следуют не с фронта, а с тыла.

– Господин штабс-капитан, я имел удовольствие намеренно общаться со своим старым приятелем генералом Филатовым, и в разговоре всплыла ваша фамилия. Оказывается, вы и там отличились – бронеавтомобиль по собственному проекту, какие-то хитрые карабины и, самое главное, – новая тактика наступления с помощью всех этих новинок, которую вы обещали показать Николаю Михайловичу.

– Так точно, ваше превосходительство. Только автор задумки не я, а штабс-капитан Поплавко, о котором услышал там же, в Офицерской школе. Он предложил использовать штурмовые группы гренадеров, вооруженных пистолетами Маузера, гранатами и ножами, которые в броневиках прорываются к окопам противника и захватывают их, после чего дожидаются подхода основных сил. Я только немного дальше развил эту идею.

– Да, мы об этом тоже говорили, – начальник училища согласно кивает головой и далее выдает фразу, от которой я впадаю в состояние легкого офигевания: – Более того, Николай Михайлович был настолько любезен, что пригласил меня и нескольких преподавателей училища посмотреть на вашу идею своими глазами. А учитывая, что сегодня у вас последний экзамен... Я предлагаю перенести его окончание на полигон Офицерской школы. Вы согласны?..

Вот это фортель!.. Типа, триндеть про всякие нововведения можно сколько угодно, а воочию показать слабо? Да нет, не слабо. Мы это уже отработывали на базе, и не раз, но только без боевой стрельбы. Ну, значит, совместим приятное с полезным...

– Когда прикажете отправляться, ваше превосходительство?

– Да вот прямо сейчас и отправимся, – генерал Вальберг одобрительно улыбается и обращается к моим экзаменаторам: – Вас, господа, также прошу следовать за нами. Авто уже ждет...

* * *

Спасибо генералу Филатову, что выбрал на полигоне участок

почище, чтобы самому не испачкаться и гостей в грязи не выкупать. Начальство и лица, к ним приближенные, рассредоточились на небольшом бугорке, а мы стоим на исходном и ждем отмашки. Сценарий очень прост – две сотни метров до окопа, в котором роль врага выполняют мешки с песком, выглядывающие на высоту пикельхельма. За полсотни шагов до них – колючка в три ряда. По сигналу мы должны двигаться за броневиком, в то время как один из наших пулеметчиков будет долбить по «германцам» из «максима», установленного на турели. После прорыва заграждений рассыпаемся цепью и атакуем, создавая такую плотность огня, чтобы противник не мог даже высунуться. Бойцы сменили свои карабины на одолженные у Федорова «стенки», у каждого боезапас – один магазин, то бишь тридцать выстрелов. На дистанцию в сорок метров вполне достаточно. Пострелять из них они уже успели вчера, так что шансы удивить и, следовательно, победить есть.

Ещё раз напоминаю бойцам: до прорыва заграждений не высовываемся, работает только пулемет, как прошли колючку, по свистку рассыпаемся в цепь и работаем двойками – один бежит, другой прикрывает, высаживая пару-тройку патронов по мешкам. Народ кивает головами, мол, всё помним, не в первый раз, на базе сколько уж бегали. Илья Буртасов, работающий сегодня водилой, высовывается из кабины и кричит, что есть сигнал. Понеслась!..

«Реноха» ползет вперед с пешеходной скоростью, обдавая нас легким ароматом выхлопных газов, мы крадемся сзади двумя короткими колоннами, «прикрываясь» от гипотетического огня противника, который, судя по всему, виртуально лупит по нам из всех стволов. Быстренько выглядываю из-за борта, до колючки осталось метров двадцать... Буртасов коротко сигналист клаксоном, мы отстаем на пару метров, он с разгона таранит колья с проволокой... Затем, чуть сдав назад, еще раз... И еще... Есть!.. БТР проезжает чуть дальше порванной колючки, высвистываю «Атаку», бойцы шустро разбегаются на пятьдесят шагов вправо-влево от машины, половина уже начинает стрельбу по «гансам», половина несётся к окопу... Работающий со мной боец пробегает вперёд, пока я дырявлю пару мешков короткими очередями, падает на колено, прицеливается...

Моя очередь! Подрываюсь с земли, на ходу делаю еще пару выстрелов, проношусь мимо напарника, азартно лупящего по целям... Два шага... Три... Четыре!.. На колено, ловлю в прицел уже порядком разлохмаченные мешки, отсекаю очереди по два патрона... Мимо проносится мой второй номер, падает на землю, начинает стрелять!.. Снова вперед, опять на колено, выстрелы вплетаются в общий грохот!.. До «врага» десять метров,

снова сигналю «Атаку», обе пятерки почти одновременно взлетают на бруствер, и, уже не экономя оставшиеся патроны, поливают бездыханных хозяев ровика!.. Металлический лязг затвора, ствол – в небо, команду: «Оружие к осмотру!» Штурмовики отсоединяют магазины, оттягивают затворы, показывая отсутствие боеприпасов. Отправляю бойцов вместе с броневином на исходный рубеж и иду докладывать.

– Ваше превосходительство! Условный противник уничтожен!

– Да-с, это видно и отсюда. – Генерал Филатов поворачивается к стоящему рядом Вальбергу. – Ну что, Иван Иванович, пойдёте считать дырки?

Начальство, не торопясь, подходит к окопу, и начинается соревнование в арифметике. Кто-то из свиты в порыве служебного рвения даже спрыгивает вниз, желая выдать самый точный результат.

– Да что тут считать? – первым не выдерживает Вальберг. – Не мешки, а ветошь. Рвань сплошная... Господин штабс-капитан, поздравляю вас с успешной сдачей экзамена!..

Глава 27

После того, как был отпущен обоими генералами, отправил бойцов и броневик по местам дислокации, предупредил Илью, что он остается за старшего и что меня до завтрашнего утра искать только через дежурного по училищу и только в случае всемирного потопа. Без двух минут прапор, многозначительно улыбнувшись, заверил, что все будет в порядке и командир может позволить себе немного расслабиться, в чем весь личный состав от всей души желает ему ни пуха, ни пера. Так же от всей души послав всех к черту, быстренько собрался и к вечеру был уже в своей альма-матер. Поручик, дежуривший сегодня, поздравил с благополучным завершением экзаменационной гонки, сообщил по секрету, что информация об утреннем турне в Ораниенбаум уже известна всем, и, поняливо улыбаясь моему вопросу, посоветовал не соваться в «Яр» на Большом проспекте, а отправиться в «Аквариум» на Каменноостровском, который не так уж далеко и где можно неплохо отдохнуть.

Последовав хорошему совету, уже через полчаса был на месте и ошвартовался, как говорят моряки, за столиком в отдельном кабинете. Перегородки лишь немного приглушают обычный ресторанный гомон разгоряченных «хозяев жизни», но закрывать двери и полностью отгораживаться от мира я не стал. Тихонько сижу и, уподобившись зрителю в отдельной ложе, философски наблюдаю за тем, как разворачиваются действия в происходящей вокруг то ли трагикомедии, то ли пьесе из репертуара театра абсурда. Сам пока не разобрался, какое определение подходит больше.

Учитывая название ресторана и пользуясь подсказками официанта, упор в заказе я сделал на рыбные блюда. И буквально через несколько минут передо мной стоит графинчик с водочкой и две вытянутые тарелки, одна с тоненько нарезанным осетровым балычком, другая – с ломтиками селедочки пряного посола, в обрамлении тоненьких колечек лука и полупрозрачных лимонных ломтиков. Это – для начала, чтобы не скучать, пока на кухне приготовят расстегаи с ухой-пюре и блинчики с икрой. Когда услышал, как выглядит настоящий расстегай, понял, что ничего другого уже не хочу. Пирог с открытым верхом длиной в ладонь, с начинкой из рыбного фарша с визигой, куда после выпечки вливают растопленное масло с мелко нашинкованной зеленью, сверху кладется ломтик осетрины, а на него – кусочек налимьей печени. И запивать это все положено

ушицей...

Первая рюмка водки огненным шариком скатывается вниз по пищеводу, теперь немного подождать и отправить по тому же маршруту кусочек благоухающей полупрозрачно-розовой осетринки... Теперь повторяем манипуляции и наслаждаемся тем, как мягкое тепло и легкость постепенно наполняют все тело...

Окружающая действительность ассоциативно заставляет всплыть в памяти культовую «Кафе Лиру» Андрея Макаревича...

«...Вот у стойки ребята, их лица помяты, в глазах глубина...» Ага, вот! Прямо напротив меня два гражданских шпака поят какого-то малиново-красного от водки и удовольствия интенданта, не забывая при этом причаститься и самим. Процесс идет уже давно и с приличной скоростью...

«...Вот за столиком дама, на даме – панاما, под ней – томный взгляд...» Чуть левее и дальше обосновалась парочка. Какой-то обрюзгший, рыхловатый господин лет сорока с нехорошим взглядом и молодая, симпатичная, хорошо одетая дамочка с хитрой прической на голове. Стреляющая по сторонам пронзительно-томными быстрыми взглядами в надежде, что клиент клюнет. Скорее всего, вариант «дядюшка с племянницей». Найдется подходящая кандидатура, у родственничка возникнет неотложное дело, и он якобы исчезнет, а время до утра оставшиеся проведут по обоюдному согласию и к обоюдному удовольствию...

А вот этого в песне «Машины времени» уже нет. За сдвинутыми столиками сидит человек семь солидных таких господ и о чем-то оживленно дискутируют. Потом один из них встает и чуть громче, чем надо, а может и специально, чтобы услышали все, начинает толкать речь о том, что, мол, Отечество в опасности, что страна на грани и что только их самая лучшая в мире партия прогрессистов знает верный способ выйти из тупика и привести эту самую страну к процветанию, не уточняя, впрочем, к чему...

Легкий шум в дальнем углу привлекает не только мое внимание, но, разглядев подробности, все равнодушно возвращаются к своим занятиям. Там, за столиком, гуляют фронтовики. Штабс-капитан с Георгием на кителе и два прапора. Один, постарше, – тоже кавалер, а второй, видать, только недавно выпустился. Но, судя по всему, в окопах посидел и пороха понюхал. Все трое о чем-то оживленно спорят, немного превышая нормальный уровень шума. Им можно. Мужики, наверное, на пару деньков в цивилизацию вырвались, решили оторваться, чтобы потом, в сыром и темном блиндаже вспоминать эту попойку, как великое счастье...

Подзываю пробегающего мимо официанта, и через минуту он по моей просьбе подходит к их столику с большим графином беленькой и говорит что-то господам офицерам. Те крутят головами по сторонам, находят меня взглядами... Давайте, ребята, за вас, за всех нас, не кланяющихся пулям, сидящих в окопах, ведущих свои роты в атаку, в общем, воюющих! За наше фронтовое братство!..

Поднимаю рюмку и салютую коллегам. Те отвечают тем же, затем штабс направляется к выходу, скорее всего, по очень срочным делам, а оба прапора шагают в моем направлении. Точнее, в атаку рвется один, а второй, помладше, пытается его остановить, но безуспешно...

– Прапорщик Савинов!.. С кем имею честь? – гость представляется, пьяно растягивая гласные. Бедняга, он же скоро совсем в осадок выпадет. Прапор тем временем, не обращая внимания на погоны, пытается навести резкость, чтобы разглядеть «иконостас» на моем кителе.

– Прапорщик Зимин! Простите, господин штабс-капитан!.. Алексей, пойдем!.. – Второй прапор пытается утащить своего друга от греха подальше.

– Штабс-капитан Гуров. Пойдемте, господа, я провожу вас до столика... – затем добавляю громче, чтобы было хорошо слышно всем: – Приятно встретить в этом заведении хоть нескольких нормальных людей!

Что такое? Не нравится?.. А ты рискни здоровьем, подойди и потребуй объяснений, чмо тыловое!.. А если нет, то глазенки бесстыжие – в пол, и сидеть тихо, пока мы тут мимо гуляем!..

Потихоньку добираемся до столика, по пути выясняя, что ребята – с Северо-Западного, приехали за пополнением, которое только обещают, но не дают и на все заявления, что фронту оно срочно и жизненно необходимо, открыто смеются в лицо.

Официант, оперативно предугадывая наши дальнейшие действия, ставит на стол чистый прибор и исчезает. Вскоре появляется третий и представляется штабс-капитаном Коноваловым. Называю себя, он морщит лоб, пытаясь что-то вспомнить, потом его осеняет:

– Помилуйте, не тот ли Гуров-Томский, который отличился в Нарочанской операции?

Подтверждаю, что именно тот, газеты тогда аж захлебывались заказным восторгом, дескать рота штабс-капитана Гурова, совершив смелый и отчаянный маневр, вышла во фланг укрепившемуся противнику и молниеносным ударом захватила окопы, ну и всё остальное – бла-бла-бла в том же духе.

У прапорщика Алеши возникает гениальная идея, что за это

немедленно надо выпить, а потом дорогой гость расскажет подробности. Все остальные идею дружно поддерживают, ну и я кочевряжиться не буду. Накатываем по рюмашке и вкратце рассказываю, как тихонько прокрались по болоту, сняли часовых и поубивали всех германцев. После водки проскакивает на уровне чистой правды. Извиняюсь, что покидаю душевную компанию, мотивируя тем, что ожидаю гостей, беру вновь налитую рюмку и предлагаю тост «За Победу!». Господа офицеры подпрыгивают со своих мест, звучит громкое «Ура!», и я возвращаюсь в кабинетик...

* * *

Та-ак, вечер перестает быть томным!.. Оказывается, меня действительно ждут гости. За столиком сидят два прилично одетых господина. Одного, слегка полноватого, с заливчатски закрученными черными усами и небольшими залысинами, я никогда в жизни не видел, а вот другой – знакомое лицо, виски с проседью... Петр Всеславович Воронцов!..

– Здравствуйте, Денис Анатольевич! Очень рад вас видеть! – Ротмистр поворачивается к своему спутнику. – Вот, Алексей Алексеевич, это и есть наш герой. Знакомьтесь, господа!

Знакомимся, незнакомец негромко представляется штаб-ротмистром Алексеем Алексеевичем Бессоновым, служащим в Петроградском жандармском отделении. Представляюсь ему, жму протянутую руку и подзываю слегка испуганного официанта, вьющегося на безопасном расстоянии в ожидании моей бурной реакции и дальнейших указаний:

– Любезный, прежний заказ – в трех экземплярах, и побыстрее!

Блюдоносец мгновенно испаряется, а у нас начинается серьезный разговор, замаскированный совместным распитием водочки под хорошую закуску...

– Петр Всеславович, я тоже рад вас видеть. Какими судьбами в Петрограде? Что-то случилось?

– Ничего особенного, Денис Анатольевич. Но об этом после. У нас для вас... Ну, как вы любите говорить, информация к размышлению. Да, забыл сказать, что Алексей Алексеевич является заместителем командира Петроградского отделения Дружины и при нем можно говорить откровенно. Вот он сейчас и расскажет последние новости.

– ...Десять дней назад нам сверху поступило указание, замечу, устное

и неофициальное, собрать всю имеющуюся информацию о штабс-капитане Гурове-Томском... – помолчав секунду и собравшись с мыслями, начинает Бессонов. – Причем самую что ни на есть подробную, вплоть до мелочей. По нашим данным такие же запросы отправлены в Томск и Минск.

– И как вы полагаете, Алексей Алексеевич, кому моя персона вдруг стала такой интересной?

– Не знаю, не знаю... Такого рода приказание мог отдать либо командующий корпусом генерал Татищев, либо сам министр внутренних дел Штюрмер.

– Им самим, полагаю, я без надобности. Значит, об этом попросили... Кто-то из великих князей или придворного окружения императора?

– Нет, Денис Анатольевич, я так не думаю, – в разговор, неспешно рассуждая, вступает Воронцов. – В этом случае проще было бы получить информацию от генерала Келлера или его штабных. Ваш батальон же прикомандирован к его Сводной группе.

– Нам кажется, что это – инициатива кого-то из Думы, – продолжает Бессонов. – И, скорее всего, – представителей либеральной оппозиции. Вы знаете о существовании Военной ложи?

– Если только в общих чертах. Знаю, что там много генералов и генштабистов. И что это имеет прямое отношение к масонам.

– Ну, если в двух словах, началось все с приглашения думцами офицеров в качестве консультантов. Организовал это Александр Иванович Гучков, бывший до войны председателем Думской комиссии по обороне, а ныне – особоуполномоченный Красного Креста и председатель Военно-промышленного комитета. Со временем получилась нелегальная организация, в которую вошли как думские деятели, так и ряд высокопоставленных представителей армии и флота. Навскидку могу перечислить вам военного министра Поливанова, начштаба Главковерха Алексеева, комфронта Рузского, начальника ГАУ Маниковского, генералов Гурко, Крылова, Теплова, адмирала Вердеревского, некоторых офицеров Генерального штаба...

Ну, по трем фамилиям совпадение более чем красноречивое. В 1917-м Алексеев рассылает телеграммы командующим фронтам о желательности отречения, Рузский, к которому приехал Николай, вроде чуть ли не силой заставляя подписать манифест, который тут же попадает в руки Гучкову. Там, правда, еще и какой-то Шульгин засветился...

– ...Так вот, мы думаем, что эта компания подыскивает подходящие кандидатуры командиров полков и батальонов с целью переманить их на свою сторону. С тем, чтобы позже использовать при перевороте, –

рассуждает Бессонов, внимательно глядя на меня.

– И как вы считаете, штабс-капитан Гуров – подходящая кандидатура? Как-то даже обидно, что кто-то считает возможным меня купить.

– К сожалению, для нас – нет, – к разговору опять подключается Воронцов, увлеченно до этого наслаждавшийся поданным расстегаем. – Но информацию о данном офицере иметь надо.

– Да. Все опрошенные, Денис Анатольевич, говорят о вас, как об убежденном монархисте, не стесняющемся открыто высказывать свои взгляды, несмотря на падение авторитета императора в глазах общества.

– И что же еще обо мне говорят?

– Пока – немного, – Бессонов начинает перечислять серьезным тоном: – В настоящий момент по данным нашего отделения господин штабс-капитан представляет в Ораниенбаумской офицерской стрелковой школе проекты своего броневедомоу и карабина. Попутно сдает экстерном экзамены в Павловском училище. Следовательно, решил делать военную карьеру...

– Долгов нет, к карточным и иным азартным играм относится равнодушно, алкоголь употребляет весьма умеренно, – подхватывает Петр Всеславович, кидая мимолеуный взгляд на опустевший графинчик. – В порочащих его связях с женщинами не замечен... Что еще?.. Ваши подвиги и награды, я думаю, будут описаны генералом Эвертом, кстати, имеющим тесные связи с вышеперечисленными генералами. И, скорее всего, будет сделан вывод о том, что вы – человек смелый и рискованный, но не теряющий головы. Поэтому, наверное, и являетесь протеже генерала Келлера, приметившего достойного офицера. И именно поэтому тот, бросив все, примчался в Могилев, когда штабс-капитан был при смерти. Почему это было сделано в компании с академиком Павловым, пока неясно, но мы тщательно будем стараться это выяснить. Наверное, всё будет представлено, как желание последнего показать себя перед монархом с лучшей стороны.

Минское отделение добавит, что вы женились на сестре милосердия из госпиталя, где проходили лечение, и в данный момент она проживает в Гомеле у своих родителей... Денис Анатольевич, я прекрасно понимаю ваше отношение к этому вопросу, но скрыть сей факт просто не удастся. Подумают, что мы – либо профаны, либо что-то скрываем. Никто не знает, какими еще способами будет собираться информация, и нам бы очень не хотелось бросать тень подозрения на наших коллег. Тем более что меры предосторожности мы с вами предприняли.

– Хорошо, Петр Всеславович, убедили.

Хреново, конечно, но пока ничего не могу сделать. Узнать бы еще, кто там такой любознательный завелся, да поговорить тет-а-тет.

– Будем считать вопрос закрытым... А всё-таки я так и не услышал, что привело вас в столицу.

– Помните, в Институте я говорил о поручике, передавшем странное предложение германцев передать нам раненых Георгиевских кавалеров? Вы тогда ещё высказали мысль о засылке диверсионной группы. Так вот, они позавчера пересекли границу в Хапаранде, шведском приграничном городе, где мы всегда производим обмен. Но в этот раз есть некоторые нюансы. Во-первых, пленных отпускают без обмена и прочих условий. Во-вторых, как Алексею Алексеевичу уже сообщили, помимо инвалидов следуют одиннадцать легкораненых офицеров и унтеров, большей частью уже выздоровевших. Разумеется, все они – Георгиевские кавалеры, как и было обещано. Ну, и в-третьих, с ними в Петроград следует несколько человек из германского Красного Креста. С разрешения наших властей и под обещанную им неприкосновенность.

– В сопровождении, тем не менее, шведских представителей. Сама Эльза – Сибирский ангел едет, между прочим, – добавляет Бессонов и, видя непонимание на наших лицах, поясняет: – Эльза Брендстрём, дочь шведского посла в России. С начала войны работала в госпитале, выхаживала наших раненых, затем вместе с отцом переключилась на германских и австро-венгерских военнопленных, в прошлом году добровольно отправилась вместе с одним из эшелонов в Сибирь. Недавно вернулась повидать родных и снова собирается туда же.

– Значит, безо всяких условий... И с десятков живых-здоровых матерых вояк...

– Денис Анатольевич, я понимаю, о чём вы думаете... Если бы готовилась диверсия, не стали бы они вот так открыто действовать. Вспомните польских так называемых революционеров. Их задолго до акции заслали к своему агенту, они готовились, все просчитывали. А тут... – Воронцов пытается развеять мою паранойю. – Тем более что с ними будут тщательно работать, да и потом без присмотра не оставят. Каждого будем отслеживать.

– Хорошо, а что вообще планируется делать с ними? Ну, приедут они завтра, выйдут из поезда, а дальше что?

– А дальше, Денис Анатольевич, будет торжественная встреча героев с участием великих княжон Ольги Николаевны и Марии Николаевны. Нам циркулярно сегодня сообщили... – объясняет Алексей Алексеевич, – после чего отвезут в царскосельский лазарет, где они будут проходить

обследование и лечение. И мы тем временем с ними немного поработаем...
Кстати, не хотите присоединиться?

– Ну не знаю, меня мой батальон ждет. И так почти все время я в разъездах, скоро бойцы совсем забудут, как их командир выглядит. А вот завтра, если позволите, вместе с вами на Финляндский вокзал прокачусь. Во сколько прибывает поезд?..

notes

Примечания

1

Кто такой? Что вы здесь делаете? Отвечать! (нем.)

Интендант Могль! (*нем.*)

3

Стул! (нем.)

4

Не шевелиться! (нем.)

Отдых после дела (*лат.*).